КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЯНВАРЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXVIII. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. О борьбѣ духовныхъ властей въ бывшей епархіи бѣлогородской съ суевѣріями. Проф. Амф. С. Лебедева. (1-21).

II. Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. Е. Ѳ. Юнге. (22—34).

III. Судьба Выговскихъ и Ивана Нечая. А. А. Востокова. (35—46).

IV. Старинная южно-русская гравюра. Г. (47—59).

V. Культурныя переживанія. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. (60—90).

VI. Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Проф. А. А. Потебни. (91—94).

VII. Беата и Гальшка. Историческій разсказъ изъ польско-русской жизни XVI в. Як. Каро. (Переводъ съ нѣмецкаго). Н. М. (95—116).

VIII. Документы, извѣстія и замѣтки. Въ какой обстановкѣ гетманъ Разумовскій объѣзжалъ Малороссію въ 1752 г. А. Л. Гетманскіе проповѣдники. Мысль императора Александра объ учрежденіи въ Малороссіи козачьихъ полковъ. А. Л. Изъ бумагъ М. П. Миклашевскаго. Къ статьямъ проф. Н. Ѳ. Сумцова „Культурныя переживанія". Нв. М—ра, И. Левитскаго. Нѣсколько данныхъ о состояніи кіевскаго учебнаго округа въ 1835 году. В. П. Науменка. Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи. Хр. Ящуржинскаго. Въ какомъ году впервые появились на Руси пушки? П. А. Липинченко. (117—134).

IX. Генеральный писарь Андрей Безбородко. А. Л. (135—140).

X. Библіографія. 1) Кіевъ теперь и прежде. Составилъ инспекторъ кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ М. М. Захарченко. П. М. В. К. Гульдманъ. Подольская губернія. Опытъ географическо-статистическаго описанія. Ц. Неймана. В. В. Докучаевъ. Методы изслѣдованія вопроса: были ли лѣса въ южной степной Россіи. М. Едлинскій. Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій, и его литературные труды. Н. М. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1889 и въ началѣ 1890 г., касающіяся ю. Россіи. (141—174).

Объявленія. (1—10).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ генеральнаго писаря Андрея Безбородко. 2) Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Въ вышедшихъ 1—12 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго.**—Судъ и казнь Григорія Самойловича. **А. А. Востокова.**—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачтета** —Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску.**—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка.**—Воспоминанія Н. И Усковой о Т. Г. Шевченкѣ, съ прим. М. Чалаго, **Н Зарянки.**—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго.**—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка** —На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева.** Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн Корсуня или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго.** Очерки старин. быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго.** Іоаннъ Вишенскій. **Мирона.** Нечистая сила, повѣсть **Остои,** пер. съ пол. **П. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.** Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго.** Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго.** Чума, разск. **Мирона.** Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана.** М. С. Щепкинъ, какъ артистъ и человѣкъ **В. Ермилова.** Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго.** Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ.** Два намѣстника. **А. Е.** Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф очеркъ). **М. К. Васильева.** Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева.** На «Вовчомъ хуторѣ». **Дмитрія Марневича.** Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи **Акад. К. А. Трутовскаго.** Лирники. **Валеріана Боржковскаго.** Ѳома Падурра (Критическій очеркъ) **Равиты.** Нѣсколько новыхъ замѣчаній въ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга»,—по поводу статьи И. И. Малышевскаго: «О происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» **Архимандрита Леонида.** Полтавскій полковникъ Иванъ Черняк. **А. А. Востокова.** Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1624 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. **Ѳ. Д. Николайчика.** Живая могила. (Малорусская легенда). **Л. М. Старицкой.** Младшій братъ. Очеркъ изъ галицкой жизни **Генриха Іоссе** (Переводъ съ польскаго). Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. **Б. С. Познанскаго.** Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. **В. Н. Сторожева.** О статьяхъ Богдана Хмельницкаго. **П. А. Шафранова.** Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А. Темризовъ). Очеркъ. **Е. С. Некрасовой.** Александръ Степановичъ Лашкевикъ. (Некрологъ). Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники. **Николая Сарнецкаго.** (Переводъ съ польскаго). **Н. М** Отвѣтъ на полемическую замѣтку В. Г. Васильевскаго. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго.**

Въ отдѣлѣ «Документовъ. извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. П. А. Лашкарева. Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, П. Л., И. С. Листовскаго, А. Л., В. А., П. Т., Мирона, К. В. Болсуновскаго, Ив. Манжуры, И. Бѣньковскаго, О. Л., W., Н. М., М. К. Чалаго, проф. Н. И Петрова, Хр. П. Ящуржинскаго, А. А. Савича, В. П. Науменка, А. Ш., Н. Н. Оглоблина, Я. П. Новицкаго, Н. Д. Н., Б. С. Познанскаго, А. С. Л., Г., Вл. Ляскоронскаго, А. Андр., Г. Залюбовскаго

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVIII, 1889 г. Январь, Февраль и Мартъ.

		стр.
I.	О борьбѣ духовныхъ властей въ бывшей епархіи бѣлогородской съ суевѣріями. Проф. **Амф. С. Лебедева.**	1—21
II.	Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. **Е. Ѳ. Юнге.** . .	22—34
III.	Судьба Выговскихъ и Ивана Нечая. **А. А. Востокова.**	35—46
IV.	Старинная южно-русская гравюра. **Г.**	47—59
V.	Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова** 60—90,	320—333
VI.	Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Проф. **А. А. Потебни**.	91—94
VII.	Беата и Гальшка. Историческій разсказъ изъ польско-русской жизни XVI в. **Як. Каро.** (Переводъ съ нѣмецкаго). **Н. М.** . . . . . 95—116, 305—319,	485—525
VIII.	Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ. (Изъ разсказовъ моей матери). **Над. М. Кибальчичъ**.	175—184
IX.	Очеркъ коліевщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ годовъ. **Я. Н. Шульгина** . . . . . 185—210,	381—418
X.	Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Богдана Хмельницкаго. I—VII. **О. И. Роговой**. . . . . 221—254,	419—443
XI.	Александръ Андреевичъ Беклешовъ. (1743—1808), малороссійскій военный генералъ-губернаторъ, кіев-	

стр.

скій военный губернаторъ, генералъ-прокуроръ. Проф. **В. С. Иконникова** . . . . . 255—304

XII. Илья Ивановичъ Квитка, неизвѣстный писатель конца прошлаго и начала текущаго столѣтія. **Н. В. Шугурова.** . . . . . 444—453

XIII. Голосъ «Малороссіи» конца XVIII в. (Стихи по поводу назначенія Кречетникова малорос. ген.-губерн.) 454—457

XIV. «Вояжъ по Малой Россіи г. генерала отъ инфантеріи Беклешова». . . . . 458—463

XV. VIII-й археологическій съѣздъ въ Москвѣ. Проф. **Д. И. Багалѣя.** . . . . . 458—484

XVI. Документы извѣстія и замѣтки. Въ какой обстановкѣ гетманъ Разумовскій объѣзжалъ Малороссію въ 1752 году **А. Л.** Гетманскіе проповѣдники. Мысль императора Александра объ учрежденіи въ Малороссіи козачьихъ полковъ. **А. Л.** Изъ бумагъ М. П. Миклашевскаго. Къ статьямъ проф. Н. Ѳ. Сумцова «Культурныя переживанія». **Ив. М—ры** и **Н. Левитскаго.** Нѣсколько данныхъ о состояніи кіевскаго учебнаго округа въ 1835 году. **В. П. Науменка.** Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи **Хр. П. Ящуржинскаго.** Въ какомъ году впервые появились на Руси пушки? **И. А. Линниченко.** Къ біографіи Т. Г. Шевченка. **И—й.** Письмо 1781 г. глуховскаго адвоката изъ Петербурга, о тамошней жизни. Убійство упыря въ Кіевщинѣ во время чумы 1770 г. **Я. Ш.** Запорожскій старшина Антонъ Головатый въ Кіевѣ. Сообщ. **А. Андр.** Отрывокъ изъ записокъ русскаго паломника первой половины XVII вѣка о Кіевѣ. **Архимандрита Леонида.** Память объ Антонѣ Головатомъ въ с. Слободзеѣ, тираспольскаго уѣзда. Сообщ. **Н. Кирица.** Замѣтка объ археологической выставкѣ VIII съѣзда въ Москвѣ. **Х.** Всеподданнѣйшій рапортъ о состояніи университета св. Владиміра въ 1835 г. **В. П. Науменка.** Изъ бумагъ сенатора М. П. Миклашевскаго. **Л.** Будто бы домъ

стр.

Богдана Хмельницкаго. **А. Л.** Неудачная археологическая экскурсія Н. Д. Иваницева. **L.** Письмо и стихи Варлаама Ясинскаго. Сообщилъ **О. Л.** Письмо 1801 г., изъ Чернигова, о тамошнихъ новостяхъ. Къ исторіи овцеводства въ Малороссіи. **Н. В. Стороженка.** Сатира на пановъ въ началѣ 60-хъ годовъ. **В. П. Науменка** . . . . . 117—134, 322—355, 526—546

XVII. Генеральный писарь Андрей Безбородко. **А. Л.** . . . 135—140

XVIII. Къ рисункамъ Шевченка . . . . . 356—858

XIX. Мих. Бороховичъ, гадяцкій полковникъ (1687—1704). Къ портрету. **А. Л.** . . . . . 547—551

XX. Библіографія. Кіевъ теперь и прежде. Составилъ инспекторъ кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ М. М. Захарченко. **Н. М.** В. К. Гульдманъ. Подольская губернія. Опытъ географическо-статистическаго описанія **Ц. Г. Неймана.** В. В. Докучаевъ. Методы изслѣдованія вопроса: Были ли лѣса въ южной степной Россіи. М. Едлинскій. Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій, и его литературные труды. **Н. М.** Гиляревскій А., свящ. Русскій путешественникъ по св. мѣстамъ Василій Григоровичъ Барскій. **Ив. Новицкаго.** Кубанское казачье войско. 1696—1888 г. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ **Н. М.** Д. И. Эварницкій. Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ и Новороссійскаго края. **И. Ж.** Волынскій народный календарь на 1890 г. Годъ второй. **Арк. Л—нка.** Памятная книжка волынской губерніи на 1890 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическ. комитета. Составлена подъ редакціей члена секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. **Арк Л—нка.** Харьковскій Сборникъ. Литер.-науч. приложеніе къ «Харьковскому календарю» на 1890 годъ. **П. Г.** Обозрѣніе журналовъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1889 и въ началѣ 1890 г., касающіяся ю. Россіи. Русскія древности въ памятн. искусства. Проф. **Ѳ. Г. Мищенка.** Священникъ Арсеній Рождественскій. Южнорусскій штун-

СТР

дизмъ. Изслѣдованіе. **Н. М.** Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси. **Ив. Новицкаго.** П. Голубовскій. Половцы въ Венгріи. Историческій очеркъ. **Н. М.** Бѣлорусскія древности. **Арк. Лященка** . . . . . 141—174, 359—380, 552—576

XXI. Объявленія. . . . . 1—6

Приложенія: 1) Портретъ генеральнаго писаря Андрея Безбородко.
2) Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в.
3) 4 рисунка Т. Г. Шевченка.
4) Лѣтописныя замѣтки о событіяхъ въ Новороссіи.
5) Портретъ Михайла Бороховича.

Открыта подписка на 1890 годъ

(годъ девятый).

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

Въ **1890** году „КІЕВСКАЯ СТАРИНА“ будетъ выходить по прежней программѣ, при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ половинѣ каждаго мѣсяца книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ. При книжкахъ будутъ прилагаться портреты и рисунки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	НА ГОДЪ.	НА ПОЛГ.
Съ пересылкой и доставкой .	**10** *р.* —	**5** *р.*
Безъ доставки	**8** *р.* **50** *к.* —	
За границу..	**13** *р.* —	—

Подписка принимается въ редакціи: Кіевъ, Театральная ул., домъ № 4.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ XXVIII.

1890 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Дозволено цензур. Кіевъ, 20-го Января 1889 г.

Генералнiй Писарь Андрей Безбородко

О борьбѣ духовныхъ властей въ бывшей епархіи бѣлогородской съ суевѣріями [1]).

Епархія бѣлогородская, заключавшаяся въ предѣлахъ нынѣшней губерніи харьковской и частію курской (изъ послѣдней входили въ нее четыре уѣзда: бѣлогородскій, обоянскій, курскій и оскольскій), учреждена въ 1667 году. До того же времени жители этого района по духовному управленію зависѣли частію отъ Москвы, частію отъ Кіева.

Духовенство въ этой области, какъ и вездѣ на Руси, издавна стремилось къ искорененію тѣхъ народныхъ обычаевъ, въ которыхъ оно видѣло печальное наслѣдіе язычества и которые во всякомъ случаѣ находило суевѣрными и несогласными съ духомъ истинной вѣры Христовой. Еще въ 1648 году жителямъ города Бѣлгорода, по представленію московскаго патріарха, въ вѣдѣніи котораго находился тогда Бѣлгородъ по церковному управленію, дается царская грамота, которою строго внушается: „чтобы скомороховъ съ домрами, и съ гуслями, и съ волынками, и со всякими играми, и ворожей, мужиковъ и бабъ, къ больнымъ и младенцамъ въ домъ къ себѣ не призывали, и въ первый день луны и въ громъ на водахъ не купались, и съ серебра по домамъ не умывались, и олова и воску не лили, и зернью, и картами, и лодыгами не играли, и медвѣдей не водили, и никакихъ бѣсовскихъ игръ не творили, и на бракахъ пѣсней бѣсовскихъ не пѣли, и сами не плясали, и въ ладоши

[1]) По архивнымъ документамъ курской и харьковской духовныхъ консисторій.

не били, и кулачныхъ боевъ межъ себя не дѣлали, и на качеляхъ никакихъ не качались, и личинъ (масокъ) на себя не накладывали, и кобылокъ бѣсовскихъ и на свадьбахъ безчинства и сквернословія не дѣлали". Ослушниковъ грозили бить батогами и подвергать ссылкѣ. Тѣ же обычаи обличаетъ, позднѣе—въ 1676 году, въ окружномъ посланіи къ духовенству митрополитъ бѣлогородскій Мисаилъ, называя ихъ также бѣсовскими, именно: кулачные бои, колыханье на качеляхъ, сходбища о Рождествѣ Христовѣ и до Богоявленьева дня на бѣсовскія игры, накладываніе на себя личинъ и платья скоморошескаго, безчинное скаканье и плесканье на свадьбахъ, также хожденіе къ чародѣямъ и волхвамъ и призываніе ихъ къ себѣ на домъ—къ малымъ дѣтямъ и больнымъ младенцамъ, отчего, по замѣчанію посланія, многіе люди, забывъ Бога и православную христіанскую вѣру, тѣмъ прелестникамъ скоморохамъ послѣдствуя, внезапною смертію умираютъ и съ качелей убиваются"... (Русск. Вивліоѳика. Полеваго, стр.27—32). Окружная грамота преосвященнаго Досиѳея Любимскаго—въ 1732 году—ко всей его паствѣ увеличиваетъ счетъ этихъ обычаевъ еще однимъ, который спеціально и обличается въ грамотѣ, какъ бѣсовское же дѣло, именно—слѣдующимъ свадебнымъ обрядомъ: „теща выѣдетъ на встрѣчу (новобрачнымъ, только что получившимъ церковное благословеніе) на вилахъ, кожухъ вывернетъ, нарядяся въ шапку; и овсомъ посыпаетъ, да еще нѣкоторые и огонь на воротахъ зажигаютъ, и чрезъ тотъ огонь нововѣнчанные идутъ и Богъ вѣсть,—съ ужасомъ замѣчаетъ архипастырь,—нѣтъ ли тутъ какихъ приговорокъ бабьихъ, или чародѣяній дьявольскихъ, что весьма въ правовѣрныхъ христіанахъ срамно и богопротивно". Преосвященный ставитъ своей паствѣ на видъ, что „творящіе такъ недовольствуются Божіимъ благословеніемъ, а еще требуютъ онаго отъ діавола, и діавола такимъ образомъ почитаютъ паче Бога", и приглашаетъ духовенство по всѣмъ воскреснымъ днямъ увѣщаніями отвращать отъ такого суевѣрія. (Историко-статистич. опис. харьк. епарх. отд. 1, стр. 14—16).

Знаменитый въ исторіи бѣлогородской іерархіи ревнитель благочестія Іоасафъ Горленко (1748—1754) пополняетъ этотъ,

уже довольно сложный, индексъ запрещенныхъ обычаевъ еще нѣкоторыми другими, доселѣ ускользавшими, повидимому, отъ іерархіей цензуры, между прочимъ—и вечерницами, подводя ихъ также, прямо и рѣшительно, подъ категорію идолопоклонства. „Усмотрѣно во многихъ городахъ и селахъ—писалъ онъ въ наставленіи духовенству отъ 10 ноября 1750 года,—что народъ, языческаго празднованія и идолослуженія слѣды храня, дѣлаетъ колыськи, называемыя рѣли, и въ недѣли св. Пасхи, въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла, на нихъ качаются такожъ въ недѣлѣ св. Троицы празднуетъ бѣсовскій праздникъ березы, и въ день св. Іоанна Предтечи—купала и вечерницы, и пѣсни скверныя; вся же слѣды идолопоклонства празднуетъ народъ отъ неразумія своего, а священники, по званію своего пастырства, того имъ не возбраняютъ". Обличая священниковъ за такое нерадѣніе ихъ къ исполненію своего долга, преосвященный строго предписываетъ имъ учить народъ, „чтобы въ приходахъ идолопоклонническія жертвы не праздновались, какъ то: колыски, называемыя рѣли, березы, купала, вечерницы и клики".

По призыву архипастыря, духовенство ревностно ополчилось на истребленіе слѣдовъ идолопоклонства. Какъ именно понимало оно въ этомъ случаѣ и исполняло свой долгъ и какъ отвѣчалъ народъ на пастырскую ревность вразумить его насчетъ неразумнаго чествованія игрищами бѣса,—объ этомъ понятіе можетъ дать слѣдующее доношеніе, въ 1750 году, священника Потапа, харьковскаго уѣзда, городка Ольшанной, воскресенской церкви, въ харьковское духовное правленіе.

„Сего 750 года ноября 6 дня указъ Ея И. В. изъ консисторіи мною полученъ, въ которомъ, между прочимъ, въ 8 пунктѣ о искорененіи языческихъ идолослуженія слѣдовъ изображено; а понеже въ моемъ приходѣ у дѣвицы Ксеніи Олейниковой вечерницы собирались, то я по должности своей оную дѣвицу о несобираніи оныхъ вечерницъ персонально и чрезъ нарочно посланныхъ многажды увѣщевалъ, и городка Ольшанной сотнику Ивану Ковалевскому, дабы запретилъ оной дѣвицѣ въ свою избу вечерницы собирать, я докладывалъ; но оная дѣвица Ксенія какъ моего совѣта, такъ и сотникова запрещенія не слушала;

того ради я, по должности моей, сего декабря 26 дня причетниковъ изъ онаго собранія молодцовъ и дѣвокъ разогнать послалъ, что и учинено; и сего жъ декабря 27 дня, будучи мнѣ у вышепомянутаго сотника Ивана Ковалевскаго, невѣдомо съ какого умысла, харьковскаго полку подпрапорный Василій Самородскій, напавъ на меня нахально, безъ всякой моей предъ нимъ винности, матерно бранилъ и поносилъ сквернымъ словами и къ грудямъ моимъ съ тростію прискакивалъ и въ глаза и по главѣ ударить замѣрялся, сказуя: „на что ты вечерницы разгоняешь?“,—и ежели бы я отъ его злаго намѣренія подъ столъ не схоронился, то мнѣ главу бы разбилъ, или глаза бы выткнулъ, отъ чего мнѣ учинилось немалое безчестіе и впредь во исполненіи указовъ опасность; того ради харьковское духовное правленіе покорно прошу сіе мое доношеніе принять и впредь для вѣдома записать?“

Объ обидчикѣ священника правленіе опредѣлило въ харьковскую полковую канцелярію сообщить промеморіею; о самомъ же священникѣ не сдѣлано никакого опредѣленія, конечно, потому, что и съ точки зрѣнія правленія священникъ, посылавшій причетниковъ разгонять молодцовъ и дѣвокъ, собравшихся на посидѣлки, дѣлалъ не иное что, какъ исполнялъ прямой свой пастырскій долгъ. Мы говоримъ: *конечно*—потому, что такова именно была точка зрѣнія того времени; ее раздѣляли, возносясь иногда въ этомъ направленіи еще и выше, нѣкоторые изъ самихъ іерарховъ; по крайней мѣрѣ объ одномъ изъ нихъ, именно,—преемникѣ Іоасафа Горленка, Іоасафѣ же Миткевичѣ (1758—1763 г.), человѣкѣ при томъ для того времени очень просвѣщенномъ, мы знаемъ, что онъ одобрялъ даже собственноручную расправу пастырей съ пасомыми за совершеніе бѣсовскихъ игрищъ, какъ показываетъ это слѣдующая, для насъ курьезная, а для того времени, нужно полагать, совершенно серьезная резолюція этого преосвященнаго по дѣлу о дракѣ пастыря съ людьми его паствы. Дѣло было въ 1761 году и состояло въ слѣдующемъ. Валковскаго уѣзда, села Тарасовки черкашенинъ Никита Долговъ подалъ жалобу на своего приходскаго священника Никиту же Самородскаго въ томъ, что священникъ въ

день Новаго года, по отправленіи божественной литургіи, выскоча изъ дома своего съ топоромъ, напалъ на его, просителева, брата Ѳедора и раздробилъ ему „топоровымъ обухомъ“ голову до мозга. Преосвященный опредѣлилъ произвести слѣдствіе, а на время слѣдствія воспретилъ священнику священнодѣйствіе. Слѣдствіе, производившееся, конечно, лицами изъ духовенства же, выяснило, что голова Ѳедора пробита не попомъ, а попадьей, да и то не до мозгу, а слегка, самъ же священникъ билъ „топоровымъ обухомъ“ лишь по спинѣ и по плечамъ, при томъ же не безъ причины, а именно: еще съ 25 декабря, то есть съ праздника Рождества Христова, братья Долговы со множествомъ другихъ черкасъ того же села Тарановки стали собираться близь попова гумна, чтобы чинить здѣсь зрѣлище, называемое „катель“, для чего таскали съ одонка гумна снопы пшеницы, при томъ же „по своему овчарному обычаю въ дуду играли и всякія неприличныя чинили шалости“; священникъ неоднократно отсылалъ чинившихъ игрище, но его не слушали, а Ѳедоръ Долговъ, въ отпоръ этому требованію объ удаленіи, ударилъ даже священника дрюкомъ по головѣ; тогда священникъ, купно съ попадьею своею, и поучилъ бездѣльника, попадья—тѣмъ самымъ дрюкомъ, которымъ черкашенинъ Ѳедоръ ударилъ попа въ голову и который онъ тотчасъ же бросилъ, увидавъ кровь на головѣ, а самъ священникъ—„топоровымъ обухомъ“.—На основаніи такого дознанія, консисторія приговорила: „братьямъ Долговымъ за дѣланіе игралища и прочихъ неприличныхъ забавъ, а Ѳедору, сверхъ того, и за бой священника въ кровь и досадительныя ему слова и брань, дабы и другимъ чинить того было неповадно, и прочіе отъ такихъ непотребныхъ шалостей воздерживались и имѣли страхъ и предосторожность,—учинить въ консисторіи жестокое плетьми наказаніе и затѣмъ—отпустить ихъ въ домы; о священникѣ же Никитѣ, который по прописанному дѣлу виновнымъ не оказуется, а находится долгое время въ запрещеніи, относительно разрѣшенія его отъ запрещенія консисторія передаетъ въ полное благоразсмотрѣніе его преосвященства“.—Преосвященный же далъ такую резолюцію: „учинить по сему; а попъ Никита отъ запрещенія разрѣшается, ибо *хотя*

и оказывается, что онъ Ѳедора топорищемъ билъ, но то сдѣлалъ въ ревности, которая и во всякомъ священникѣ быть должна". (Замѣчательно, что означенный приговоръ консисторіи и такая резолюція преосвященнаго даны послѣ обычной въ такихъ случаяхъ справки съ церковными правилами, въ которой на первомъ планѣ приведено изъ Кормчей книги правило: „Святитель, вѣрнаго или невѣрнаго бивъ, да извержется", съ слѣдующимъ оттуда же взятымъ толкованіемъ: „епископъ или пресвитеръ или діаконъ, аще бьетъ досадившаго ему вѣрнаго или невѣрнаго,—таковый, яко творитъ противно евангельскому закону, повелѣвающему: аще кто ударитъ въ ланиту, обрати ему и другую,—да извержется, понеже отъ гордости и неудержной ярости нанесе рану на искренняго").

Дѣйствуя съ такою ревностію противъ „бѣсовскихъ" игрищъ, духовенство, понятно, еще менѣе могло щадить разные виды волшебства и чародѣяній, какъ болѣе прямое служеніе тому же бѣсу.

Въ 1750 году въ харьковскомъ духовномъ правленіи, а затѣмъ и въ консисторіи бѣлогородской производилось слѣдующее любопытное дѣло объ одномъ изъ жителей села Люботина (валковскаго уѣзда), выдававшемъ себя за знахаря, способнаго узнавать дѣла сокровенныя. Допрошенный въ духовномъ правленіи обвиняемый показалъ: „имя ему Несторъ; отецъ его Леонтій бондарь, мать Евфросинія, живутъ въ харьковскомъ полку въ себѣ Люботинѣ, и при нихъ онъ воспитанъ; лѣтъ ему отъ роду 15; въ церковь Божію ходилъ съ православными; онъ *упырь родимый*; какъ скоро родился, то, по сказкѣ его воспріемной бабки Евдокіи Петренковой, у отца и матери просилъ пить; дѣйствуетъ онъ ночью, въ полночь встаетъ, и идетъ къ водѣ, и смотритъ, и тамъ видитъ одну здѣзду, въ которой звѣздѣ, ежели у какого человѣка учинится воровство, покажется"... Отецъ и мать порознь допрашиваны и показали, что „какъ родился онъ, то мать его отъ бабки, которая при рожденіи его была, не слыхала, чтобы онъ просилъ пить воды, а родился онъ обыкновенно, какъ и прочія ея дѣти; воспріемная бабка не та была, которую онъ показалъ, а Зиновья Стрѣльцова, которая

въ 745 году умре. А въ прошломъ 748 году, за неимѣніемъ у отца его и матери, чѣмъ дѣтей прокормить, жилъ онъ Несторъ у люботинскаго жителя Петра Сасенка, и тамъ невѣдомо какимъ случаемъ объявилъ про себя, что онъ родимый упырь, за что взятъ былъ къ люботинскому сотнику въ домъ; и по той огласкѣ, яко бы онъ упырь, многіе бывало приходятъ къ нему люди, чтобъ онъ имъ объявилъ, что у кого пропало,—и по требованіямъ людскимъ ходитъ, бывало, по разнымъ мѣстамъ, за что они отецъ и мать многожды его бивали, токмо онъ за своими корыстьми и прихотьми уняться не могъ".—Наконецъ Несторъ объявилъ, что прежнія показанія его ложны, что „онъ не упырь, а обыкновенный человѣкъ, волшебническаго знанія и бѣсовскаго откровенія о тайныхъ вещахъ никакого не имѣетъ, но манитъ народъ ради единаго прибытка съ прошлаго 748 года въ голодный годъ ради прокормленія".—Консисторія, не найдя въ донесеніи правленія, отъ своего ли умысла Несторъ выдавалъ себя за упыря, или наученъ кѣмъ либо мнимому волшебству, вытребовала его къ себѣ. 1751 года 11 марта онъ переспрошенъ въ консисторіи и показалъ: „Въ прошломъ 748 году жилъ онъ, Несторъ, въ с. Люботинѣ въ домѣ отца своего и матери, и въ Петровъ постъ живущая въ томъ же селѣ вдова Евдокія Алексѣева, жена Пятернева, прислала за нимъ, Несторомъ, въ домъ сына своего малолѣтняго Василія, и какъ онъ пришелъ къ ней, тогда она спросила его: хочешь ли выучиться смотрѣть на звѣзды и оттого угадывать о пропажѣ какой нибудь, у кого сыскать? На что онъ къ тому свое желаніе объявилъ. И тогожь времени въ пятницу въ самый полдень стала его научать. Вопервыхъ вывела его на дворъ и посадила на избный уголъ; а сама стала на земли подъ угломъ и свиснула трижды и созывала всякій гадъ съ такимъ приговоромъ: азъ есмь гадъ. И тогда собралось гаду до 20 и болѣе.—И былъ тотъ гадъ часа съ два. А потомъ оная бабка и другой разъ свиснула. И тотъ гадъ разползся врозь. И сняла его, Нестора, съ угла, повела въ избу. И въ той избѣ, взявъ склянку съ горѣлкою, налила въ чарку и шептала надъ чаркою и дала ему напиться, которую онъ и выпилъ. Тогожь числа въ полночь выводила его, Нестора,

къ мельничному ставу на дворъ и пускала его на латакахъ плыть противъ воды и плылъ; а потомъ, взявъ его изъ воды, стала надъ ставомъ и воткнувъ веретено тонкимъ концемъ въ землю, а на другомъ концѣ веретена, на которомъ прядывала въ Георгіевъ день для волшебства, пускалась подъ небеса и сняла звѣзду и спустилась назадъ съ тою звѣздою, которая подобіемъ такова, какъ бываетъ полунощная ясная, и дала ему въ руки подержать; а потомъ, взявъ отъ него, пошла съ нимъ въ домъ, и ту звѣзду положила въ сѣняхъ подъ кадушку. Переночевавъ ту первую ночь, по утру налила горѣлки въ чарку и наговаривала и дала ему пить, которую и пилъ. На другую ночь вывела его на дворъ въ полночь и приказала смотрѣть на звѣзды, на которыя и смотрѣлъ. И показывались ему на звѣздѣ человѣческія имена, у кого пропало и кѣмъ украдено. Бабка его, Нестора, и звѣзду снятую держала въ домѣ своемъ цѣлую недѣлю, а потомъ отпустила его въ домъ, а звѣзду пустила въ небо".— Консисторія посылала нарочнаго за показанною бабкою Евдокіею Пятерневою. Но въ отвѣтъ сказано, что такой нѣтъ въ Люботинѣ. Несторъ указалъ по именамъ сосѣдей дома, гдѣ она живетъ. Но и въ другой разъ отвѣчали, что такой волшебницы нѣтъ на мѣстѣ.—Консисторія опредѣлила: „какъ Несторъ еще несовершеннолѣтній, то отослать его въ Святогорскій монастырь къ архимандриту Фаддѣю Какуйловичу и содержать его въ монастырской работѣ неисходно, и смотрѣть, чтобъ онъ никому никакихъ суевѣрныхъ бредней не объявлялъ и дѣйствія никакого не чинилъ, а ходилъ бы въ церковь Божію для слушанія чтенія и пѣнія и повсягодно исповѣдывался и сообщался Божественныхъ тайнъ; а какого онъ будетъ состоянія, въ консисторію репортовать". (Историко-стат. оп. харьк. еп. Отд. II, стр. 286—290).

Въ 1752 г. харьковскій житель Рибасовъ, запьянствовавшись въ шинкѣ—въ Харьковѣ же, остался ночевать въ коморѣ у шинкарки Морозихи. Мѣстный атаманъ, вторгшись съ казаками часа за два до разсвѣта въ комору, забралъ Рибасова и Морозиху и препроводилъ ихъ въ харьковскую полковую канцелярію; тамъ арестованные показали, что спали они явно, и

что Рибасовъ потому единственно и остался у шинкарки, что крѣпко захмѣлѣлъ. Канцелярія „приличности“ въ прелюбодѣяніи за ними не признала и потому Рибасовъ былъ отпущенъ; но у Морозихи въ кошелькѣ нашлась сушеная жаба, о которой Морозиха сказала, что дала ей ту жабу нѣкая баба Агаѳья, дабы успѣшнѣе торговать винными напитками, и еще частицы священнаго артоса, о которыхъ Морозиха заявила, что она выпросила ихъ у своей матери для своей больной дочери. Держаніе у себя сушеной лягушки было уже важное дѣло о чародѣяніи, по которому Морозиха съ Агаѳьей и отправлены были въ харьковское духовное правленіе „для учиненія съ ними по духовнымъ правамъ“. Въ духовномъ правленіи опредѣлено: „хотя Агаѳья въ дачѣ Морозихѣ жабы и запиралась, но такъ какъ изъ ея же словъ усмотрѣна ея винность, то повелѣть ей ходить въ церковь соборную въ теченіи недѣли съ набитою на ногу колодкою; а Морозихѣ опредѣлить отъ отца духовнаго епитимію—молитву, постъ и колѣнопреклоненіе; а имѣющуюся у нея въ платкѣ часть артоса въ притворѣ церковномъ спалить, и жабу бросить въ скрытое мѣсто. Марину отдать подъ росписку на поруки, кто похочетъ взять, съ тѣмъ, чтобы поставить въ духовное правленіе, по требованію“.

Того же 1752 г. бригадира Ѳеодора Костюрина дворовая жонка Марфа Королева взята была въ курскую воеводскую канцелярію по обвиненію ея въ томъ, что она портила господина своего и госпожу волшебствомъ. — На допросѣ въ канцеляріи Марфа, повидимому сама вполнѣ убѣжденная въ губительной силѣ своего волшебства, показала: „находящаяся при ономъ бригадирѣ дочь ея дѣвица Василиса жила съ дворовымъ онаго бригадира человѣкомъ Иваномъ Музыринымъ блудно, за которое блудное паденіе онаго бригадира жена означенную дочь ея Василису била батожьемъ, и за то злясь, она, Марфа, въ 752 году въ іюлѣ мѣсяцѣ въ первыхъ числахъ послѣ Петрова дня, въ бытность онаго господина ея миропольскаго уѣзда въ деревни Герги, чинила волшебство и вынимала у онаго господина своего слѣдъ на землѣ съ приговоромъ, чтобъ оный господинъ ея былъ всегда боленъ, отъ котораго ея волшебства съ того времени

оный господинъ ея и понынѣ находится въ болѣзни; да она жъ Марфа волшебствомъ своимъ показаннаго помѣщика своего дворовую жонку Домну испортила, наговаривала на водѣ, чтобъ оная Домна всегда была скорбна, отъ которой ея порчи означенная жонка скорбна и понынѣ; къ тому же она, Марфа, въ полѣ посѣянному ржаному хлѣбу чинила заломъ, чтобъ тому ржаному хлѣбу не было урожая". По снятіи этого показанія, канцелярія препроводила Марфу подъ конвоемъ въ консисторію—тоже для учиненія съ нею по правамъ духовнымъ. Но консисторія, усмотря въ дѣяніяхъ Марфы преступленіе, которое по силѣ указа Императрицы Анны Іоанновны 1731 г. мая 20 дня („ежели впредь кто, гнѣва Божія не боясь и сего Ея И. В. указа не страшась, станутъ волшебниковъ къ себѣ призывать, или къ нимъ въ домы для какихъ волшебныхъ способовъ приходить, или на путѣхъ о волшебствахъ разговоры съ ними имѣть и ученію ихъ послѣдовать, или какіе волшебники учнутъ собою на вредъ или мняще якобы на пользу кому волшебства чинить, и за то оные обманщики казнены будутъ смертію, сожжены; а тѣмъ которые для мнимой себѣ душевредной пользы станутъ ихъ требовать, учинено будетъ жестокое наказаніе, биты будутъ кнутомъ, а иные по важности винъ и смертію казнены будутъ" [1]) подлежитъ наказанію смертною казнію, опредѣлила: „жонку Марфу Королеву съ прописаніемъ вышеписаннаго обстоятельства отослать въ бѣлоградскую губернскую канцелярію для учиненія съ нею по указамъ разсмотрѣнія, и что съ нею учинено будетъ, требовать въ консисторію увѣдомленія".—Конецъ неизвѣстенъ.

1758 года, изъ курской воеводской канцеляріи прислана была въ бѣлогородскую духовную консисторію курской помѣщицы вдовы Анисьи Амосовой дворовая жонка Татьяна Аникѣева, которая какъ въ курской воеводской канцеляріи распросомъ показала, такъ и въ консисторіи въ подтвержденіе тоже объявила, что въ бытность ея въ домѣ госпожи своей означенной Амосовой она, Татьяна, по наученію крестьянской жонки

[1]) П. С. З. т. VIII, 5761.

Екатерины, на небо въ тучи смотрѣла, и что она скоро ли замужъ выйдетъ, и кому умереть, или, будучи въ болѣзни, свободу отъ той болѣзни получить или умереть, примѣчала съ простоты своей, о чемъ нынѣ покаяніе приносить и впредь того чинить не будетъ. Консисторія опредѣлила: „объявленную жонку Татьяну для покаянія послать въ хотмыжскій дѣвичій Покровскій монастырь при указѣ и велѣть ей въ томъ монастырѣ ежедневно къ вечерни, утрени и къ божественной литургіи ходить и о такомъ своемъ суевѣрномъ прегрѣшеніи приносить истинное Богу покаяніе и слушать божественное пѣніе внѣ церкви на паперти, и содержать ее въ томъ монастырѣ впредь до указу, и о состояніи ея и какое покаяніе приносить будетъ, въ консисторію ежемѣсячно репортовать“.

1767 года подканцеляристъ Петръ Малютинъ въ обоянской воеводской канцеляріи показалъ, что, „желая склонить къ блудодѣянію дѣвицъ Анну Лобочеву и Марфу Ельникову, онъ съ чародѣйныхъ писемъ дѣлалъ наговоры на яблокахъ и пряникахъ и давалъ тѣмъ дѣвицамъ, но чрезъ это къ блуду ихъ привлечь не могъ, такмо послѣ того даванія онъ ѣлъ самъ оставшіеся у него пряники и яблоки наговоренные, отъ чего великую тоску имѣлъ“. Консисторія опредѣлала: „означеннаго Петра Малютина, который чрезъ дьявольское призываніе, наговаривая на яблокахъ, старался склонить дѣвокъ въ любовь, но склонить ихъ къ тому не могъ и такмо самъ такіе наговоренные яблоки ѣлъ и отъ того чувствовалъ въ себѣ тошноту,—отослать въ сумскій Успенскій монастырь во всякіе труды монастырскіе на три года, и ходить ему ежедневно къ вечерни, утрени и литургіи и стоять внѣ церкви и о своемъ согрѣшеніи приносить Господу Богу истинное покаяніе, и чрезъ оное время, кромѣ смертнаго случая, Божественныхъ таинъ его не сообщать; а по прошествіи онаго термина, ежели по исповѣди отца духовнаго явится достоинъ, Божественныхъ таинъ сообщить и отпустить въ домъ его“.

При Петрѣ I духовному чину, какъ извѣстно, вмѣнено было въ непремѣнную обязанность изыскивать, „не обрѣтаются ли гдѣ кликуши, не проявляетъ ли кто для скверноприбытства ложныхъ

чудесъ при иконахъ, при кладезяхъ, при источникахъ?“ (Духов. Реглам. Москва, 1861 г. стр. 42), также—слѣдить за появленіемъ всякихъ льстецовъ и пустосвятовъ и таковыхъ ловить и отсылать къ епархіальной, или прямо даже къ гражданской власти (ibid. стр. 113. П. С. З. VI, 4012). При Аннѣ Іоанновнѣ на основаніи указа Ея И. В. отъ 15 ноября 1737 г. Святѣйшему Синоду даннаго, въ которомъ, между прочимъ, изъяснялось что Ея И. В. была въ несомнѣнной надеждѣ, что указы Петра I объ искорененіи суевѣрій во всей имперіи точно исполняются, а нынѣ уже имѣетъ основаніе сомнѣваться въ томъ, и думается, не преданы ли тѣ указы забвенію, понеже, къ великому Ея И. В. неудовольствію, извѣстно ей учинилось, что въ церквахъ и монастыряхъ являются многія кликуши, которыя отъ того не токмо не унимаются, но и наипаче имъ въ той притворности и шалости свободы дается и сверхъ того надъ ними и молитвы отправляются“—Св. Синодъ указомъ отъ 25 ноября того же 1737 года строжайше предписалъ всѣмъ архіереямъ о недопущеніи и искорененіи подобныхъ суевѣрій, согласно указамъ Петра. (П. С. З. X, 7450). Въ силу этого указа, духовнымъ управителямъ въ бѣлогородской епархіи предписано было ежегодно два раза—въ іюнѣ и декабрѣ—репортовать, „не дѣлается ль гдѣ какихъ суевѣрій, не проявляетъ ли кто для скверноприбытства какихъ при иконахъ святыхъ, при кладезяхъ и источникахъ ложныхъ чудесъ и мертвыхъ несвидѣтельствованныхъ тѣлесъ, не разглашаютъ ли къ почитанію ихъ за мощи истинныхъ святыхъ, не являются ли гдѣ притворно юродцы и босые, также съ колтунами“, и о прочихъ „непотребствахъ“; а духовные управители должны были требовать такихъ же репортовъ отъ подвѣдомственныхъ имъ священниковъ.—Изъ дѣлъ консисторіи видно, что духовенство исправно писало такіе репорты до самаго конца 18 вѣка. Но не видно, чтобы оно расположено было преслѣдовать „непотребства“ этого рода съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ преслѣдовало разныя „бѣсовскія“ игрища и волхованія. Напротивъ, духовенство имъ замѣтно покровительствовало—прежде всего, думаемъ, потому, что для его простодушной вѣры, которая едва ли много возвышалась надъ

вѣрою самаго народа, эти запрещаемыя указами суевѣрія въ большинствѣ случаевъ вовсе не казались непотребствами, а во вторыхъ потому, что въ то же время они были и не безвыгодны для него.

1764 г. харьковскаго коллегіума архимандритъ и ректоръ Іовъ, во время осмотра имъ церквей благочинія харьковскаго вѣдомства, въ вотчинѣ полковника Матвѣя Куликовскаго—въ селѣ Рокитномъ, въ церкви архангела Михаила замѣтилъ на престолѣ въ небольшомъ деревянномъ новомъ кіотѣ древнюю икону нерукотвореннаго образа, о которой священникъ той церкви Іоаннъ Кондратьевъ и сынъ его Григорій, священникъ же, показали: „апрѣля 27 дня 1764 года одинъ прихожанинъ, пришедъ къ нимъ, священникамъ, объявилъ, что означенная икона нерукотвореннаго образа въ дому его отъ очей испускала слезы, которую взявъ оный прихожанинъ принесъ въ домъ означеннаго помѣщика полковника Куликовскаго, и по принесеніи той иконы они, священники, и жена помянутаго полковника Пелагея Степанова и дочь его же, а также изъ домашнихъ многіе, истекающія оной иконы отъ очей слезы видѣли, и ту икону помѣщица приказала дочери своей внесть въ церковь, и стояла икона сначала при иконостасѣ, а потомъ поставлена харьковскаго полка полковымъ священникомъ Ѳедоромъ Сребренецкимъ на престолъ“. И сама полковница Куликовская также объявляла архимандриту, что она заподлинно истекающія тоя иконы отъ очей слезы видѣла и что окольные люди, о семъ увѣдавши, пріѣзжаютъ для моленія, и означенную икону священникъ выноситъ изъ алтаря въ церковь и отправляетъ акаѳисты и молебны, яко чудотворной“.—Преосвященный (Порфирій), узнавъ о семъ изъ донесенія названнаго архимандрита Іова, предписалъ ему немедленно отправиться въ село Рокитное и, взявъ тамъ означенную икону и запечатавъ въ ящикъ, выслать ее въ консисторію вмѣстѣ съ священникомъ Иваномъ при доношеніи, а по присылкѣ священника въ надлежащемъ допросить обстоятельно и доложить. — При допросѣ священникъ показалъ: „24 апрѣля (1764 г.) въ обѣденное время села Рокитнаго житель, харьковскаго полка полковника Матвѣя Куликовскаго подданный чер-

кашенинъ Михайло, Григорьевъ сынъ, Попруга принесъ въ домъ къ нему, священнику, икону нерукотвореннаго образа Спасителя и объявилъ ему на оной иконѣ истекающія слезы; икона при разсмотрѣніи имъ священникомъ оказалась вся въ пыли, такъ что лика и письма почти было невозможно признать, и въ очесахъ съ лѣвой стороны стояла капля слезъ, а съ правой стороны мокрота имѣлася; взявъ икону, священникъ понесъ оную въ полковничій домъ; полковникъ въ то время съ домашними имѣлъ отлучку въ городъ Харьковъ, а находился въ домѣ его прикащикъ черкашенинъ Андрей Леонтьевъ и дворовые изъ черкасъ же люди Григорій Полюбицкій и клюшница Агриппина, и по приносѣ ту икону поставилъ въ особливой свѣтлицѣ, и въ то время означенный прикащикъ съ помянутыми дворовыми людьми стоящія на очахъ той иконы слезы видѣли; а по пріѣздѣ жены полковника Пелагеи Степановой, онъ священникъ съ тою полковницею и дочерьми ея дѣвицами, Елизаветою—20 лѣтъ, Татьяною—15 и Евдокіею—12 лѣтъ, означенную икону смотрѣли и слезы въ такой же препорціи видѣли, и во время отправленія имъ священникомъ того дня вечерняго служенія та икона съ дозволенія полковницы дочерію ея принесена въ церковь". Консисторія по резолюціи преосвященнаго опредѣлила: допросить всѣхъ лицъ, поименованныхъ въ показаніи священника Ивана, на которыхъ онъ въ своемъ показаніи ссылался,—каждаго порознь, а также и сына его, священника же Григорія; а его самаго (священника Ивана) отпустить въ домъ. Дальнѣйшее теченіе и окончаніе дѣла неизвѣстны.

Въ 1769 г. въ городѣ Курскѣ много надѣлало шуму и много хлопотъ мѣстному духовенству доставило дѣло о „нѣкоей женкѣ, притворяющей святость". Курское духовное правленіе репортомъ въ консисторію (отъ 19 іюня 1769 г.) доносило, что въ городѣ Курскѣ и уѣздахъ съ 1-го декабря по 1-е іюня означеннаго года никакихъ притворно юродцевъ суевѣрныхъ не имѣется; а между тѣмъ его преосвященству извѣстно учинилось, что въ городѣ Курскѣ имѣется нѣкоторая женка, которая, притворяя себѣ святость и удаляясь отъ народа, живетъ за городомъ въ подземныхъ пещерахъ, якобы ея собственными руками

сдѣланныхъ, куда почти всякаго дня немалое число народа собирается, чрезъ что малоразсудныхъ и простыхъ людей таковою своею пустосвятостію приводитъ въ развращеніе, а инымъ подаетъ немалый соблазнъ. Преосвященный приказалъ обоянскаго Знаменскаго монастыря игумену Сильвестру" въ самой скорости отправиться въ Курскъ и благопристойнымъ образомъ изыскать, подлинно ли вышепрописанное суевѣрное дѣйствіе производится и чья именно та женка, гдѣ и въ которомъ она мѣстѣ роетъ пещеру, съ кѣмъ именно и какъ давно, и кто въ томъ ей именно имѣются вспомогатели, и съ какимъ намѣреніемъ, и ходитъ ли она въ церковь, исповѣдуется ли и сообщается ли Божественныхъ таинъ, и кто именно ее исповѣдавшуюся видѣлъ, и въ чьемъ точно приходѣ, и для чего отъ правленія объ оной не донесено, и въ прочихъ къ тому потребныхъ обстоятельствахъ въ подробность развѣдать, и буде оная жена въ городѣ Курскѣ или въ близости того города сыщется, то ему игумену потребовать отъ курской воеводской канцеляріи служилыхъ людей потребное число, а доколѣ отъ оной канцеляріи таковое число людей дано будетъ, потрѣбовать отъ курскаго духовнаго правленія церковниковъ, сколько надобность укажетъ, и оную обманщицу женку съ ея помощниками изымавъ отдать для содержанія подъ крѣпкимъ карауломъ въ курскую воеводскую канцелярію впредь до разсмотрѣнія". Найденная и взятая слѣдователемъ женка, по учиненіи ей допроса, показала: Зовутъ ее—Ирина Игнатова, дочь Калугина, отъ роду ей 55 лѣтъ, родилась она курскаго уѣзда, усожскаго стана въ селѣ Троицкомъ, что на Сучкахъ, отецъ ея былъ однодворецъ Игнатъ, Петровъ сынъ, Асѣевъ; жительство имѣлъ въ томъ же селѣ Троицкомъ и выдалъ ее замужъ того жъ усожскаго стана въ деревню Лубажи за однодворца Якова, Мамонтова сына, Башкотова, съ коимъ она жила въ замужествѣ пять лѣтъ и прижила двухъ дочерей Февронію и Мавру...; а по смерти перваго мужа своего жила вдовой въ городѣ Курскѣ въ покровскомъ приходѣ у однодворца Ивана Жеронина въ услуженіи, а потомъ вышла за другаго мужа курскаго уѣзда деревни Соколовой однодворца Ѳадея, Савина сына, Калугина, съ коимъ жила 15 лѣтъ и прижила двоихъ

дѣтей—сына Ивана и дочь Евдокію...; и по смерти онаго другаго мужа своего оставшійся дворъ его проданъ отъ пасынковъ ея Василія да Ивана Калугиныхъ, и она ходила по усердію своему для богомолія чрезъ десять лѣтъ съ даваемыми изъ курской воеводской канцеляріи пашпортами въ Соловецкій монастырь четырежды; въ первый разъ въ 759 году одна собою, и пришедъ въ городъ Архангельскъ соборной Тихвинской церкви къ священнику Ѳеодору, у котораго она и зимовала, и пошедъ отъ него, пришла того же города Архангельска къ кузнецу Алексѣю Кошкину, просила его сдѣлать ей желѣзныя вериги, костыль и на голову колпакъ—желѣзный же, которымъ кузнецомъ оное и подѣлано, и по сдѣланіи наложивъ онъ, Кошкинъ, оныя вериги на нее, замкнулъ замкомъ, а ключъ оставилъ у себя, а на тѣхъ веригахъ на груди приковалъ мѣдную небольшую икону съ изображеніемъ трехъ святителей, а на плечахъ мѣдный же крестъ небольшой, кои вериги и колпакъ съ того времени и понынѣ носитъ и съ желѣзнымъ костылемъ вездѣ ходила и нынѣ ходитъ; и будучи въ вышеписанномъ Соловецкомъ монастырѣ, возвратилась въ городъ Курскъ паки, и поживъ въ домѣ сына своего малое время пошла вторично въ оный же Соловецкій монастырь обще города Курска съ жителькою Еленою, Ивановою дочерью, а прозванія не знаетъ, а еще двукратно ходила она въ тотъ же Соловецкій монастырь одна собою, такожъ и въ Кіевъ ходила десять кратъ и въ прочія мѣста, и то хожденіе имѣла лѣтомъ и зимою въ волосяныхъ черныхъ рубашкѣ и свиткѣ, босая, и въ прохожденіе свое какъ въ Соловецкій монастырь, такъ и въ городъ Кіевъ и въ прочія мѣста живала у разныхъ жителей, и во время бытія своего въ ономъ же Соловецкомъ монастырѣ и въ городѣ Кіевѣ исповѣдывалась и святыхъ таинъ сообщилась, и имѣла отъ отцовъ своихъ духовныхъ письменныя свидѣтельства, кои украдены у нея изъ пещеры незнаемо кѣмъ, а кромѣ отлучки, въ бытіе свое въ городѣ Курскѣ у исповѣди и святаго причастія у приходскаго своего курской Покровской церкви священника Петра ежегодно бывала и въ церковь ходила, также и въ нынѣшнемъ 769 году въ прошедшую святую четыредесятницу у онаго священника Петра въ великую суб-

боту исповѣдалась въ дому его, а не въ церкви, а отъ сообщенія святыхъ таинъ оный священникъ Петръ ей за многими причастниками отказалъ; а какъ она была на исповѣди, видѣли ее того жь покровскаго прихода однодворецъ Игнатъ Уткинъ, однодворка Марія Мишкина и солдатская жена Елена Фетисова. А въ прошломъ 767 году, будучи она въ послѣдній разъ въ Соловецкомъ монастырѣ, оттоль пошла въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года, и пришедъ прошлаго 768 года въ февралѣ мѣсяцѣ подъ городъ Курскъ, ночевала близъ Ямскаго моста въ ямахъ, гдѣ роютъ самородныя каменья, двѣ ночи, и переночевавъ пошла къ имѣющейся за онымъ городомъ горѣ, что на камушкахъ стоящей въ пушкарскихъ дачахъ, и за неимѣніемъ собственнаго своего двора начала рыть единственно для житія своего, а не для чего другаго, пещеру имѣющимся у нея желѣзнымъ костылемъ, и рыла два дня, и вырывъ нѣсколько, стояла ночью на молитвѣ и слышала гласъ: „копай, трудись, не бойся ничего“, по которому гласу возъимѣла она крайнее для рытія желаніе, и потому паки тѣмъ же костылемъ рыла два дня, и на пятый день сыскала неподалеку оной же пещеры въ лѣсу деревянную лопатку, и тою лопаткою ту пещеру рыла до Троицына дня, и съ начала рытія той пещеры какъ она Ирина никуда и ни къ кому въ домъ не ходила, такъ и къ ней никто въ домъ не приходилъ, а питалась она единою землею и водою, и въ томъ 768 году во святую четыредесятницу у исповѣди и святаго причастія не была за тѣмъ, чтобы не дать о себѣ людямъ знать, а исповѣдывалъ ее того же года въ Петровъ постъ, когда о ней уже люди увѣдали, города Курска Покровской церкви священникъ Петръ Далматовъ, и въ тѣхъ пещерахъ сообщалъ ее больную Божественныхъ таинъ въ одной епитрахили, а въ чемъ святыя дары приносилъ не упомнитъ, и съ онымъ священникомъ никто другой не приходилъ; увѣдали жь о ней люди на Троицынъ день, когда имѣлось въ полѣ изъ города Курска множество народа для гулянья, и усмотрѣтъ ту ея пещеру, пришедъ и вытащивъ ее изъ оной пещеры, спрашивали, для чего здѣсь роется, на что она имъ отвѣтила: „за неимѣніемъ себѣ пристанища“; и съ того времени, взявъ у зятя своего одно-

дворца Пантелея, Никифорова сына, Латышева, жительствующаго въ городѣ Курскѣ въ Покровскомъ приходѣ,—дверь, поставила въ той пещерѣ и сдѣлала печь, а кирпичъ купила у посадскаго человѣка, а какъ его звать и прозванія не знаетъ; и потомъ, совершенно узнавъ объ ней Иринѣ, города Курска многіе жители начали ежедневно, а паче въ воскресные и праздничные дни приходить и подавать въ милостыню деньги, хлѣбъ, соль, рыбу, и на таковыя подаваемыя деньги купила она желѣза 12 фунтовъ и съ того желѣза по просьбѣ ея сдѣлалъ ей три мотыки да топоръ живущій въ Покровскомъ приходѣ курскій однодворецъ Алексѣй Арефьевъ, а скобель далъ ей того же прихода курскій купецъ Иванъ Ветчинкинъ, а ножъ сдѣлалъ ей для очищенія стѣнъ купецъ Иванъ, Степановъ сынъ, Калошинъ, и тѣми инструментами вдаль пещеру рыла одна, и другой никто рыть ей не пособлялъ и не совѣтывалъ. А подаваемыя какъ отъ приходящихъ, такъ и отъ проѣзжающихъ изъ разныхъ сторонъ многихъ людей въ милостыню деньги употребляла она на покупку серебряныхъ малыхъ трехъ крестовъ, также на сдѣланіе церковныхъ вещей, которыя розданы ею въ церкви, тако жь изъ тѣхъ подаваемыхъ денегъ употребляла она въ раздачу въ тюрьмы и по богадельнямъ на милостыню, а дѣтямъ и родственникамъ своимъ никогда ничего не давала, и по начатіи ею рыть пещеры дѣти и родственники ея никогда къ ней не приходили; сего же года на свѣтлой недѣлѣ въ субботу просила она города Курска Вознесенской церкви священника Захарія, чтобъ пришелъ къ ней въ ту пещеру для отправленія молебна съ образами, который обще съ діакономъ Василіемъ и съ причетники и со множествомъ народа къ ней приходилъ, и въ той пещерѣ молебенъ Пасхи отправлялъ; да и кромѣ онаго священника приходили къ ней въ оную пещеру Флоровской церкви два діакона Матвѣй да Димитрій съ женой своей, однодворецъ Покровскаго прихода Василій Кобозевъ съ женой своей, курскаго магистрата бургомистръ Петръ, Васильевъ сынъ, Полевой; а другихъ, приходившихъ къ ней въ пещеру, какъ звать и прозванія за множественнымъ ихъ числомъ не знаетъ; записные же и потаенные раскольники къ ней никогда не приходятъ, и она ихъ не знаетъ,

и сама она раскола и никакого суевѣрія не содержитъ, и никто ее тому не училъ, а содержитъ она вѣру православную грекороссійскаго исповѣданія, въ церковь ходитъ и крестное знаменіе изображаетъ на челѣ трое-перстнымъ сложеніемъ".— Духовныя лица, которыхъ называла въ своемъ показаніи Ирина, показали, что они дѣйствительно о Калугиной знали, были у нея и имѣли къ ней то или другое, указанное въ ея показаніи, отношеніе, но что рыть пещеру ей совѣтовъ не давали и ничѣмъ ей въ томъ не помогали; духовному жъ правленію не доносили потому, что какъ о ней, Иринѣ, всему городу было извѣстно, то уповали они—и духовному правленію вѣдомо; а діаконъ Матвѣй, сверхъ того, пояснилъ, что не доносилъ онъ духовному правленію о Калугиной потому, что все дѣло это „почиталъ онъ за ничто". По разсмотрѣнію дѣла консисторія постановила и преосвященный утвердилъ: 1) Женку Ирину Калугину за ношеніе ею по суевѣрному тщеславію на тѣлѣ желѣзныхъ веригъ, а на головѣ колпака и въ рукахъ—костыля—желѣзныхъ же, съ коими она публично ходила, оказывая мнимые труды свои и тѣмъ прельщать народъ отважилась, но видя, что оное прельщеніе ея тщетно и не успѣла къ полученію тунеядной корысти, выдумала въ городѣ Курскѣ во всекрайнѣйшее народу простому прельщеніе копать пещеры въ февралѣ мѣсяцѣ (что почитать надлежитъ зимою и оное утвердить за вѣроятное невозможно, ибо въ то время не токмо костылемъ, но ниже прочимъ къ тому пріуготовленнымъ инструментомъ онаго вырыть за всегда случающеюся великою стужею и морозомъ невозможно), къ тому же отъ того времени до Троицына дня будто питалась землею и водою, и какъ чрезъ оное, такъ и то, что будто она, стоя на молитвѣ, слышала гласъ: „копай, трудись, не бойся ничего", происшедшее въ народѣ разглашеніе не токмо простой народъ, но и тамошнихъ гражданъ, а паче города Курска священниковъ соблазнила...,—дабы болѣе отъ нея соблазна народнаго происходить не могло, снявъ съ нея желѣзныя вериги, въ силѣ прописаннаго имяннаго Ея И. В. 737 года ноября 14 дня указа для учиненія ей надлежащаго наказанія отослать въ бѣлоградскую губернскую канцелярію при промеморіи, и оныя вериги (снявъ

только съ оныхъ мѣдную икону и крестъ для оставленія въ консисторіи), такожь колпакъ и костыль желѣзные отправить съ нею жь въ оную губернскую канцелярію и что съ нею учинено будетъ за то, требовать увѣдомленія. 2) Курскаго духовнаго правленія присутствующіе протопопы Михаилъ Спасскій, Василій Сахновскій, да курской протопопіи намѣстникъ священникъ Андрей Кречетовъ за таковое попущеніе оной женкѣ Калугиной чинить противныя указамъ суевѣрія въ городѣ Курскѣ, гдѣ они сами жительство имѣютъ, и за слабое въ томъ смотрѣніе, въ силѣ прописаннаго 737 года ноября 14 дня указа не одному изверженію сана своего, но и тѣлесному наказанію подвергли себя, а за ложный репортъ и вящшему истязанію; но какъ указомъ 767 года іюня 30 дня тѣлесное наказаніе духовнымъ лицамъ чинить воспрещено, для того оное имъ оставить, а вмѣсто изверженія изъ сана, отрѣшить всѣхъ ихъ троихъ отъ курскаго духовнаго правленія, и на мѣсто ихъ назначить другихъ. 3) Священниковъ Покровской церкви Петра Далматова, Вознесенской— Захарія, діакона Василія, дьячка Даніила Булгакова, Флоровской церкви діаконовъ Матвѣя да Димитрія, дьячка Ивана Кречетова, кои сами не запирались, что посѣщали Калугину, токмо де духовному правленію не доносили за тѣмъ, что какъ де всему городу извѣстно, такъ уповательно и духовному правленію было вѣдомо, и оное ихъ неправильное показаніе въ томъ извинить ихъ не можетъ, понеже по должности своей всеконечно имъ о томъ слѣдовало дать знать непремѣнно оному курскому духовному правленію письменно, но оное ими упущено по единой къ означенной женкѣ Калугиной понаровкѣ,— дабы впредь въ томъ были предосторожны и такія вымышленныя суевѣрія прекращать не оставляли, сослать подъ началъ.... (въ разные монастыри). Указъ конс. авг. 1 дня 1769 г. № 365.

Борясь съ суевѣріями, духовенство, какъ мы видѣли, изыскивало, ловило, судило и карало, или отсылало для наказанія къ гражданскимъ властямъ суевѣровъ или кого считало за суевѣровъ. Борьба такимъ образомъ имѣла по преимуществу чисто внѣшній характеръ. Такого рода дѣятельность духовенства по

истребленію суевѣрій была, конечно, совершенно въ духѣ времени—на нее уполномочивалось, къ ней даже обязывалось духовенство и закономъ. Борьба собственно духовная едва замѣтна. Духовенство, призываемое къ борьбѣ съ суевѣріями, само—въ массѣ по крайней мѣрѣ—было мало образовано и въ достаточной степени суевѣрно. Достаточно сказать, что преосвященный Самуилъ въ 1769 г. находилъ нужнымъ *циркулярно* поучать духовенство бѣлогородской епархіи, чтобы не давали молитвъ родившимъ женамъ заглазно—въ шапку. Понятно, что, при такомъ собственномъ состояніи, духовенство едва ли и могло многое сдѣлать по части просвѣщенія темнаго и суевѣрнаго люда.

Амф. Лебедевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. И. КОСТОМАРОВѢ.

4 апрѣля исполнится пятилѣтіе со дня смерти Николая Ивановича Костомарова. Ѣдкое чувство горя объ утратѣ нашего славнаго историка начинаетъ переходить въ болѣе тихую грусть, въ памяти возстаютъ картины прошлаго, невольно является желаніе присоединить и мое слово къ цѣлому ряду уже появившихся въ печати воспоминаній о покойномъ, тѣмъ болѣе, что я знала Н. И. не только, какъ ученаго и художника, но и была знакома съ нимъ лично съ моихъ отроческихъ лѣтъ. Однако меня невольно беретъ раздумье: будетъ ли въ моемъ простомъ разсказѣ, почерпнутомъ большею частью изъ дѣтскихъ воспоминаній, достаточно интереса для публики? Я не критикъ и не писатель, потому не могу высказывать своего мнѣнія о дѣятельности Н. И. Костомарова; жизнь его со всевозможными подробностями описывается уже давно въ нашихъ журналахъ, личность его слишкомъ знакома всѣмъ нашимъ современникамъ и мнѣ остается только одно: передать то впечатлѣніе, которое Н. И. производилъ на меня, и сдѣлать это вполнѣ искренно и правдиво. Въ этой правдивости—и мое извиненіе, и моя единственная заслуга.

Много говорили о Костомаровѣ по прибытіи его въ Петербургъ изъ Саратова и съ нетерпѣніемъ ожидали начала его профессорской дѣятельности. Въ салонѣ моего отца [1]). собирался тогда кружокъ изъ самыхъ выдающихся личностей въ художественномъ мірѣ. Кружокъ этотъ вовсе не имѣлъ политическаго

[1]) Графа Ѳ. П. Толстаго.

оттѣнка; туда попадали люди не потому, что они принадлежали къ тому или другому кружку по своему образу мыслей, но потому, что были умны или талантливы. Бывали у насъ люди ретроградныхъ и крайне либеральныхъ воззрѣній, но всѣ были чѣмъ нибудь отмѣчены въ ученомъ, литературномъ или художественномъ мірѣ и, несмотря на горячіе споры, всѣ уживались подъ обаяніемъ безпристрастной, высоко честной и доброй личности отца моего и въ той атмосферѣ художественности и поэзіи, которую онъ умѣлъ создать около себя. Въ этотъ то дружескій кружокъ хотѣлось намъ притянуть и новую восходящую въ Петербургѣ звѣзду: Н. И. Костомарова.

Живо помню этотъ день; приходитъ къ намъ Т. Г. Шевченко, „звалъ, говоритъ, къ вамъ Костомарова—нейдетъ, упирается, да и только, чудакъ! А я вотъ что выдумалъ: онъ всегда занимается въ публичной библіотекѣ, пойдемте туда, я васъ тамъ познакомлю". Мы такъ и сдѣлали и я увидѣла Н. И. въ первый разъ въ самой подходящей для него обстановкѣ, окруженнымъ рукописями и фоліантами. Мнѣ кажется, я съ первой минуты, какъ только взглянула на Костомарова, стала съ нимъ въ тѣ дружескія отношенія, въ которыхъ была всегда; едва я успѣла прислушаться къ его разговору, къ его задушевному смѣху, какъ мнѣ уже казалось, что я давно знакома съ нимъ. Н. И. сталъ бывать у насъ очень часто, полюбилъ всю нашу семью и всегда высоко цѣнилъ отца моего, что было вполнѣ взаимно.

Всѣ, кто помнитъ начало дѣятельности Костомарова въ Петербургѣ, знаютъ, что это было время какого то опьяненія: его выносили на рукахъ, большая зала университета, въ которой онъ долженъ былъ читать вслѣдствіе недостатка мѣста въ аудиторіяхъ, была переполнена народомъ такъ, что слушатели сидѣли и на окнахъ и по двое на одномъ стулѣ; дамы дѣлали ему оваціи, на улицахъ поминутно слышалось его имя. Его отношеніе къ этому всеобщему восторгу и то, какъ онъ держалъ себя все это время, болѣе всего характеризуетъ Н. И., какъ человѣка. Онъ былъ такъ простъ и скроменъ, такъ мало упоенъ успѣхомъ; когда ему въ глаза высказывали лестные отзывы,

онъ какъ то уходилъ въ себя и перемѣнялъ разговоръ, даже наединѣ съ нами никогда иначе какъ въ шутку не упоминалъ объ дѣлаемыхъ ему овацiяхъ, никогда не выразилъ ни однимъ намекомъ какое нибудь самодовольство, оставался крайне требовательнымъ къ себѣ и продолжалъ сильно работать, но чувствовалось, что онъ былъ счастливъ; я думаю, это былъ одинъ изъ лучшихъ годовъ его жизни.

Для меня этотъ годъ былъ какимъ то душевнымъ праздникомъ: мнѣ минуло 16-ть лѣтъ, жизнь радостно открывалась передо мной и въ ней, пока, первое мѣсто занимали Н. И. Костомаровъ и университетъ. Послѣдній казался мнѣ какимъ то священнымъ храмомъ, въ который я, недостойная, входила съ трепетомъ, а Костомаровъ наполнялъ его новой струей молодой науки. Живое было это время, полное иллюзій, упованій и надеждъ! Желанія наши осуществлялись подъ рукой Царя-Освободителя, будущее казалось свѣтло и ясно, неподавленныя силы просились наружу, и вотъ является человѣкъ, пострадавшій между прочимъ и за тѣ идеи, которыя теперь торжественно вступали въ свои права и въ торжествѣ своемъ возносили и его; онъ являлся какъ бы примѣромъ и залогомъ, что не будетъ болѣе розни, всѣ пойдутъ рука объ руку на одно общее дѣло — благо родины и человѣчества. Такія мысли бродили не въ одной только моей шестнадцатилѣтней головѣ, всѣ были какъ то особенно настроены и Костомаровъ былъ нашимъ героемъ дня. Смѣшно теперь и какъ то трогательно вспомнить о нашихъ волненіяхъ во время знаменитаго диспута Погодина съ Костомаровымъ. Н. И., хотя и принималъ къ сердцу свою полемику о началѣ Руси, но о самомъ диспутѣ говорилъ у насъ болѣе въ шуточномъ тонѣ, но мы, молодежь, относились къ этому событію серьезно и страстно. Съ замираніемъ сердца отправляясь на этотъ диспутъ, мы чувствовали то же, что должны были чувствовать молодые романтики, идя на первое представленіе Эрнани; для насъ Костомаровъ, какъ Викторъ Гюго, какъ когда то Жоффруа Сентъ-Илеръ, былъ носителемъ идеи свободы и движенія въ наукѣ и искусствѣ. Жмудь, такъ мало извѣстная намъ до тѣхъ поръ, стала нашимъ лозунгомъ, нашимъ знаменемъ,

за торжество ея мы ничего бы не пожалѣли, пораженіе ея вызвало бы у насъ слезы... Ученость Погодина таки пугала насъ. „Погодинъ навѣрно приготовилъ какое нибудь вѣское, рѣшающее возраженіе“, говорили въ университетѣ.—„Что жъ, это будетъ пріобрѣтеніе для науки, Н. И. первый порадуется этому“, утѣшали мы себя.

Какъ студенты понимали и любили Костомарова, показываетъ тотъ фактъ, что сначала они хотѣли въ случаѣ побѣды вынести его на рукахъ и, вернувшись въ залу, освистать Погодина, но рѣшили этого не дѣлать, такъ какъ это будетъ непріятно Н. И., рѣшили даже апплодировать Погодину, если это будетъ можно, чтобъ сдѣлать удовольствіе его оппоненту. Послѣ безумно шумной овацiи диспута, Н. И. сидѣлъ у насъ въ кругу друзей за бокаломъ шампанскаго и на вопросъ: отчего онъ какъ будто не радуется выражаемому ему сочувствію, отвѣчалъ съ обычной своей скромностью: „потому что отъ меня слишкомъ многаго ожидаютъ“.

Но не на каѳедрѣ, окруженный восторгомъ толпы, рисуется Н. И. всего чаще въ моихъ воспоминаніяхъ. Я вижу его добрымъ знакомымъ, внесшимъ въ нашу частную жизнь массу своихъ свѣдѣній, живописность своей рѣчи, блескъ своего остроумія, заразительную искренность своего смѣха, теплоту своего участія. Какой безъискусственной и оригинальной прелестью дышали его разсказы,—каждая личность въ нихъ была такъ мѣтко очерчена нѣсколькими словами, что являлась типомъ. Не имѣя претензіи передать ихъ въ той художественной формѣ, въ которой они являлись въ устахъ Н. И., я приведу нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ ради самихъ передаваемыхъ изъ нихъ фактовъ, заимствованныхъ большею частью изъ жизни самаго Костомарова. Такъ, съ необыкновеннымъ юморомъ разсказывалъ онъ, какъ, бывши въ московскомъ пансіонѣ, 10—11 лѣтъ отъ роду, онъ, начитавшись Вальтеръ Скотта, задумалъ возобновить рыцарскія затѣи и устраивалъ турниры. Одѣвшись въ бумажный панцырь и шлемъ, подпоясавшись мечомъ, выходилъ онъ на поединокъ съ товарищемъ втрое сильнѣйшимъ.—Только что я приготовлюсь, говорилъ Н. И., по всѣмъ рыцарскимъ правиламъ,

занесу копье, чтобъ ударить въ него всею силой, а онъ выхватитъ копье, переломитъ объ мою спину, да за чубъ, за чубъ меня, донъ-Кихота! Кто меня только не билъ, и всегда я самъ задѣвалъ: вспылю, подлечу и всегда то меня побьютъ... Но я никогда не жаловался, за то меня все таки товарищи любили". Въ воронежской гимназіи учитель научилъ Н. И. снести директору голову сахара. Мальчикъ въ простотѣ сердца, съ головой сахара отправился прямо въ гостинную директора, да еще при гостяхъ. Директоръ распушилъ его и прогналъ. Вышелъ мальчикъ совсѣмъ озадаченный, а за нимъ бѣжитъ горничная: „вы, говоритъ, не туда зашли, барину отсюда, съ чернаго крыльца, носятъ".

Слѣдующій, припоминаемый мною, разсказъ относится къ юношескому періоду жизни Н. И. Когда ему было 22 года, онъ влюбился въ одну дѣвушку, которая предпочла ему другаго. Костомаровъ позабылъ и думать о ней, когда узналъ, что этотъ другой бросилъ ее въ несчастьи и нуждѣ. Былъ тогда у Н. И. одинъ товарищъ П., добрый малый, но большой гуляка. Узнавши о горькой судьбѣ дѣвушки, этотъ послѣдній спрашиваетъ у своего друга, что онъ намѣренъ дѣлать. „Право не знаю, подлость ужасная, надо бы заставить жениться, да какъ?" Неужели же ты оставишь такую возмутительную вещь безнаказанной", восклицаетъ П. „такъ то ты стоишь за правду? Ну, такъ я за это дѣло возьмусь". И отправляется устраивать дуэль. „Ты будь спокоенъ, говоритъ онъ Костомарову, если онъ тебя убьетъ, такъ и ему съ мѣста не сойдти". Вызывая отъ имени Н. И. того господина, онъ предупреждаетъ его: „если вы не хотите драться, то мы васъ все равно до смерти поколотимъ. Вамъ смерти не миновать; если вы застрѣлите К., то я все равно васъ убью, лучше ужъ вы женитесь на оскорбленной вами дѣвушкѣ". Все это дѣлалось только за идею, такъ какъ, по выраженію Костомарова, „эта дѣвушка была у него давно донной Эльвирой", а П. и не зналъ ея. Дуэль, однако, не состоялась: противникъ предпочелъ донести губернатору и Н. И. долженъ былъ, вслѣдствіе этой исторіи, оставить Харьковъ.

Съ разработываемою имъ въ его лекціяхъ или сочиненіяхъ эпохою Н. И. сживался такъ, что, слушая его, казалось, слы-

шишь очевидца передаваемыхъ событій: добродушно подтрунивая иногда надъ своими героями, онъ какъ будто говорилъ о близкихъ знакомыхъ. Легенды о бѣсахъ, одно время занимавшія его, получали въ устахъ его оригинальный характеръ; его бѣсы были такъ милы, граціозны, такъ полны жизни, что, казалось, онъ самъ вѣритъ въ нихъ. Особенно одинъ „бѣсъ Зеѳеусъ", котораго спеціальность была „творить пакости мнихамъ", а за неимѣніемъ оныхъ—ученымъ, пріобрѣлъ мою симпатію и занялъ у насъ большую роль. Перемѣнятъ ли любимую оперу, помѣшаетъ ли погода предполагаемому катанью,—„каковъ бѣсъ Зеѳеусъ? Это все онъ!" восклицаемъ мы. Всякія мелкія событія передавались языкомъ легендъ. Разъ приходитъ къ намъ Н. И. и разсказываетъ: „во едину изъ средъ пріиде ко мнѣ бѣсъ лукавый во образѣ знаемаго моего и глагола: „хощеши, брате, стяжаніе веліе имати? Возьми акціи саратовской желѣзной дороги". Азъ же, по незлобію и добросердечію своему, поидохъ и взяхъ акціи сіи. Протекшимъ же дванадесятію седмицамъ, услышахъ, яко акціи сіи упадоша въ цѣнѣ. И грядохъ азъ къ знаемому моему и рѣкохъ ему: „почто, брате, обманулъ мя еси?" И отрečеся и рече: „не вѣмъ, что глаголеши, се не азъ бы". И тогда азъ прозрѣхъ и уразумѣхъ, яко се бѣсъ бѣ во образѣ человѣческомъ, иже пріидохъ искусить мя. И абіе пріиде бѣсъ во образѣ знаемаго моего и рече ми: „веліе ли, брате, стяжаніе имаши?" Азъ же, прозрѣвый, рекъ ему: „вѣмъ, кто еси". И отвѣща, глаголя: „во истину есмь бѣсъ Зеѳеусъ, ненавидяй добро и родъ человѣческій, паче же премудрости твоея ради, пріидохъ пакости ти творити".

Давно обѣщалъ Н. И. показать намъ, какъ дѣлаются настоящіе вареники, и вотъ однажды, прямо изъ университета, Н. И. отправляется къ намъ въ кухню, подпоясывается передникомъ и, взявъ въ руки ложку, предварительно читаетъ намъ полукомическую, полусерьёзную лекцію о варениках и приступаетъ къ дѣлу, но о дальнѣйшемъ пусть онъ самъ разскажетъ: „Бѣ мужъ нѣкій, имя же ему Никола, и восхотѣ онъ, гордости своея ради, яство, вареники нарицаемое, сотворити. И взявъ муки гречневыя и сотворивъ брашно, и вложивъ въ оное тво-

рогу, и посыпавъ солью, ввергну въ укропъ. И возсѣдоша домочадцы и присные его за трапезу и, подану сущу яству сему, никто же не може ясти! И уразумѣхъ мужъ сей, яко се бѣсъ лукавый, ненавидяй добра и рода человѣческаго, соврати его и *отъиде посрамленъ*".

Эта способность переходить отъ дѣла, отъ серьёзныхъ разговоровъ, полныхъ учености и глубокихъ мыслей, къ такой ребяческой веселости, эта широта души, отзывчивой ко всему, отъ философскаго мышленія до лепета ребенка, для которой ничто въ человѣкѣ и природѣ не чуждо, дѣлали проведенное съ Н. И. время обаятельнымъ и незабвеннымъ. Полное отсутствіе важности, тщеславія, самомнѣнія и безконечная снисходительность къ людямъ—привязывали къ этому человѣку. Желчности, горечи я никогда не замѣчала у Н. И.; въ немъ было что-то ясное, спокойное, какъ у всѣхъ тѣхъ, кто созерцаетъ міръ съ нѣкоторой высоты. Непониманіе или несправедливость къ нему людей ложились глубокой раной въ его сердце, но онъ всегда старался находить извиненіе и объясненіе ихъ поступкамъ; къ нападкамъ нечати относился добродушно, отстаивая право каждаго высказывать свои мысли. Иногда даже досадно было, какъ спокойно принималъ онъ разныя инсинуаціи. По поводу такъ часто раздававшихся обвиненій его въ разрушеніи идеаловъ и развѣнчиваніи народныхъ героевъ, онъ, смѣясь, говорилъ: „чѣмъ же я тутъ виноватъ, когда я этого не вижу, не нахожу въ источникахъ? Что есть въ источникахъ, то я знаю; чего нѣтъ—того не знаю, я такъ и говорю: „этого я не знаю или этого нѣтъ въ источникахъ"; что жъ я тутъ могу подѣлать!" Онъ зналъ, что онъ искалъ только истины, неумолимой истины и безбоязненно шелъ по пути, который ему указывала совѣсть. Правдивость, доведенная даже до крайности, была отличительной чертой Н. И. и въ частной жизни. Я знаю нѣсколько случаевъ изъ его жизни, гдѣ онъ сильно повредилъ себѣ изъ страха, чтобъ какъ нибудь не покривить душой. Для близкихъ людей эта отчасти утрированная правдивость бывала въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже тяжела: безъ всякаго желанія обидѣть кого нибудь, онъ говорилъ людямъ въ глаза непріятныя истины и не хотѣлъ понять, что

слѣдуетъ иногда воздержаться отъ выраженія своихъ впечатлѣній: „да вѣдь это правда, говорилъ онъ, а правда всегда хороша, всегда полезна". Онъ былъ въ этомъ случаѣ очень послѣдователенъ, цѣнилъ правдивость въ другихъ, самъ никогда не обижался, когда были съ нимъ откровенны и, если былъ неправъ, тотчасъ же соглашался съ этимъ. „Костомаровъ, писала я въ то время кому то, одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ всѣ ихъ хорошіе и благородные поступки такъ врожденны и естественны, что кажутся имъ чѣмъ то совсѣмъ простымъ и обыкновеннымъ, вовсе не заслуживающимъ похвалы. Они поступаютъ благородно не вслѣдствіе какого нибудь разсужденія, а потому, что иначе поступить не могутъ. Это очень рѣдкіе люди, ихъ можно сравнить съ геніями въ искусствѣ; когда встрѣчаешь ихъ въ жизни, то невольно благоговѣешь передъ ними".

Н. И. былъ вспыльчивъ отъ природы, но горячность его выражалась въ рѣдкихъ случаяхъ и обыкновенно обрушивалась на голову его „Лепорелло", его преданнаго Ѳомы, который, хорошо зная своего барина съ дѣтства, относился къ этому, какъ добрая, старая няня—къ вспышкамъ ребенка. Объ его горячности я знала изъ разсказовъ самого Н. И. и она казалась мнѣ естественной при его впечатлительномъ и живомъ характерѣ; видѣла же я его всегда ровнымъ, привѣтливымъ и добрымъ. Особенно замѣчательна была его сдержанность во время спора. Въ Н. И. такъ глубоко было развито уваженіе къ человѣческой личности, что онъ выслушивалъ всякаго, даже того, кто далеко ниже его стоялъ по уму и по развитію, стараясь въ словахъ его отыскать не слабыя стороны, но какой нибудь проблескъ истины. Споры его съ Шевченкомъ были моимъ наслажденіемъ; контрастъ между этими двумя друзьями во время спора былъ въ высшей степени интересенъ и оба противника были очень милы, каждый въ своемъ родѣ: невозмутимое спокойствіе Костомарова выводило кипятящагося Шевченка изъ себя, такъ что онъ, подъ конецъ, къ нашему полнѣйшему удовольствію, начиналъ бранить Н. И. по малорусски.

Если это только возможно, я еще болѣе сошлась съ Н. И. во время нашего лѣтняго пребыванія въ Финляндіи, куда онъ

часто пріѣзжалъ къ намъ. Величественная тишина сосновыхъ лѣсовъ навѣвала на насъ какое то поэтическое настроеніе. Цѣлыми днями бродили мы по полямъ и лѣсамъ, утомляя нашихъ, менѣе насъ впечатлительныхъ къ красотамъ природы, спутниковъ; взлѣзали на вершины скалъ, любовались разнообразіемъ мховъ, доставали въ лѣсныхъ озеркахъ бѣлые ненюфары. Рѣчи Н. И., казалось мнѣ, сливались съ окружающей природой въ одну общую гармонію; онъ посвящалъ меня въ таинство звѣзднаго неба, разбирая лепестки полевыхъ цвѣтовъ въ нашихъ букетахъ, онъ говорилъ о метаморфозахъ растеній, переходилъ къ преданьямъ народовъ, едва выходящихъ изъ мрака доисторическихъ временъ, и передавалъ, какія минуты наслажденія испытывалъ онъ, бесѣдуя съ мужиками и объясняя имъ солнечную систему.

Не обходилось и у насъ съ Н. И. безъ препирательствъ. Темою обыкновенно служило отношеніе къ природѣ и пейзажная живопись, которую Н. И. ставилъ ниже другихъ жанровъ и которую я защищала съ горячностью, подобающей пейзажисткѣ. Я упрекала Н. И., что онъ болѣе дорожитъ историческими воспоминаніями, связанными съ какой нибудь мѣстностью, чѣмъ красотой ея; природа такъ хороша сама по себѣ, что наслаждаться ею надо всецѣло, не примѣшивая ничего другаго. Н. И. напротивъ доказывалъ, что одно должно дополнять другое, что природа мертва безъ людей, что природа располагаетъ къ тому, чтобы любить людей, что некрасивую историческую мѣстность онъ не назоветъ красивой, но прекрасная, соединенная съ историческими воспоминаніями, кажется ему еще лучше. Съ своей стороны онъ ставилъ мнѣ въ вину, что я смотрю на природу слишкомъ съ художнической точки зрѣнія.—Вамъ нравится то только, что картинно, говорилъ онъ; такъ на природу нельзя смотрѣть, это слишкомъ односторонне; кто дѣйствительно любитъ природу, тотъ любитъ каждый клочекъ ея, тотъ восхищается каждымъ листочкомъ". Наши споры однако кончались весьма миролюбиво; относительно пейзажной живописи мы приходили къ компромиссамъ, а когда я заявляла, что финляндская природа, если и лишена интересныхъ воспоминаній, все же не ли-

шена людей, которыхъ можно изучать и любить, и что „я гораздо лучше всѣхъ его историческихъ личностей, умершихъ тысячу лѣтъ тому назадъ", то, конечно, съ такой женской логикой Н. И. могъ только, смѣясь, соглашаться. Потомъ, сидя на берегу,

Созерцая, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное,
Полосами его золотя...,

Н. И. признавался, что въ своей молодости и онъ испытывалъ все, о чемъ я часто говорю, эти восторги передъ картинами природы, доходящіе до слезъ и до молитвы, это желаніе воспринять въ себя, удержать на вѣкъ эти впечатлѣнія—и я была вполнѣ удовлетворена.

Мы иногда катались верхомъ, но самая интересная изъ нашихъ прогулокъ было маленькое путешествіе на Иматру, которое ознаменовалось такой сильной грозой и при такой эффектной обстановкѣ, что я никогда потомъ не видѣла ничего подобнаго. Мы укрылись въ стеклянномъ павильонѣ надъ водопадомъ. Молнія сначала дрожала и блестѣла вдали, потомъ гроза стала быстро приближаться: на горизонтѣ поднимался огненный столбъ и, какъ въ фейерверкѣ, выбрасывалъ снопы стрѣлъ; легкія облачка черными силуэтами рисовались на ярко освѣщенномъ небѣ; водопадъ рвался и бушевалъ, равномѣрный ревъ его, какъ аккомпаниментъ, вторилъ страшнымъ, повтореннымъ эхо раскатамъ грома, бѣлая пѣна подымалась, озаренная фосфорическимъ блескомъ, и огненныя брызги разсыпались кругомъ. Была минута какого то страшнаго безмолвія и вдругъ гроза разразилась почти надъ нами, разомъ озаряя нашъ стеклянный домикъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Нѣкоторымъ дамамъ сдѣлалось дурно.

— Вамъ не страшно? спросилъ меня Н. И.

— Нѣтъ.

— Это рѣдко, чтобъ молодая дѣвица не боялась грозы.

— Я прежде ужасно боялась, но сегодня это слишкомъ хорошо. Нѣтъ такого страха, который оторвалъ бы меня теперь отъ окна. Я уже никогда не буду бояться, всякая гроза будетъ напоминать мнѣ эту чудную ночь.

На обратномъ пути Н. И. неожиданно сказалъ мнѣ: „пишите стихи, а то вся ваша поэзія обратится въ жизнь, берегитесь этого, это не принесетъ вамъ счастья".

Костомаровъ сильно увлекался даже мелочами, заинтересовавшими его; такъ, онъ серьезно сталъ изучать со мной англійскій языкъ и прилежно читалъ Шекспира съ лексикономъ и комментаріями. Не могу безъ смѣха вспомнить, какъ одинъ разъ насъ, возвращавшихся съ прогулки, засталъ дождь. Всѣ наши, конечно, поспѣшили добраться до дому, но мы съ Н. И. были заняты англійскимъ діалектомъ и ко всему другому оставались равнодушны. Употребитъ Н. И. невѣрное выраженіе,—я остановлюсь, чтобы поправить его; я скажу что нибудь непонятное для Н. И.,—онъ остановится, бьетъ себя въ голову и, пока я не переведу ему моихъ словъ, мы стоимъ другъ противъ друга посреди дороги, а дождикъ льетъ на насъ, какъ изъ ведра. Не менѣе увлекался Н. И. музыкой: мы съ сестрой должны были несчетное количество разъ играть ему въ четыре руки „Аделаиду" Бетговена, а одна наша знакомая всего „Донъ-Жуана". Эту оперу, также какъ „Жизнь за Царя", Н. И. любилъ какою то фанатическою любовью и, никогда не игравши на фортепіано, захотѣлъ выучиться „La ci darem la mano". Съ грѣхомъ пополамъ я и сестра выучили его и тогда это сдѣлалось настоящей мономаніей, онъ повторялъ эту пьесу во всякое время: идемъ мы, напримѣръ, завтракать мимо фортепіанъ, нельзя не остановиться и не съиграть „La ci darem". „Попробуйте теперь въ четыре руки", проситъ Н. И. „Да когда же вы, наконецъ, придете, все простыло", раздается голосъ моей матери, и только благодаря тому, что нѣтъ на дорогѣ втораго рояля, мы достигаемъ благополучно балкона.

Наканунѣ Иванова дня мы устроили что то вродѣ языческаго праздника: дѣвушки сплели себѣ вѣнки, мужчинъ украсили гирляндами изъ хмѣля, пѣли пѣсни, переводили коня черезъ колоду и Н. И. первый перепрыгнулъ черезъ костеръ. Его примѣру тотчасъ же послѣдовали мѣстные крестьяне, у которыхъ это до сихъ поръ въ обычаѣ. Въ слѣдующее воскресенье, мы, въ угоду Н. И., устроили балъ для крестьянъ. Оркестръ состоялъ

изъ трехъ скрипокъ, угощенье—изъ пива и сластей; я прошлась въ первой парѣ съ нашимъ кучеромъ. Н. И. и мой отецъ тоже приняли участіе въ танцахъ. Еслибъ недоброжелатели Костомарова видѣли, какъ живо интересовался онъ народными пѣснями, танцами и обрядами чухонъ, то навѣрное упрекнули бы его въ финноманствѣ.

Наше веселое лѣто кончилось и мы уѣхали заграницу. Н. И. провожалъ насъ до Пскова, гдѣ мы выпили бокалъ шампанскаго, сидя на городской стѣнѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ вѣчевой колоколъ, и разстались. Во время двухлѣтняго путешествія я переписывалась съ Н. И. Письма его крайне интересны по той окраскѣ, которую онъ умѣлъ придать передаваемымъ событіямъ дня, но я не считаю возможнымъ напечатать ихъ, такъ какъ въ нихъ много говорится объ общихъ знакомыхъ и событіяхъ, касающихся нашей семьи; одно изъ нихъ, написанное церковно-славянскимъ языкомъ, есть болѣе пространный варіантъ напечатаннаго уже г. Мордовцевымъ „Сказанія о представленіи оперы Пророкъ“.

Послѣ моего замужества, я сравнительно рѣдко видѣлась съ Н. И., но дружескія отношенія наши не измѣнились и я всегда возвращалась отъ Костомарова съ наполненнымъ сердцемъ и умомъ.

Въ тяжелую минуту моей жизни Н. И. и его жена на дѣлѣ доказали мнѣ свою дружбу, ихъ ласку и участіе мнѣ не забыть до гроба. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я провела у нихъ мѣсяцъ въ ихъ малороссійскомъ имѣніи. Н. И., несмотря на посѣдѣвшіе волосы, на удушье, мучившее его, и нервность, развившуюся вслѣдствіе болѣзни, былъ все такимъ же, какимъ я знала его прежде: также работалъ, также острилъ и разсказывалъ, заставляя удивляться его замѣчательной памяти, также молодо восхищался дивными ночами Украины. Помню одну такую ночь. Въ усадьбу зашелъ кобзарь Вересай. Мы усѣлись на заваленку и на ступеньки какого то сарая, пришли откуда то дивчины въ своихъ граціозныхъ костюмахъ; всѣ мы были залиты серебристымъ сіяніемъ мѣсяца, а слѣпой старикъ, со слезами въ дребезжащемъ голосѣ, пѣлъ про древнюю славу

козачества... Послѣ обѣда, когда солнце близилось къ закату, мы отправлялись на одинъ изъ ближнихъ холмовъ, съ котораго открывался широкій видъ на окрестности. Цѣлая толпа ребятишекъ высыпала намъ вслѣдъ. На горѣ устраивался хоръ, подъ управленіемъ одной изъ старшихъ дѣвочекъ; Н. И. заставлялъ ихъ пѣть чисто народныя пѣсни, которыя теперь, къ сожалѣнію, начинаютъ уже замѣняться солдатскими или лакейскими, и замѣчательно стройно и хорошо пѣли эти дѣти. Послѣ импровизированнаго концерта артистамъ раздавались леденцы. До самаго дома провожали насъ звонкіе дѣтскіе голоса, а тамъ ожидалъ насъ вкусный деревенскій ужинъ, послѣ котораго мы усаживались вокругъ лампы и принимались за чтеніе „Мазепы“, надъ которымъ трудился тогда Н. И. Какое то обаятельное впечатлѣніе производилъ весь складъ этой семьи: общеніе съ Костомаровымъ невольно заставляло работать мысль, почти материнская заботливость, съ которой жена его ухаживала за нимъ, пробуждала лучшія стороны души и какъ то тепло дѣлалось на сердцѣ...

Въ началѣ января 1885 года я была на короткое время въ Петербургѣ и нашла Н. И. страшно измѣнившимся физически; особенно поразилъ меня его ослабѣвшій голосъ. Когда я, передъ отъѣздомъ, ужъ совсѣмъ простилась съ нимъ, Н. И. вдругъ сказалъ мнѣ: „приходите ко мнѣ еще разъ“. Что то сжалось въ груди моей, у меня мелькнула мысль: „малѣйшая воля этого человѣка должна быть священна для меня“—и тотчасъ же смѣнилась другою: „такъ думаютъ объ умирающемъ“. Я разсѣяла эти грустныя мысли, но предчувствіе не обмануло меня; когда я исполнила желаніе Н. И. и посѣтила его,—я увидѣла въ послѣдній разъ моего добраго, стараго друга.

Екатерина Юнге.

Судьба Выговскихъ и Ивана Нечая.

Въ наказѣ московскимъ посламъ, которые назначены были участвовать въ избраніи гетмана на переяславской радѣ, въ 1659 г., боярину А. Н. Трубецкому, В. Шереметеву, Гр. Ромодановскому, дьякамъ А. Лопухину и Ѳед. Грибоѣдову, между прочимъ предписывалось требовать отъ новоизбраннаго гетмана и всей старшины, чтобы главныхъ заводчиковъ малороссійскихъ смутъ, всѣхъ Выговскихъ, полковниковъ: Ивана Нечая, Гр. Гуляницкаго, Ѳед. Лободу, Гр. Лѣсницкаго, судью Самойла Богданова и Антона Жданова, немедленно они судили по своимъ войсковымъ правамъ, и впредь бы имъ въ войскѣ запорожскомъ не быть. На это требованіе московскихъ пословъ какъ гетманъ, такъ и вся старшина отвѣтили въ свою очередь просьбой, чтобы государь означенныхъ лицъ, кромѣ Выговскихъ, всѣхъ простилъ, обѣщаясь при этомъ не допускать ихъ въ войсковую и секретную раду, а Выговскихъ доставить въ Москву. Московскіе послы согласились. Тѣмъ не менѣе гетманъ Юрій Хмельницкій тотчасъ же, 20 окт. 1659 г., билъ челомъ государю о полномъ прощеніи Грицка Лѣсницкаго и о дозволеніи ему участвовать въ радѣ и быть избираемымъ на уряды. Челобитье было уважено и началась ловля Выговскихъ и Нечая. 26 октября корсунскій полковникъ Яковъ Петровичъ (Петренко) извѣстилъ князя Трубецкаго о захватѣ въ Лисянахъ Данила Выговскаго: „противъ воли и росказанья вельможнаго его милости пана Юрія Хмельницкаго, гетмана войска Е. Ц. В. запорожскаго, который мнѣ велѣлъ, чтобъ я Данила Выговскаго гдѣ могъ найти, чтобъ самого поймавши до вельможности вашей отослалъ; тогда я посылаю до ва-

шей милости Данила Выговскаго, при которомъ посылаемъ товарищей вѣрныхъ и желательныхъ Е. Ц. В., именемъ Ждана Дмитровича и Пахома Свиридовича, Оську Василевича, Романа Ивановича Шпака, котораго тамъ ранили, какъ онаго добывали въ замкѣ лисянскомъ, и Яско Гончаринко, Игнатъ Савченко и иные товарищи, Яцко Дикимонтъ, за которыми вашей милости, добродѣя нашего, вельми прошу, чтобъ вельможность ваша, панъ нашъ милостивый, на оныхъ призрѣнье имѣть изволилъ". Но прежде, чѣмъ Трубецкой получилъ въ свои руки Данила Выговскаго, гетманъ Юрій Хмельницкій уже ходатайствовалъ предъ нимъ за своего зятя, прося обойтись съ нимъ милостиво; „зятя моего, Данилу, въ Лисянцахъ сыскавши чрезъ пана полковника корсунскаго, впредь до твоей милости и до пресвѣтлаго Е. Ц. В. ѣхати ему позволяю, которому чтобъ милость твоя, для великой милости его пресвѣтлаго царскаго величества, любовь свою и желательство объявити изволилъ и до пресвѣтлаго Е. Ц. В. лучшее свое боярское внести прошеніе, дабы оному милость свою милостивую, яко милостивый государь, оказати изволилъ. Богъ кающагося пріемлетъ и Е. пресвѣтлое Ц. В. милостію своею подлинно есте что Данилу, зятя моего, пожалуетъ: кровь моя, для крови прошеніе приношу. Буди милость твоя въ томъ моемъ прошеніи помочный и до его пресвѣтлаго Ц. В. за зятя моего просительнымъ, для чего Е. Ц. В. истиннымъ подданствомъ, а твоей милости повольными услугами работать готовъ есмь...." Неизвѣстно, какъ бы отнеслось московское правительство къ Данилу Выговскому вслѣдствіе ходатайства за него гетмана, такъ какъ Данило до Москвы не доѣхалъ. „Гетманъ Юрій Хмельницкій", писалъ кн. А. Н. Трубецкой въ Москву, „по своему и всего войска запорожскаго договору, прислалъ къ намъ Данилу Выговскаго; и до твоего великаго государя указа велѣли мы везти его, Данилка, за приставомъ въ стрѣлецкихъ приказѣхъ, и везли его въ Семеновѣ приказѣ Полтева да въ Артамоновѣ приказѣ Матвѣева, перемѣняясь, а въ приставѣхъ у него были сотники со стрѣльцами поденно. И ноября въ 21 д., какъ мы пошли изъ Болхова, и Данилка Выговской занемогъ, и везли его больнаго ноября жъ по 30-е число, а ноября въ 30 числѣ на

дорогѣ, отъѣхавъ отъ Калуги 10 верстъ, онъ умеръ, и мы велѣли погребсти его въ селѣ Горнемъ..." Получивши такое донесеніе, царь Алексѣй Михаиловичъ приказалъ отправить тѣло Данила Выговскаго къ гетману; для сопровожденія тѣла былъ назначенъ путивлецъ Иванъ Мосалитиновъ, а священнику села Горняго послана память о дозволеніи вырыть тѣло Данила и отпускѣ его въ Малороссію. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ государя 10 декабря была послана къ гетману грамота, въ которой онъ выражалъ глубокое сожалѣніе о смерти гетманскаго зятя [1]).

Жена Данила Выговскаго была захвачена 14 ноября 1659 г. въ Чигиринѣ нѣжинскимъ полковникомъ Василіемъ Золотаренкомъ и отдана въ Суботовѣ за пристава.

Другой зять Хмельницкаго, полковникъ Иванъ Нечай, съ братомъ Юрьемъ былъ захваченъ при взятіи Стараго Быхова 4 декабря 1659 г. Оба они были сосланы въ Тобольскъ; жалованье имъ назначено—Ивану по гривнѣ на день, а Юрью по 10 денегъ. Отъ 22 февраля 1660 г. тобольскій воевода, князь Иванъ Хилковъ, писалъ о нихъ: „по твоей государевѣ грамотѣ велѣно полковника Ивашка Нечайка и брата его Юшку посадить въ тюрьму; и полковника Ивашка Нечайка и брата его Юшку въ тюрьму посадить было не мочно, потому что въ тюрьмѣ сидятъ многіе ссыльные люди, литва и нѣмцы. И мы велѣли тогожъ дня поставить въ тюрьмѣ, въ томъ же острогѣ, особую избу и велѣли изъ-за пристава полковника Ив. Нечая и брата его Юшку посадить въ тюрьму, въ тое особую избу, февраля въ 21 д. и велѣли у нихъ быть по пяти человѣкомъ караульщикомъ, тобольскимъ служивымъ людемъ, да по атаману казачью днемъ и ночью; да у нихъ же велѣли быть и ихъ надсматривать по вся дни тѣмъ же прежнимъ приставомъ, тобольскимъ дѣтемъ боярскимъ, Данилу Аршинскому да Ѳедору Черницыну, и велѣли ихъ въ тюрьмѣ держать съ великимъ береженьемъ. И дѣтямъ боярскимъ, и атаманомъ, и караульщикомъ, и дворскому и тюремнымъ сторожемъ приказали съ великимъ подкрѣпленьемъ, чтобъ они Ивашка и Юшка, изъ тюрьмы никуда не ушли, и дурна какого

[1]) Сибир. пр. столб. № 6436.

надъ собою не учинили, и ножей бы у нихъ не было, и къ нимъ, Ивашку и Юшку, въ тюрьму и близко тюрьмы польскихъ, и литовскихъ и нѣмецкихъ людей припущать и рѣчей съ ними разговаривать, и чернилъ и бумаги имъ въ тюрьму давати не велѣли никоторыми дѣлы..." [1])

Изъ приведенныхъ свѣдѣній о судьбѣ Данила Выговскаго и Нечая видно, что московское правительство вовсе не оказывается такимъ жестокимъ по отношенію къ нимъ, какъ это выставляетъ панъ Беневскій въ письмѣ къ Юрью Хмельницкому въ январѣ 1660 года: „Вы толкуете о непріятельскихъ мучительствахъ, которыя вы претерпѣвали отъ поляковъ... А царь не потому ли кажется вамъ добръ, что полна Украйна мучительства? Когда бы мой большой и любимый пріятель, родитель вашей милости, воскресъ и увидѣлъ одного зятя своего на крюкѣ, дочь въ плѣну и безчестьи; когда бы увидѣлъ другаго зятя неслыханно замученнаго; когда бы увидѣлъ тѣло его истерзанное кнутомъ, пальцы отрѣзанные, глаза вынутые и серебромъ залитые, уши буравомъ просверленныя и серебромъ залитыя; когда бы увидѣлъ другую дочь, умирающую надъ тѣломъ мужа...., если бъ Богданъ Хмельницкій увидѣлъ все это, то не только бы принялся за оружіе, но и въ огонь ринулся бы... Панъ Ковалевскій пишетъ мнѣ, что царь простилъ всѣхъ; но если простилъ, то зачѣмъ же человѣкъ замученъ? Не только печаль, но безчестье всему войску—прислать къ нему такъ замученнаго зятя гетманскаго..." Такого же мнѣнія о смерти Данила Выговскаго придерживается и С. М. Соловьевъ [2]).

Князь А. Н. Трубецкой съ товарищами, съ которыми ѣхалъ въ Москву Данило Выговскій, не имѣли никакого права, никакого приказа *дорогою* пытать его; несомнѣнно, въ ихъ отпискѣ, которая назначалась въ разрядъ, былъ хотя бы малѣйшій намекъ на причину смерти Данила, если бы причиною была пытка. Между тѣмъ воеводы эпически просто говорятъ: „и ноября въ 21 д., какъ мы пошли изъ Болхова, и Д. В. занемогъ и везли его больнаго..." Отчего занемогъ? Если бы не общая какая нибудь

[1]) Столб. сибпр. пр. № 6622.

[2]) Ист. гос. рос. т. XI, прим. 21.

болѣзнь, то несомнѣнно былъ бы указанъ тотъ частный случай, который произвелъ болѣзнь и смерть. Такимъ образомъ о пыткахъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Да и то можно сказать, что если бы московское правительство, или, по приказанію его, князь Трубецкой измучилъ Выговскаго пытками, то было бы дѣйствительно крайне неумѣстно посылать искалѣченный трупъ къ гетману: правительство имѣло полную возможность не отпускать трупа Данила къ гетману, тѣмъ болѣе трупа неразложившагося (декабрь) съ явными признаками пытки. Наконецъ *память* священнику села Горняго, сохранившаяся до нашего времени, о дозволеніи выкопать тѣло Данила, точно доказываетъ, что Выговскій не доѣхалъ до Москвы; о пыткѣ же дорогою, какъ сказано, не можетъ быть и рѣчи.

Остальные родственники Выговскаго: овруцкій полковникъ Василій, и полковники жъ Юрій и Илья Выговскіе, захваченные черниговскимъ полковникомъ Аникіемъ Силичемъ, вмѣстѣ съ другими измѣнниками, пойманными переяславскимъ полковникомъ Тимоѳеемъ Цецурою, всѣ были присланы въ началѣ сентября мѣсяца въ Кіевъ къ боярину Василію Шереметеву, а изъ Кіева 12-го сентября отосланы къ Москвѣ со стряпчимъ Иваномъ Свіязевымъ. Съ нимъ же вмѣстѣ отправилось посольство отъ полковниковъ: нѣжинскаго Василія Золотаренка, черниговскаго—Аникія Силича, прилуцкаго Ѳедора Прилуцкаго, переяславскаго—Тимоѳея Цецуры, для челобитья о сохраненіи ихъ правъ и вольностей. Свіязевъ съ измѣнниками и съ посланниками, пріѣхавъ 4 октября къ Москвѣ, согласно данному ему бояриномъ Шереметевымъ наказу, остановился въ селѣ Семеновскомъ и оттуда послалъ отписку въ разрядъ о своемъ прибытіи. Въ отвѣтъ на отписку Свіязевъ получилъ изъ разряда память; „.... какъ къ тебѣ ся память придетъ, и ты бъ съ тѣми посланцы и съ измѣнники изъ Семеновскаго пріѣхалъ къ Москвѣ завтра, октября въ 6 д., а пріѣхать бы тебѣ съ ними къ Москвѣ въ четвертомъ часу дня въ началѣ; а ѣхати бъ съ посланцы и измѣнники къ Москвѣ въ Калужскія ворота, и измѣнниковъ велѣть везти въ телѣгахъ связанныхъ, а стрѣльцомъ московскимъ, которые посланы съ тобою, велѣть ѣхать около телѣгъ съ ружь

емъ....“ Пріѣхавши въ Москву, Свіязеву предписывалось явиться съ посланцами и съ измѣнниками въ посольскомъ приказѣ. Въ тотъ же день, 6 октября, по государеву указу, изъ посольскаго приказа была послана память въ разбойный приказъ „держати тѣхъ измѣнниковъ на тюремномъ дворѣ въ опальной тюрьмѣ однихъ, а своего государева жалованья давать имъ корму по шти денегъ на день; и береженье къ нимъ держать большое, чтобъ они куда не ушли и дурна какого надъ собою не учинили...“ [1]) На тюремномъ дворѣ у Выговскихъ описали все платье и деньги, какія были при нихъ: „Василій Выговской; на немъ платья: кафтанъ овчинной, другой тафтяной, штаны суконныя, у него жъ пятьдесятъ золотыхъ польскихъ, по его сказкѣ, имѣтся всякой золотой по шти алтынъ, шапка вишневая, полазишка, да подушка, да книжка-каноникъ, да кафтанъ червонной. Юрій Выговской; на немъ кафтанъ вишневый суконный, да кафтанъ суконной же короткой, штаны красныя суконныя, у него жъ польскихъ двѣнадцать золотыхъ, да шапка зеленая бархатная, да кушакъ гарусной. Илюшка Выговской; на немъ кафтанъ вишневой, другой овчинный, двѣнадцать золотыхъ польскихъ...“ [2]).

На другой день по прибытіи Выговскихъ съ товарищами въ Москву, имъ былъ сдѣланъ распросъ; Выговскихъ велѣно было допросить, въ какомъ они родствѣ къ Ивану Выговскому и въ какихъ были урядахъ, а остальныхъ—объ ихъ службѣ и о вѣстяхъ.

Юрій да Илья Выговскіе въ распросѣ сказали: служили де они въ Польшѣ въ коронномъ войскѣ, а потомъ у гетмана Павла Сопѣги; съ гетманомъ Иваномъ Выговскимъ не видались пятнадцать лѣтъ. Ему, Юрью, Иванъ братъ двоюродный, а Ильѣ дядя. А какъ Немиричъ пріѣхалъ къ королю на сеймъ и присягу на подданство королю принялъ, и король имъ присягнулъ и они изъ Польши поѣхали къ гетману Ивану Выговскому, чтобы повидаться; и какъ къ гетману въ обозъ подъ Быково [3])

[1]) Мал. пр. столб. № 5845.

[2]) Ibid. столб. № 5853.

[3]) Теперь село Быковъ, черниг. губ. козелецк. у.—*Ред.*

пріѣхали, то его, Юрья, гетманъ сдѣлалъ полковникомъ, а Илья былъ рядовымъ товарищемъ. Изъ-подъ Быкова гетманъ съ войскомъ пошелъ подъ Конотопъ, встрѣтился съ ханомъ на Крупинѣ полѣ [1]) и тутъ заключили между собою договоръ, чтобы гетману со всѣмъ войскомъ быть съ ханомъ заодно: на кого ханъ войною пойдетъ, и имъ идти съ нимъ, а хану съ ордою потому жъ помогать гетману противъ всякаго непріятеля; договоръ былъ подкрѣпленъ присягою съ обѣихъ сторонъ и затѣмъ ханъ, раздавши запорожской старшинѣ халаты, пошелъ вмѣстѣ съ гетманомъ подъ Конотопъ. Изъ-подъ Конотопа пошли подъ Гадячъ, а оттуда ханъ съ татарами пошелъ подъ государевы украинные города, а Выговскій съ заднѣпровскимъ войскомъ, да съ двадцатью тысячами татаръ, съ двумя хорунгами ляховъ и тремя хорунгами драгунъ пошелъ въ Чигиринъ; а ихъ, одинадцать хорунгъ ляшскихъ же, гетманъ послалъ съ Немиричемъ въ Нѣжинъ, въ Переяславль и въ Черниговъ, для кормленья. Спустя восемь дней по прибытіи ихъ въ Черниговъ, Немиричъ поѣхалъ къ гетману въ Чигиринъ, и въ тотъ же день ихъ всѣхъ въ Черниговѣ побили, а Немирича на дорогѣ убили, а ихъ изъ Чернигова полковникъ Аникій Силинъ послалъ въ Кіевъ. А по договору Немирича король долженъ былъ придти съ казацкимъ войскомъ къ Бѣлой Церкви для подкрѣпленія, послѣ того, какъ съ шведами мирный договоръ поставитъ. Потоцкой съ коронным войскомъ пришелъ въ Васильковъ по королевскому приказанью для помощи Выговскому противъ царскихъ войскъ; а нынѣ Потоцкой и Выговской стоятъ подъ Бѣлою Церковью. Юрасъ Хмельницкой съ Даниломъ Выговскимъ тоже стоятъ недалеко отъ Бѣлой Церкви, но отдѣльно отъ Выговскаго, а сколько при нихъ казацкаго войска, того не вѣдаютъ...

Василій Выговскій о своемъ родствѣ съ Иваномъ Выговскимъ далъ отвѣтъ, что онъ Ивану Выговскому дядя, а отцу его, Остафью, братъ въ третьемъ колѣнѣ, такъ какъ отецъ его, Васильевъ, Григорій Выговской, Остафьеву отцу Выговскаго,

---

[1]) Въ малоросс. мѣстностяхъ оно называется *Крупичполе*, нынѣ село борз у. черниг. губ.—*Прим. ред.*

Игнатью, братъ былъ двоюродный. Былъ онъ, Василій, наказнымъ атаманомъ отъ Данилы Выговскаго за Днѣпромъ, на польской границѣ, въ Овруцкѣ, а въ полку у него было 500 чел. шляхты; а до того времени жилъ онъ между Волыни и Полѣсья на границѣ, въ маетности своей въ Выговѣ, служилъ польскому королю и былъ въ посполитомъ рушеньѣ съ королемъ противъ Хмельницкаго, и взятъ былъ въ полонъ въ Крымъ; выйдя изъ полона чрезъ три съ половиною года, онъ не больше года жилъ въ своей маетности; а такъ какъ его маетность недалеко отъ Овруцка, то Данила и велѣлъ ему въ Овруцкѣ быть полковникомъ. А какъ въ 1659 г. бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ Данилу Выговскаго съ его войскомъ подъ Кіевомъ разбилъ и приказалъ около Кіева всѣ мѣстечки пожечь, чтобъ пристани не было, то Данило Выговской, имѣвшій маетность въ 7 миляхъ отъ Кіева, Мотовиловку, писалъ къ нему, Василью, чтобы онъ съ своимъ полкомъ шелъ изъ Овруцка въ Мотовиловку для обереганья ея отъ пожара; и онъ, Василій, по тому письму Данилы пошелъ въ Мотовиловку. Бояринъ В. П. Шереметевъ, узнавши объ его приходѣ въ Мотовиловку, прислалъ къ Мотовиловкѣ ратныхъ людей и Выговской сѣлъ было въ осаду; но ратные люди къ городу не приступали, а, пожегши посады, пошли къ Кіеву. Въ это время Данила Выговской, собравши войско, стоялъ подъ Бѣлой Церковью, отъ Мотовиловки въ пяти миляхъ, и услыша, что государевы ратные люди пришли подъ Мотовиловку и посады жгутъ, прислалъ къ нему на выручку брата своего, Константина Выговскаго, да полковника Ивана Сербина, да бѣлоцерковскаго полковника Половца съ черкасами и съ татарами, всего съ тремя тысячами человѣкъ. Константинъ Выговской, не заставши ратныхъ людей подъ Мотовиловкой, забравши отрядъ Василья Выговскаго и его самого, пошелъ догонять государевыхъ людей. Тѣ и другіе войска сошлись въ Васильковѣ, отъ Мотовиловки двѣ мили и отъ Кіева въ двухъ же миляхъ. На бою, который затѣмъ произошелъ, государевы люди черкасъ и татаръ сбили и убили на томъ бою человѣкъ съ триста, а въ языкахъ взяли его, Василья, да браславскаго полковника Ивана Сербина, да татаръ девять чел., и отвезли

ихъ всѣхъ въ Кіевъ, гдѣ онъ, Василій, и жилъ до отправки его въ Москву. Что касается до прихода Ивана Выговскаго со всѣмъ войскомъ подъ Кіевъ, до боя подъ Конотопомъ, до соединенія Ив. Выговскаго съ ханомъ и до посылки Немирича къ польскому королю для згоды, ничего того онъ не знаетъ; только до его поимки ему было извѣстно, что у Ив. Выговскаго былъ ляцкій посланникъ Биневской. А про то, что Немиричъ, а съ нимъ Костя Выговской да изъ всякаго полка наказные полковники у короля были и присягу ему учинили, слышалъ онъ уже въ Кіевѣ. Да въ Кіевѣ же слышалъ онъ, что пришелъ было въ Васильковъ Данила Выговской, а съ нимъ черкасы, ляхи и нѣмцы, да и Юрасъ Хмельницкій былъ тутъ же, а какъ узнали, что заднѣпрскіе полки: переяславской, нѣжинской, черниговской и прилуцкой великому государю добили челомъ и учинились въ подданствѣ по прежнему, и Данила со всѣмъ войскомъ, пожегши таборы, пошли къ Бѣлой Церкви...

Показанія маіора Яна Зумира, шляхтича Степана Гавратынскаго, шляхтича Яна Душинскаго и шляхтича Василья Ластки касаются ихъ происхожденія, службы и тѣхъ вѣстей, которыя сообщены Васильемъ Выговскимъ.

Тѣмъ и кончились всѣ допросы Выговскихъ. Они продолжали сидѣть въ тюрьмѣ, пока холодъ и голодъ не заставилъ ихъ обратиться къ царю съ челобитной, поданной ими 13 октября, въ которой писали: „по твоему великаго государя указу посажены мы, семь человѣкъ, на тюремномъ дворѣ въ опальной тюрьмѣ одни, а изба большая и время приходитъ студеное, а людишки мы безодежные; да на насъ де цѣпь и кандалы; да намъ же бѣднымъ твоего государева жалованья корму не дано, и сидимъ бѣдные, со всякія нужи вконецъ погибаемъ“. На челобитной ихъ помѣта думнаго дьяка Алмаза Иванова: „168 г., октября въ 13 д. государь пожаловалъ, велѣлъ съ нихъ чѣпи снять, а держать въ кандалахъ до указу; а о корму послать память въ большой приходъ, велѣть кормъ давать по 6 д. на день человѣку“.

Памяти въ большой приходъ и въ разбойный приказъ посланы того же 13 окт.

Этими памятями кончаются всѣ мнѣ извѣстные документы о Выговскихъ; но въ современной описи, приложенной къ этимъ документамъ, значатся еще нѣсколько документовъ о нихъ, это: 1) письмо окольничаго и оружничаго Богдана Матвѣевича Хитрово къ думному дьяку Семену Заборовскому объ отсылкѣ трехъ чел. Выговскихъ въ Сибирь; 2) выписка объ измѣнникахъ Васькѣ Овруцкомъ, да Юшкѣ да Илюшкѣ Выговскихъ. Помѣта на выпискѣ думнаго дьяка Алмаза Иванова такова: „168 г. (1659) декабря въ 12 д. указалъ великій государь измѣнниковъ: Ваську, полковника овруцкаго, и Юшку и Илюшку Выговскихъ сослать въ Сибирь въ дальные городы; 3) память въ сибирскій приказъ о пріемѣ Васьки овруцкаго, да Юшки и Илюшки въ сибирскій приказъ и о ссылкѣ ихъ въ Сибирь [1]).

Изъ документовъ сибирскаго приказа оказывается, что Выговскіе были сосланы въ Сибирь „на великую рѣку Лену въ якутской острогъ“; жалованья имъ велѣно выдавать по два алтына на день человѣку и изъ города посылать ихъ никуда не велѣно. Въ Тобольскъ они прибыли 27 февраля 1660 года, а на Лену 24 мая [2]).

А. Востоковъ.

Отъ редакціи. Въ дополненіе къ этимъ весьма интереснымъ свѣдѣніямъ о судьбѣ Выговскихъ, можемъ сообщить одинъ любопытный эпизодъ изъ дальнѣйшаго путешествія ихъ къ мѣсту ссылки.

Въ Тобольскѣ ссыльные встрѣтились съ какимъ то боярскимъ сыномъ Гавріломъ Костелецкимъ, служившимъ здѣсь приказнымъ. Былъ ли это шляхтичъ изъ Волыни, или природный полякъ, и какъ онъ попалъ сюда—неизвѣстно; но только, будучи самъ „родомъ иноземецъ“, онъ захотѣлъ чѣмъ нибудь облегчить участь, быть можетъ, земляковъ своихъ и приказалъ снять съ нихъ кандалы, въ которыхъ они прибыли изъ самой Москвы. Но воевода нарымскій Олешка Лодыженской, свѣдавъ о томъ „воровствѣ“ Костелецкаго, послалъ на него донось—и

[1]) Малор. пр., столб. № 5853.

[2]) Сиб. прик., столб. № 6622.

несчастный приказный жестоко поплатился за свою доброту. Вотъ подлинная переписка по этому дѣлу, сообщенная изъ моск. архива мин. юстиціи сотрудникомъ нашего журнала г. Н. О.

а) *Отписка нарымскаго* воеводы въ сибирскій приказъ, въ маѣ 1660 года:

„Государю царю... и... царевичу... бьетъ челомъ холопъ вашъ Олешка Лодыженской: по вашему, великихъ государей, указу посланы съ Москвы въ Сибирь до Тобольска ссыльные черкасы *полковники* Васька да Юшко да Илюшка *Выговскіе*, съ приставы, скованы въ кандалахъ, и исъ Тобольска тѣ полковники посланы въ Енисейской, въ кандалахъ же, съ приставы съ тобольскими: съ сыномъ боярскимъ съ Иваномъ Иевлевымъ да съ казаки съ Ваською Ѳоминымъ съ товарищи. И въ нынѣшнемъ, государи, въ 168 году, маія въ 11 день, тѣ приставы тобольскіе, сынъ боярской Иванъ Иевлевъ съ товарищи, тѣхъ ссыльныхъ полковниковъ провезли мимо Нарыма въ Енисейской *роскованы* и кандалы съ нихъ сняты. И я, холопъ вашъ, приставовъ тобольскихъ, сына боярсково Ивана Иевлева съ товарищи, въ нарымскомъ острогѣ про нихъ въ съѣзжей избѣ роспрашивалъ: для чего тѣ ссыльные Васька и Юшко и Илюшка Выговскіе нескованы и кандалы съ нихъ сняты?—И въ роспросѣ мнѣ, холопу вашему, сказали, что-де тѣ ссыльные полковники присланы съ Москвы въ Тобольскъ скованы въ кандалахъ, и исъ Тобольска съ ними посланы скованы въ тѣхъ же кандалахъ, и безъ вашего великихъ государей указу имъ росковать-де ихъ не велѣно. А какъ-де они тѣхъ ссыльныхъ полковниковъ привезли на Самаровской ямъ, и на Самаровскомъ-де яму приказной тобольской сынъ боярской Гаврило *Костелецкой велѣлъ* ихъ *росковать* и кандалы съ нихъ снять, и они-де Иванъ Иевлевъ съ товарищи, боясь отъ него, тѣхъ ссыльныхъ полковниковъ росковали и кандалы съ нихъ сняли, и нынѣ-де ихъ везутъ роскованыхъ по его Гаврилову приказу. А тотъ-де тобольской сынъ боярской Гаврило Костелецкой родомъ *иноземецъ же*“.

б) *Приговоръ* сибирскаго приказа на воеводской отпискѣ:

„Писать въ Нарымской тотчасъ: будетъ тѣ ссыльные люди зачѣмъ изъ Нарымского не посланы—велѣть ихъ послать съ

приставы и съ провожатыми въ Енисейской *скованыхъ*, безо всякого задержанья. А въ Тоболескъ писать къ боярину и воеводамъ ко князю Ивану Ондрѣевичу Хилкову съ товарищи: велѣть Гаврилка *Костелецкаго* за его воровство, что онъ колодниковъ велѣлъ росковать—*бить кнутомъ* и съ приказу *перемънить*, а которые приставы тѣхъ колодниковъ и Гаврилка послушали—колодниковъ росковали—тѣхъ бить батоги нещадно, чтобъ впередъ неповадно было такъ воровать".

в) 5 ноября 1660 г. отправлена была *грамота* кн. Хилкову съ товарищи—объ исполненіи приговора. Наказаніе Костелецкому и другимъ велѣно учинить въ Тобольскѣ. *Грамота* о томъ же Лодыженскому послана была еще въ октябрѣ (*моск. арх. мин. юст.: сибирскаго приказа* столбецъ № 594, лл. 156—162).

СТАРИННАЯ ЮЖНОРУССКАЯ ГРАВЮРА.

Изъ всѣхъ родовъ искусства, зачатки которыхъ существовали въ старой южной Руси во время самобытной ея исторической жизни, наибольшее число образцовъ, дошедшихъ до насъ, приходится на долю общедоступнаго и популярнаго, хоть и второстепеннаго, искусства гравированія. Очень большое, относительно, количество старыхъ южнорусскихъ гравюръ какъ въ отдѣльныхъ листахъ, такъ и въ книгахъ, главнымъ образомъ духовныхъ, даетъ возможность составить отчетливое понятіе о томъ, чѣмъ была и что изъ себя представляла старинная южнорусская гравюра. Чрезвычайно цѣнныя замѣтки и наблюденія по этой части собраны извѣстнымъ писателемъ по исторіи искусствъ въ Россіи Д. А. Ровинскимъ. Добросовѣстность и обстоятельность трудовъ этого ученаго оцѣнены давно по заслугамъ и не только интересующіеся дѣломъ, но и всѣ безпристрастные люди должны признать ихъ образцовыми.

Спеціально гравюрѣ посвящены два изслѣдованія г. Ровинскаго: „Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 года до основанія академіи художествъ“ (Спб. 1870 г.) и „Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“. Послѣднее сочиненіе въ нынѣшнемъ году вышло вторымъ изданіемъ, въ совершенно обновленномъ видѣ, и представляетъ какъ бы новый трудъ. Насколько значителенъ этотъ трудъ, изданный академіей наукъ, видно ужъ изъ численнаго опредѣленія его состава: въ немъ перечислены портреты до 2000 лицъ и описано до 10000 гравированныхъ листовъ. „Русскіе граверы“ представляютъ единствен-

ное изслѣдованіе въ русской литературѣ по этому предмету. Книга эта, какъ почти всѣ изданія г. Ровинскаго, давно разошлась. Прекрасный разборъ этого сочиненія, сдѣланный г. Стасовымъ, дополняетъ книгу и введенъ въ значительной степени въ печатное изданіе ея, какъ добавочный матеріалъ.

Г. Ровинскій разсматриваетъ въ одной картинѣ судьбы русской гравюры, но разграничиваетъ дѣятельность различныхъ ея школъ, возникшихъ и существовавшихъ при различныхъ условіяхъ и подъ разными вліяніями. Разсмотрѣніе памятниковъ старой гравюры приводитъ его къ выводу о существованіи двухъ главныхъ, рѣзко отличныхъ между собою ея школъ: кіево-львовской и московской. Произведенія кіевскихъ и львовскихъ мастеровъ имѣютъ между собою все общее: и извѣстную свободу сочиненія, и несомнѣнное западное вліяніе, и общіе пріемы, и даже однихъ и тѣхъ же граверовъ, работающихъ то тутъ, то тамъ. Мелкія школы: черниговская, могилевская, западно-русскихъ типографій, тѣсно примыкаютъ къ главной кіево-львовской школѣ и не представляютъ самостоятельности. Московская школа держится древнихъ образцовъ и византійскаго вліянія. Она не имѣла развѣтвленій, такъ какъ все печатное дѣло до Петра сосредоточивалось исключительно въ Москвѣ.

Первыя богослужебныя славянскія книги появились, какъ извѣстно, за чертою Руси: изданія Фѣоля въ Краковѣ, въ концѣ XV вѣка, и Скорины въ Прагѣ, въ началѣ XVI. Нѣсколько позже славянскія церковныя книги стали печататься въ Венеціи. Появленіе книгопечатанья и одновременно съ нимъ гравированья въ предѣлахъ нынѣшней Россіи относится къ первой половинѣ XVI вѣка. Самыя начальныя гравюры извѣстны: въ виленскихъ изданіяхъ Скорины (напр. въ „Канонѣ“ 1525 г.; гравюра Благовѣщенія), въ московскомъ „Апостолѣ“ 1564 г. (изображенье евангелиста Луки, появляющееся впослѣдствіи въ львовскомъ изданіи того же „Апостола“ 1574 г. и виленскомъ 1591) и въ Евангеліи, вышедшемъ въ неизвѣстной южнорусской типографіи въ началѣ XVI вѣка. Гравюра этого Евангелія, очень плохо и грубо вырѣзанная, изображаетъ Іисуса Христа на престолѣ и подписана, связанными буквами, монограммой, которую можно

прочесть *Монахъ Филиппъ*. Едва ли это не первый самостоятельный обращикъ гравированья въ предѣлахъ Россіи. Московскую гравюру г. Стасовъ, не безъ основанія, подозрѣваетъ въ иностранномъ происхожденіи, т. к. „Апостолъ“ Ѳедорова и Мстиславца напечатанъ „подъ смотрѣніемъ“ какого то копенгагенскаго уроженца Ганса.

Съ водвореніемъ книгопечатанія на югѣ Россіи и съ возникновеніемъ многихъ типографій, гравированныя изображенья, заставки и виньетки стали появляться въ очень большомъ числѣ и сдѣлались принадлежностью почти всякой книги. Несложныя гравюры древнѣйшихъ изданій дѣлались, какъ кажется, самими типографами, (судя напр. по монограммамъ Т. Л. (Тарасій Левковичъ Земка) Т. П. (Тимофей Петровичъ) и подписямъ могилевскихъ типографовъ—Вощанокъ, которые уже несомнѣнно сами были и рѣзчиками.) Но въ то же время появляются, и въ значительномъ числѣ, и особые мастера—граверы. Съ самаго начала ихъ существованія между южными и юго-западными типографіями установилась тѣсная связь, выразившаяся, по отношенію къ иллюстраціи книгъ, во взаимной передачѣ досокъ и копированіи съ одинакихъ образцовъ. Общность культуры и политической жизни объясняетъ конечно это явленіе. Иногда одинъ и тотъ же мастеръ работалъ для двухъ типографій, напр. плодовитый кіевскій граверъ Илія, иллюстрировавшій книги, выходившія въ Кіевѣ и Львовѣ. Другіе граверы копировали кіевскія доски для львовскихъ изданій и наоборотъ.

Кіево-львовская школа произвела громадное количество гравюръ, рѣзанныхъ на деревѣ. Рѣдкая книга выходила со станка здѣшнихъ типографовъ безъ картинокъ: служебники, тріодіоны, акафисты, евангелія наполнены лицевыми изображеніями. Мелкія картинки появляются въ первыхъ почти изданіяхъ львовскихъ. Первыя кіевскія изданія также наполнены ими. По наблюденьямъ г. Ровинскаго, западное вліяніе совершенно подчинило себѣ львовскихъ и кіевскихъ мастеровъ. Критикъ сочиненія г. Ровинскаго г. Стасовъ не соглашается съ этимъ мнѣніемъ.

Любую кіевскую и львовскую гравюру на деревѣ, пишетъ онъ, никто никогда не смѣшаетъ съ гравюрою дѣйствительно западною. При наибольшей подражатель-

ности нѣкоторыхъ изъ нихъ числа, все таки онѣ остаются настолько полны своихъ особенныхъ, характеристическихъ подробностей, что всякій признаетъ ихъ съ перваго же взгляда гравюрами одной изъ западныхъ православныхъ школъ. Византійская основа все таки постоянно остается въ нихъ чувствительна, а въ большинствѣ случаевъ преобладаетъ съ такою силою, что никого не можетъ ввести въ заблужденіе на счетъ происхожденія той или другой гравюры и принадлежности ея къ той или иной школѣ. Сверхъ того по большей части мы встрѣчаемъ, что въ одномъ и томъ же изданіи рядомъ помѣщались и картинки съ чисто католическимъ, западнымъ характеромъ и картинки чисто въ характерѣ славяно-византійскомъ... Совершенно и раболѣпно подчинившимися западному вліянію можно признать развѣ только изданія кутеинскія и почаевскія.

По мнѣнію г. Ровинскаго, граверы юго-западныхъ типографій копировали западные образцы, копировали цѣликомъ нѣмецкихъ мастеровъ и копировали другъ съ друга. Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ своей книги онъ смягчаетъ свой приговоръ и признаетъ извѣстную самостоятельность за гравюрою на деревѣ. Разсматривая произведенія отдѣльныхъ мастеровъ, онъ еще больше сбавляетъ съ своего обобщенія.

Гравюра на мѣди появилась въ Россіи въ концѣ XVII вѣка. Въ то время, какъ въ Москвѣ произведены были первые ея образцы, въ южной Руси она стояла уже на извѣстной высотѣ, производясь въ типографіяхъ кіевской и черниговской. Южнорусскихъ мастеровъ вызывали въ Москву для производства работъ этого рода. Такъ вызванъ былъ для поднесенья своихъ работъ царевнѣ Софьѣ изъ Чернигова Леонтій Тарасевичъ съ помощникомъ своимъ Щирскимъ. Злополучный артистъ, благодаря этому, попалъ въ дѣло Шакловитаго, изъ котораго едва вышелъ цѣлъ. Тарасевичъ считается лучшимъ изъ всѣхъ мастеровъ-граверовъ старой Руси и первымъ южно-русскимъ граверомъ. Рисунокъ его простъ и правиленъ, гравировка (большей частью офортомъ) окончена съ большимъ вкусомъ и легкостью. Онъ первый награвировалъ нѣсколько портретовъ, на что до него не рѣшался ни одинъ граверъ въ Россіи. Ниже Тарасевича стоятъ современники его Иннокентій Щирскій, Даніилъ Галаховскій, Ив. Стржелбицкій и мастеръ NZ, всѣ работавшіе на мѣди и въ той же манерѣ.

Третій способъ гравированья—черной манерой появился у насъ только во второй четверти XVIII вѣка. Изъ работъ южно-

русскихъ граверовъ этимъ способомъ извѣстенъ только одинъ листъ кіевскаго мастера Аверкія Козачковскаго, изображающій Распятіе съ предстоящими.

Работы кіевской типографіи наиболѣе многочисленны, такъ какъ типографія эта была первенствующая и насчитываетъ наиболѣе лѣтъ своего существованія. Въ 1718 году, во время пожара, истребившаго Лавру, она выгорѣла до тла. Въ 1721 г., вмѣстѣ съ типографіями московскою, петербургскою и черниговскою, она подчинена была завѣдыванью Синода. Но и черниговская, и кіевская типографіи продолжали печатать книги и продавать ихъ. По свидѣтельству Пекарскаго, требованья Синода отразились крайне тяжело на кіевской типографіи и она стала приходить постепенно въ большій и большій упадокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно пало въ ней и гравированье на деревѣ.

Черниговскія изданія появляются съ 1646 года. Въ Черниговъ въ 1679 году переведена новгородъ-сѣверская типографія, просуществовавшая самостоятельно всего девять лѣтъ (1670—1679 г.г.) Лучшею работою новгородъ-сѣверской типографіи считается *Анфологіонъ* 1678 года, гравюры котораго могутъ быть поставлены наравнѣ съ удачнѣйшими произведеніями типографій кіевской и львовской за то же время.

Львовская и могилевской типографіи не были подчинены русскимъ властямъ. Въ Могилевѣ первая книга „Служебникъ“ напечатана въ 1616 году. Здѣсь иногда печатались сочиненія южно-русскихъ авторовъ, напр. „Небо новое“ Голятовскаго. Въ одной изъ могилевскихъ книгъ („Житіе святыхъ“ 1702 г.) на заглавномъ листѣ есть видъ Могилева очень хорошей работы. Львовская типографія въ 1708 году перешла къ уніи.

Именъ и монограммъ граверовъ кіево-львовской школы, подписанныхъ подъ ихъ работами, дошло до насъ довольно много. Мастера этой школы дорожили своими произведеніями повидимому болѣе, чѣмъ московскіе, и очень часто подписывали ихъ. Въ „Словарѣ русскихъ граверовъ и перечнѣ ихъ произведеній“, занимающемъ большую часть книги г. Ровинскаго, перечислены эти имена и монограммы. Послѣднія воспроизведены вдобавокъ буквально въ особой главѣ. Нѣтъ сомнѣнья, что въ этотъ спи-

сокъ попали не всѣ кіево-львовскіе мастера и что находки въ этой области еще очень возможны. Приведемъ изъ книги г. Ровинскаго нѣсколько свѣдѣній о выдающихся и значительнѣйшихъ южно-русскихъ граверахъ.

Галаховскій Даніель. Кіевскій граверъ на мѣди XVIII вѣка. Его работы извѣстны священныя изображенія и два портрета: Петра I (при латинскомъ панегирикѣ, поднесенномъ Петру Прокоповичемъ въ 1709 г.) и Мазепы. Послѣдній сохранился въ единственномъ экземплярѣ и онъ то главнымъ образомъ и придаетъ интересъ имени Галаховскаго.

Илія, кіево-печерскій монахъ, работавшій въ началѣ XVII столѣтія и замѣчательный по своему трудолюбію. Работы этого мастера—неравнаго достоинства; есть довольно хорошо выполненныя и слабыя. Онъ награвировалъ огромное количество изображеній изъ Священнаго Писанія для кіевскихъ и львовскихъ изданій. Самый значительный его трудъ—изображенія изъ ветхаго завѣта—Лицевая Библія 1645—1649 гг. Въ ней 134 изображенія, напечатанныхъ на отдѣльныхъ листахъ, безъ текста на другой сторонѣ. Имъ же иллюстрировано первое изданіе „Печерскаго Патерика“ 1661 года. Въ „Словарѣ граверовъ“ описано всего 374 листа работы Иліи.

Л. М. граверъ на деревѣ, XVII вѣка, извѣстный только по монограммѣ, но одинъ изъ лучшихъ кіевскихъ мастеровъ. По замѣчанію г. Стасова, особенно хороши у него миніатюрные сюжеты, которые вырѣзаны всегда изящно, тонко и отчетливо. Нельзя опредѣлить, его ли сочиненія всѣ награвированныя имъ картинки, довольно многочисленныя, изъ которыхъ однѣ обозначены его именемъ, а другія нѣтъ. Но во всякомъ случаѣ онъ гравировалъ почти всегда съ композицій интересныхъ, несравненно болѣе изящныхъ и художественныхъ, чѣмъ большинство тѣхъ, которыя находятся въ изданіяхъ, гравированныхъ прочими современными граверами. Въ нихъ даже находится нѣкоторая фантазія. Гравюрокъ Л. М. всего болѣе находится въ „Кіевской Тріоди“ 1627 г. и онѣ перепечатаны почти всѣ въ другихъ изданіяхъ, напр. въ кіевскомъ Акафистѣ 1629 года и др.

Левицкій, священникъ, Григорій, кіевскій граверъ на мѣди первой половины XVIII в. Изображенія священнаго характера и большіе тезисы и композиціи, гдѣ встрѣчаются виды кіевскихъ зданій, группа студентовъ кіевской академіи и пр.

Г. Ровинскому, во время составленія Словаря, были извѣстны не всѣ работы этого мастера. Въ музеѣ кіевской духовной академіи есть гравюра его, очень сложной композиціи, извѣстная пока въ единственномъ экземплярѣ и г. Ровинскимъ не описанная. Работы Левицкаго есть гербъ и щитъ съ вензелемъ Алекс. Разумовскаго, а также извѣстное родословное древо Разумовскихъ (происшедшихъ, будто бы, отъ князей Ружинскихъ); на этомъ древѣ мастеръ подписался такъ: „Презвитеръ Григорѣй Левицкій полку полтавскаго городка Маіачквы въ Кіевѣ 1745 марта выдѣлалъ [1])".

Семеновъ Марко, кіевскій граверъ на деревѣ начала XVIII в. Гравюры его въ „Служебникѣ" 1708 года принадлежатъ къ лучшимъ кіевскимъ работамъ въ этомъ родѣ.

Тарасевичъ Леонтій. Черниговскій граверъ на мѣди, жившій въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Лучшій изъ южнорусскихъ мастеровъ. Пользовался, какъ видно, обширной репутаціей, такъ какъ вызываемъ былъ въ Москву для гравированія портрета царевны Софіи, который и дѣланъ имъ два раза. Въ первый разъ, вмѣстѣ съ портретомъ царевны, награвированы имъ были изображенія Ивана и Петра Алексѣевичей, гетмана Самойловича и князя Василія Голицына. Въ другой разъ онъ сдѣлалъ портретъ одной царевны, безъ братьевъ. Такъ какъ оба портрета дѣланы были по порученію Шакловитаго, то по возбужденіи дѣла противъ него, портреты были отобраны и всѣ уничтожены, а доски, съ которыхъ они печатались, считались погибшими. Въ предисловіи къ „Словарю гравированныхъ портретовъ" г. Ровинскій говоритъ, что всѣ доски Тарасевича, упоминаемыя въ дѣлѣ Шакловитаго, найдены теперь, но не указы-

[1]) До насъ дошелъ и портретъ этого артиста, работы сына его, знаменитаго живописца Дм. Гр. Левицкаго. Портретъ написанъ въ первой, самостоятельной манерѣ художника (подчинившагося впослѣдствіи вліянію Лампи) и отличается чисто рембрандтовской силой. Онъ находится въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

ваетъ, гдѣ онѣ находятся. Если извѣстіе это справедливо, то мы будемъ имѣть достовѣрный портретъ Самойловича работы хорошаго мастера. Второй портретъ Софіи, дѣланный Тарасевичемъ, отосланъ былъ для снятія копіи амстердамскому граверу Блозелингу и сохранился въ этой копіи, которой извѣстно впрочемъ всего два экземпляра—одинъ въ Публичной библіотекѣ и другой въ Лейденѣ. Работы Тарасевича дошли до насъ портреты кн. В. Голицына, подстольника Георгія Земли и князя Радзивила.

Лучшимъ произведеніемъ Тарасевича по части священныхъ изображеній считается „Печерскій Патерикъ“ 1702 года, гдѣ гравюры (офорты) сдѣланы безъ сомнѣнія съ собственныхъ рисунковъ художника. Нѣкоторые листы этого изданія, какъ напримѣръ изображеніе Іереміи Прозорливаго, могутъ быть поставлены по художественному выполненію на ряду съ лучшими произведеніями голландскихъ граверовъ того времени. Съ этого оригинальнаго изданія рисунки повторялись и копировались и впослѣдствіе. Въ кіевскомъ Евангеліи 1703 г. также есть гравюры съ монограммой Тарасевича *T. L.* Г. Стасовъ полагаетъ, что Тарасевичъ учился гравированію въ школѣ знаменитыхъ аугсбургскихъ граверовъ братьевъ Киліановъ.

Щирскій Иннокентій, современникъ и сотрудникъ Тарасевича. Грубоватый мастеръ. Большой тезисъ его работы, съ изображеніемъ царей Іоанна и Петра, извѣстенъ въ единственномъ экземплярѣ, принадлежащемъ Публичной библіотекѣ. На этой гравюрѣ есть изображеніе Кіева и сцены изъ исторіи Малороссіи.

Сводя данныя, собранныя и разработанныя г. Ровинскимъ, относящіяся къ искусству гравированія къ южной Руси, можно отмѣтить слѣдующія самобытныя его черты. Между тѣмъ какъ въ Москвѣ печать и гравюра появляются вслѣдствіе царскаго повелѣнія и поддерживаются правительствомъ, въ южной Руси то и другое возникаетъ самостоятельно, распространяется и держится только подъ вліяніемъ спроса въ обществѣ и безъ поддержки власти. Обиліе гравюръ въ книгахъ кіево-львовской школы свидѣтельствуетъ о спросѣ на иллюстрированныя книги, а послѣднее есть признакъ существованія художественнаго чув-

ства въ народѣ. Одно это обиліе сообщаетъ уже историческій интересъ нашей старинной гравюрѣ. Въ произведеніяхъ южнорусскихъ мастеровъ менѣе разъ навсегда установленнаго и условнаго. Они не придерживаются неизмѣнно готовыхъ образцовъ, а допускаютъ разнообразіе и свободу сочиненія. Хотя изрѣдка, въ южнорусскихъ книгахъ появляются картины и свѣтскаго содержанія, а талантливѣйшій изъ граверовъ, Тарасевичъ, подымается до портрета съ натуры, вызвавъ потомъ и подражателей. Мастера любовнѣе относятся къ своимъ произведеніямъ; они подписываютъ ихъ и личность художника не исчезаетъ такимъ образомъ безслѣдно. Нѣсколько граверовъ представляютъ уже индивидуальныя черты, а для такой начальной эпохи искусства это ужъ имѣетъ значеніе. Къ мелкимъ особенностямъ южнорусскихъ иллюстрированныхъ книгъ относится еще и обычай изображать гербы лицъ, кому посвящается сочиненіе или на чьи средства печатается. Обычай этотъ, впрочемъ, заимствованъ всецѣло съ запада.

Что касается до изученія старинной южнорусской гравюры, то ученый, наблюденія котораго изложены выше, единственный человѣкъ, до сихъ поръ имъ занявшійся. Имъ сдѣлано очень много и трудъ его превосходенъ, но онъ нелишенъ пробѣловъ и со времени его появленія накопилось достаточно новыхъ матеріаловъ. Г. Ровинскій не касается совсѣмъ почаевской школы, во время изданія книги ему неизвѣстны были, сохранившіяся въ значительномъ числѣ въ Кіево-Печерской лаврѣ гравировавальныя доски, значительный матеріалъ могли бы представить также въ подобномъ изслѣдованія старинные антиминсы, порядочное число которыхъ собрано теперь хоть бы въ музеѣ кіевской академіи. Во всемъ этомъ нашлись и замѣтныя явленія и неизвѣстные мастера и, можетъ быть, своеобразныя черты и все это ждетъ еще разсмотрѣнія.

Надо ли прибавлять, что до сихъ поръ никѣмъ не начато собираніе спеціальной коллекціи старинныхъ южнорусскихъ гравюръ, а безъ такой коллекціи дѣло изученія ихъ затруднено до нельзя.

Обращаясь ко второму изъ названныхъ трудовъ г. Ровинскаго, къ громадному „Словарю гравированныхъ портретовъ“,

отмѣтимъ данныя, сообщаемыя имъ по части того, что дала гравюра въ дѣлѣ изображенія историческихъ лицъ южной Руси и какіе образцы оставила по этой части въ особенности старинная южнорусская гравюра.

Изъ двухъ тысячъ лицъ, портреты которыхъ перечисляются въ „Словарѣ“, малороссіянъ оказывается около ста [1])—историческихъ лицъ, государственныхъ людей, писателей и художниковъ, отъ давнихъ временъ до намъ современныхъ. Попадаются тутъ работы мастеровъ первоклассныхъ и портреты, имѣющіе не только значеніе полной достовѣрности, но и художественное значеніе. Укажемъ напр. портреты Богдана Хмельницкаго — Гондіуса, Дан. Апостола—Вортмана, Кирилла Разумовскаго—знаменитаго Шмидта, Безбородко—Валькера (съ Лампи), Боровиковскаго (собственный офортъ), и др. Менѣе извѣстенъ портретъ св. Дмитрія Ростовскаго. Оригиналъ его, поставленный нынѣ у раки святителя, писанъ извѣстнымъ придворнымъ художникомъ Елизаветы и Екатерины II графомъ Ротари, а награвированъ Васильевымъ, ученикомъ Шмидта. Нѣкоторые думаютъ даже, что превосходная эта гравюра дѣлана самимъ Шмидтомъ. Въ разбросанныхъ въ приложеніяхъ къ „Словарю“ замѣткахъ о портретахъ красками г. Ровинскій сообщаетъ еще о портретѣ художника Ло-

---

[1]) Въ „Словарѣ“ описаны гравированные портреты слѣдующихъ лицъ:

Апостолъ, гетманъ, Арсеній Берло, Арс. Мацеевичъ, Афанасьевъ-Чужбинскій А. С., Бантышъ-Каменскій Д. Н., Бантышъ-Каменскій Н. Н., Барановичъ Лазарь, Безбородко кн. Ал. Андр., Безбородко Андр. Ив., Безбородко гр. И. А., Безбородко кн. М. А., Богдановичъ Ип., Бодянскій О. М., Боровиковскій В. Л., Бортнянскій, Варлаамъ Ясинскій, Вронченко, Гавріилъ Каменецкій, Галаганъ Г. П., три Гамалѣи, Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій, Георгій Конискій, Гнѣдичъ, Гоголь, Головачевскій, два Гудовича, Дорошенко, гетманъ, Даниловскій Г. П., Димитрій Ростовскій, Дубовскій, Дудниченко, Завадовскій, Зарудный, Зертисъ-Каменскій, Ин. Гизель, Іоасафъ Горленко, Іоас. Кроковскій, Іоаннъ Максимовичъ, Нелюбовичъ-Тукальскій, І. Тризна, Квитка-Основьяненко, Адамъ Кисель, Климовскій, Козицкій, Костомаровъ, три Кочубея, Сильвестръ Кулябка, Лаврентій Горка, Лосенко, Мазепа, Максимовичъ М. А., малороссійскій гетманъ (въ акад. худож), Маркевичъ Н. А., Мелхиседекъ Значко-Яворскій, Нарѣжный, Петръ Могила, Полуботокъ, Прокоповичъ Θеоф., Разумовскіе, въ числѣ ихъ Алексѣй и Кириллъ, Раф. Заборовскій, Сагайдачный, Самойловичъ гетм., Сковорода, Скоропадскій, Ст. Яворскій, Тим. Щербацкій, Трощинскій Д. П., Богданъ Хмельницкій, Шевченко Т. Г.

сенка, собственной его работы, находящемся въ собраніи Третьякова въ Москвѣ.

Изъ старинныхъ граверовъ трехъ гетмановъ,—Самойловича, Дорошенка и Мазепу,—награвировали три мастера: Тарасевичъ, Стржелбицкій и Галаховскій.

Самойловичъ, съ заступомъ въ рукахъ, изображенъ былъ Тарасевичемъ на тезисѣ, поднесенномъ царевнѣ Софьѣ и извѣстномъ по дѣлу Шакловитаго. Мы говорили уже, что теперь, по сообщенію г. Ровинскаго, всѣ доски, упоминаемыя въ этомъ дѣлѣ и считавшіяся потерянными, найдены. Къ сожалѣнію, г. Ровинскій не сообщаетъ ничего болѣе объ этой интересной находкѣ и неизвѣстно, открыта ли и доска съ портретомъ Самойловича или нѣтъ.

Дорошенко изображенъ на картинкѣ „Св. апостолъ Петръ". Онъ держитъ щитъ съ пояснымъ портретомъ гетмана. Подъ щитомъ гербъ Дорошенка и посвященіе на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Гравюра, дѣланная крѣпкой водкой, подписана Ioannes Strzlbicki. Авторъ ея—черниговскій граверъ на мѣди начала XVIII вѣка.

Мазепа—Галаховскаго до послѣдняго времени извѣстенъ былъ только по слухамъ. Это та знаменитая гравюра, извѣстная пока только въ единственномъ экземплярѣ, которая принадлежала Свидзинскому и перешла теперь, вмѣстѣ со всей его коллекціей, въ библіотеку графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ. „Въ 1887 году, пишетъ о ней г. Ровинскій, я нарочно ѣздилъ въ Варшаву, чтобы снять съ нея копію, но фотографировать гравюру, отпечатанную на темно-желтомъ атласѣ, оказалось невозможнымъ. Представляю подробное описаніе ея: Мазепа стоитъ въ срединѣ въ рыцарскомъ одѣяніи; въ лѣвой, поднятой рукѣ онъ держитъ щитъ, правою онъ опирается на свой гербовый крестъ. Онъ съ длинными усами и коротенькой, подстриженной бородкой. Лице очень напоминаетъ порбленовскую гравюру (признаваемую теперь наиболѣе правдоподобной). Справа колѣнопреклоненная женщина (религія) подноситъ ему потиръ, Евангеліе и два ключа, за нею другая женщина. Слѣва шесть женщинъ съ аттрибутами искусствъ и наукъ. Слѣва, вверху, Троица;

внизу покоренные города и повергнутый непріятель. Справа разрушающіеся города и крѣпости. Изъ облаковъ на лентѣ тянется надпись: si fractus illabatur orbis impauidum ferient ruinae.

Внизу, въ срединѣ, къ картушѣ: celsissimo et illustrissimo domino | d: ioanni mazepa | exercituum s: c: m: zaporoviensium supremo duci, | ordinus s: andreae apostoli et albae aquilae equite, | divinitus electo, dato munito patri patriae, ecclesiae defesori et pacis artiu cuetori ac patrono и пр., а справа: theses et universa philosophia | et logica... Propugnabuntus publice in Ortodoxa Academia Kijouiensi, a Magnifico Domino ioanne nowicky, Caetus Mariani Praefecto Presidente Admodu Rndo in X^to^ Patre Theophane prokopowicz, | AA: ll: Magistro, et Ordinario Philosophia Professore Scholarum Praefecte Ann. Domin. 1708 Mense... Die... (оставлены бѣлыя мѣста для чиселъ) Daniel Galachowski sculpsit Kijouiae. Слѣва—посвященіе Мазепѣ самого текста. Гравюра крѣпкой водкой довольно исправнаго рисунка.

Въ этой же библіотекѣ Красинскихъ находится старинный поясной портретъ Мазепы, писанный масляными красками, съ котораго сдѣлана гравюра Норблена. Лицо очень схоже съ тезисомъ Галаховскаго, но въ немъ Мазепѣ, вмѣсто короткой подстриженной бородки, придѣлана длинная борода въ двѣ космы, которой Мазепа никогда не носилъ".

Такимъ образомъ гравюру Галаховскаго надо, вѣроятно, признать прототипомъ и упоминаемаго здѣсь маслянаго портрета, и гравюры Норблена, артиста, жившаго въ концѣ XVIII вѣка и не имѣвшаго возможности рисовать Мазепу съ натуры. Что касается извѣстнаго портрета музея академіи художествъ, приписываемаго кисти Никитина (1690—1744) и изображающаго будто бы Мазепу,—то онъ такъ и остается загадкой. Онъ не можетъ изображать ни Скоропадскаго, ни Апостола, съ извѣстными портретами которыхъ нисколько не похожъ и которыхъ однихъ, изъ числа гетмановъ, и могъ бы представлять только по времени жизни художника, но не имѣетъ ничего общаго и съ норбленовскимъ типомъ, повторяющимъ, какъ доказалъ нынѣ г. Ровинскій, типъ Галаховскаго. Съ другой стороны таинственность, которою

онъ окруженъ, и названіе его „портретомъ неизвѣстнаго гетмана“ говоритъ въ пользу соотношенія его съ опальнымъ именемъ Мазепы. Настоящая принадлежность его могла бы быть установлена только документальнымъ путемъ, но къ этому пока нѣтъ еще никакихъ данныхъ.

Г.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

121.

Похищеніе звѣздъ.

Гете сказалъ, что „звѣздами нельзя владѣть; но можно наслаждаться ихъ величіемъ, ихъ блескомъ". Простой народъ разсуждаетъ иначе въ Россіи, въ Германіи и др. странахъ. Малороссіяне кіевской губерніи вѣрятъ, что вѣдьмы снимаютъ съ неба звѣзды, чтобы притягивать себѣ чужія деньги. Долго вѣдьмы придумывали способъ снимать съ неба „зори", и, наконецъ, наихитрѣйшая изъ нихъ открыла ларчикъ, догадавшись, что „талька", оставшаяся недомотанною съ субботы на недѣлю, будучи украдена съ „мотовила", есть наивѣрнѣйшее средство для этой цѣли. Зная этотъ секретъ, вѣдьмы невидимо входятъ въ тѣ дома, гдѣ есть такія тальки, и, снявъ ихъ съ мотовилъ, уносятъ съ собою, издѣваясь надъ неловкостію поселянокъ. Но и поселянки стали хитры. Не успѣвъ въ субботу домотать тальку, онѣ снимаютъ ее съ мотовила и прячутъ за иконы, имѣя въ виду подобнымъ дѣйствіемъ предупредить воровку-вѣдьму. Похитивъ тальку, въ ясную лѣтнюю ночь вѣдьма летитъ съ нею въ небо, обвязываетъ зори и, спустившись на землю, стягиваетъ ихъ осторожно, пока не пробьетъ полуночный часъ (*Краснокутскій*).

Снятыя съ неба звѣзды вѣдьмы держатъ въ новыхъ горшкахъ подъ покутемъ или въ погребу (*Nowosielski*, 81). Въ одномъ дѣлѣ XVIII в. по обвиненію женщины въ ворожбѣ, извлеченномъ проф.

[1]) См. „Кіевская Старина" № 12, декабрь, 1889 г.

А. С. Лебедевымъ изъ архива курскаго Знаменскаго монастыря (не издано), говорится, между прочимъ, что обвиняемая снимала звѣзды съ неба.

Вѣрованіе въ похищеніе звѣздъ, солнца и мѣсяца колдунами и вѣдьмами въ человѣческомъ образѣ или въ видѣ волка изстари встрѣчается у многихъ народовъ. Въ Кормчей волшебники „волкодлаци луну изъедоша или солнце“ (*Костомаровъ*, Очеркъ жизни великор. н. въ XVI—XVII вв., 537). Поляки и нынѣ вѣрятъ, что вѣдьмы своими заклинаніями могутъ ослаблять свѣтъ звѣздъ и даже совсѣмъ уничтожить ихъ (*Wisła*, 1887, II, 61). По болгарскому повѣрью колдуньи могутъ снимать съ неба луну (*Аѳанасьевъ*, III, 488). Въ сочиненіяхъ Тэйлора, Леббока и Ланга разбросано много указаній, что по вѣрованіямъ разныхъ дикихъ народовъ, по суевѣріямъ современнаго европейскаго простонародія, также по воззрѣніямъ древнихъ классическихъ народовъ затменіе солнца и луны и паденіе звѣздъ обусловлены были тѣмъ, что ихъ кто нибудь похищаетъ или пожираетъ. Такъ, на островахъ Индійскаго океана, туземцы предполагаютъ, что какой то разгнѣванный богъ пожираетъ луну и солнце; поэтому они прибѣгаютъ къ жертвамъ, чтобы заставить божество выбросить обратно проглоченныя свѣтила. Племя чикитосовъ въ Южной Америкѣ полагаетъ, что во время затменія за луною гоняются по небу чудовищныя собаки, которыя схватываютъ ее и рвутъ на куски, вслѣдствіе чего поверхность свѣтила обагряется кровью. Тогда дикіе стрѣляютъ по направленію къ небесамъ, воютъ, плачутъ, чтобы испугать чудовищъ. Въ Перу также распространено мнѣніе, что какой то злой духъ нападаетъ на луну, и поэтому туземцы стараются дѣлать какъ можно больше шума, поютъ, пляшутъ, бьютъ собакъ, чтобы тѣ воемъ своимъ устрашили духа тьмы. Въ другихъ мѣстахъ говорятъ „оарасу ягуарете ву“, т. е. ягуаръ съѣлъ солнце.

Къ статьѣ 4-ой о ворожбѣ надъ тучами.

Въ 1 кн. «Кіев. Стар.» я уже говорилъ о народныхъ повѣрьяхъ о ворожбѣ надъ тучами. Въ настоящей замѣткѣ добавляю еще два народныхъ разсказа о причинахъ засухи 1889 г. Разсказы эти я слышалъ отъ

одной 70-ти лѣтней старухи, крестьянки слободы Боромли ахтырскаго уѣзда.

Весь май мѣсяцъ былъ сухой и знойный. Въ немногихъ мѣстахъ пробѣжали легкія тучки, съ плодотворнымъ, живительнымъ дождемъ. Отъ продолжительной засухи озимые хлѣба сильно пострадали; мѣстами, на пригоркахъ, и яровые выгорѣли. Въ объясненіе причины засухи всплыло наружу древнее народное повѣрье о колдовствѣ надъ тучами, причемъ разсказы о томъ, какъ и кто тутъ наколдовалъ варіируются на разные лады, съ мѣстными пріуроченіями. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такимъ фономъ, на которомъ народное воображеніе выводитъ самые разнообразные узоры.

Первый разсказъ передавался со словъ какого то «чоловика зъ Никитовки» (въ 8 или 10 верстахъ отъ Боромли). Содержаніе его въ короткихъ словахъ такое: три женщины шли въ Кіевъ на богомолье; подъ Кіевомъ онѣ сѣли отдохнуть; двѣ женщины потомъ встали, а третья никакъ не могла подняться. «Не можу йты, и сама не знаю чого» говорила она. Пошли ея спутницы въ Кіевъ и объявили игумену, что онѣ оставили въ полѣ женщину, которая безъ всякой видимой причины не можетъ подняться съ земли. Игуменъ послалъ къ этой женщинѣ священника съ иконой и крестомъ. Священникъ нашелъ, что женщина до половины вошла въ землю. «Въ чемъ ты грѣшна?» спросилъ онъ. «Тилько и гриxъ мій, що заговорила дощъ на три мисяца» сказала женщина. «Будь же ты проклята!» сказалъ священникъ, и баба съ шумомъ провалилась сквозь землю. «Треба бъ зробыть публикацію» неожиданно закончила разсказчица. Она знакома съ «публикаціями» по многолѣтнему судебному процессу, который ведетъ ея мужъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ за лугъ. Приходилось взносить деньги на публикаціи въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ».

Другой разсказъ начинался со слова «кажутъ», и разсказчица не могла хорошо припомнить всего того, что слышала. Дѣло выходитъ такъ: есть въ какомъ то лѣсу криница. Долгое время изъ нея никто не бралъ воды, и криница засорилась. Недавно снится разъ, потомъ другой разъ одному крестьянину, что слѣдуетъ эту криницу вычистить. Когда начали ее чистить, то нашли въ ней пять волшебствъ: дужку съ ведра, конское копыто, веревку и «друге» (разсказчица забыла подробности). Вынули эти волшебства, освятили колодезь, и вскорѣ пошелъ дождь (10—15 іюня въ ахтыр. уѣздѣ прошли сильные дожди).

Въ кіевской губерніи причину слишкомъ продолжительнаго бездождія сваливаютъ на вѣдьмъ. Умерщвляя четвероногихъ черепахъ, изъ которыхъ будто бы истекаютъ вода и роса, и забивая въ колодцахъ рунами ключи, онѣ этими способами отводятъ отъ селеній дождевыя тучи.

Во время засухъ, по волшебству вѣдьмъ, въ какомъ то дремучемъ лѣсу грызутся два змѣя, отъ ярости которыхъ сохнутъ небо и земля. Только палка, которой удастся разорвать этихъ гадовъ, можетъ собрать громовыя тучи надъ

сельскими полями и низвесть на землю благодатный дождь (*Краснокутскій*, въ «Кіев. Еп. Вѣд.»).

Повѣрье о ворожбѣ надъ тучами встрѣчается среди поляковъ въ настоящее время и въ старинныхъ польскихъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ (*Karlowicz*, въ «Wisła», 1887 г.).

Примѣчаніе. Къ колдунамъ и вѣдьмамъ въ народныхъ сказаніяхъ очень близко стоятъ *вовкулаки*. Здѣсь мы не будемъ на нихъ останавливаться, чтобы не расширить слишкомъ изслѣдованія внесеніемъ въ него обильнаго и довольно извѣстнаго матеріала о вовкулакахъ. Указываемъ лишь на литературу предмета, не выдавая нисколько ее за полную: *П. И—ва*, О вовкулакахъ; *Lang*, Myth, Ritual and Religion, I, 119; II, 177; *Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. слав., I—III; *Потебня*, О мие. знач. нѣкот. обр. и повѣр. *Чубинскій* I; *Nowos.* II, 96—99, 288; *Слово о полку Игоревѣ* („волкомъ путь прерыскаше"), *Ворон. Бес.* 1861; *Кіевск. Еп. Вѣд.* 1881, № 5; *Янчукъ*, Корниц. свадьба 82; *Буслаевъ* Рус. поэз. 54—56; *Костомаровъ*, Очеркъ жизни великор. нар., *Березинъ* въ Знаніи 1877, IV, 66 (о сербскихъ волкодлакахъ); *Кіевская Старина*, 83, XII; 86, VI; *Антоновичъ*, Колд. 341; *Народы Турціи* II, 134; *Буше-Леклеркъ*, Колд. въ антич. мірѣ.

122.

Происхожденіе упырей.

Въ Малороссіи существуютъ два разряда сказаній о происхожденіи упырей. Въ однихъ мѣстахъ (напр., въ кіевской губ.), говорятъ, что какая то непонятная сила навѣваетъ особаго злаго духа на человѣческій зародышъ, изъ котораго является человѣческое существо со свойствами вампира. Это существо живетъ въ людскомъ обществѣ, какъ обыкновенный человѣкъ, такъ что даже никто и не знаетъ о принадлежности его къ сонму злыхъ существъ. Ходятъ, впрочемъ, толки, что вампира узнаютъ по шести пальцамъ на рукахъ и ногахъ. Узнаютъ также вампира послѣ его смерти по его красному, какъ бы свѣжему лицу (*Краснокутскій*, въ „Кіев. Еп. Вѣд."). Въ другихъ мѣстахъ (напр., на Волыни), говорятъ, что упыремъ дѣлается всякій самоубійца. Его духъ проникается ненавистью къ людямъ. Упырь вредитъ ихъ здоровью; онъ по ночамъ выходитъ изъ могилы и посѣщаетъ жилища людей. Чтобы воспрепятствовать ему вредить людямъ, иногда откапываютъ мертвеца, считаемаго упыремъ, и пробиваютъ его осиновымъ коломъ, а иногда

вбиваютъ въ голову, за ушами, два зубца изъ бороны (*Kopern.*, въ Zbior wiadomosci, XI, 196).

Такимъ образомъ, въ Малороссіи прикрѣпляютъ упыря къ землѣ, какъ натуралистъ прикрѣпляетъ бабочекъ къ пробкѣ. Замѣчательно, что тождественное обыкновеніе до послѣдняго времени жило у англичанъ. Въ Англіи самоубійцъ до сихъ поръ считаютъ вампирами, думаютъ, что они выходятъ изъ могилъ и мучатъ людей. До 1824 г. все имущество самоубійцы подвергалось конфискаціи, а трупъ его хоронили въ полѣ на перекресткѣ дорогъ и пробивали его коломъ насквозь. Въ 1824 г. при Георгѣ IV изданъ былъ законъ, въ силу котораго самоубійцы погребались уже на общихъ кладбищахъ и безъ пробитія коломъ, безъ религіозныхъ обрядовъ отпѣванія и притомъ въ исключительное время, отъ 9 часовъ вечера до полуночи. Повидимому, законъ этотъ былъ часто нарушаемъ, такъ какъ въ 1882 г. послѣдовало его возобновленіе; повторено было запрещеніе хоронить самоубійцъ на перекресткахъ большихъ дорогъ и пробивать ихъ коломъ (*Gaidoz*, въ „Melusine“, 1888, 11—12).

Въ Шотландіи и въ настоящее время самоубійцъ хоронятъ вдали отъ жилыхъ мѣстъ, въ пещерахъ, притомъ глухихъ, чтобы отъ нихъ не видно было ни полей, ни моря, которымъ духъ самоубійцы можетъ быть вреденъ (ib.) [1]).

---

[1]) Народныя сказанія объ упыряхъ многочислены и разнообразны. Отмѣчаемъ здѣсь два малорусскихъ разсказа, записанныхъ въ кіевской губерніи:

1) Умершій вампиръ занимается высасываніемъ крови у сонныхъ людей. Но прежде чѣмъ сосать кровь, онъ соблюдаетъ нѣкоторую предосторожность. Выходя до полночи изъ гроба въ нарядѣ мертвеца, вампиръ поднимается надъ спящимъ селомъ и наблюдаетъ, чьи дома искрятся. Искрятся же тѣ дома, въ которыхъ обитаютъ праведники, постившіеся цѣлый день наканунѣ праздника Р. Х. Опустившись на землю, вампиръ старательно оберегается заходить въ искрившіеся дома, боясь, чтобы праведная кровь не погубила его, но безстрашно идетъ въ дома грѣшниковъ, гдѣ и упивается нечестивою кровью.

2) Разсказываютъ, что живой вампиръ изъ любви къ людямъ когда то открылъ тайну оживлять умершихъ людей. У мертваго вампира есть сосудъ съ человѣческою кровью, нужно его добыть. Пріобрѣвъ этотъ сосудъ и поднявъ на улицѣ головню, надо омочить ее въ кровь и помазывать мертвыхъ: отъ этого дѣйствія мертвые станутъ оживать. Этой же головней можно уничтожать и жестокаго умершаго вампира.

123.

Нападеніе упырей на село.

Изъ разнообразныхъ повѣрій объ упыряхъ я здѣсь отмѣчу лишь одно въ высшей степени замѣчательное въ археологическомъ отношеніи, именно, повѣрье о томъ, что упыри иногда толпой нападаютъ на село и убиваютъ людей. По народному повѣрью, записанному въ кіевской губ. со словъ сельской бабки, въ селѣ всегда бываетъ два вампира; одинъ живой, другой—умершій. Живой вампиръ есть, такъ сказать, добрый геній села. Стоя на стражѣ благополучія, онъ, съ честію благороднаго и храбраго воина, постоянно ведетъ борьбу съ мертвыми вампирами, изъ всѣхъ селъ идущими съ эпидеміею въ его село. Вѣдьмы при его появленіи приходятъ въ неописанный ужасъ. Самая прекрасная черта живаго вампира состоитъ въ томъ, что онъ не пьетъ людской крови. Но за то послѣ своей смерти онъ становится страшнымъ бичомъ поселянъ. Изъ добраго онъ становится самымъ злѣйшимъ геніемъ. Когда мужество и сила оставляютъ живаго вампира, изнеможеннаго въ постоянной борьбѣ съ своими мертвыми собратами, тогда умершій вампиръ, легко устраняя съ пути слабую защиту честнаго борца, открываетъ свободный путь въ село всѣмъ иносельнымъ мертвымъ смертоносцамъ. Село наводняется вампирами, ходящими ночью во образѣ странныхъ звѣрей, поражая или людей, или скотъ смертію. Эпидемія принимаетъ обширные размѣры. Страхъ всюду такой распространяется, что ночью ходятъ не иначе, какъ компаніей. Несчастіе продолжается до тѣхъ поръ, пока милостивый Богъ не простретъ свою грозную руку на злыхъ истребителей людей и скота. Тогда испуганные вампиры бѣгутъ на кладбища и прячутся въ своихъ гробахъ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ были помѣщены статьи П. С. Ефименка и г. Кошовика объ упырях. Разсказы объ упыряхъ разбросаны въ Трудахъ *Чубинскаго*; Пред. *Драгом.*, Lud *Nowos.*, въ Zbiór wiad. do antrop. krajowej, XI, *Kopernicky*, изслѣдованія у *Аѳанасьева* въ Поэт. воззр., *Потебни* О мие. знач. нѣкот. обр. и повѣр., *Фалуи*, въ „Ethnolog. Mitteil. aus Ungarn“ 1888, II (о сербскихъ вампирахъ), *Гедоза* въ „Melusine“ 1888, *Тэйлора*, Первоб. культ., *Любенова*, „Баба_Яга“ 1887, стр. 49—52 (о болгарскихъ вампирахъ); *Liebrecht*, Zur Volkskunde, 195—198 (о греческихъ вампирахъ), *Krause* въ Zeitsch. f. Ethnol. 1883, 92 (о нѣмецкихъ вампирахъ).

Въ этомъ повѣрьѣ мы, очевидно, имѣемъ повтореніе лѣтописнаго сказанія XI вѣка о томъ, какъ „навье“ (т. е. мертвецы, или упыри) убивали обывателей Полоцка: „въ лѣто 6600 (т. е. 1092 отъ Р. Хр.) предивно бысть въ Полотьскѣ въ мечтѣ; бываше въ нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси; аще кто вылѣзаше изъ хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою; и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ; посемъ же начаша въ дне являтися на коняхъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди полоцкія и его область; тѣмъ и человѣци глаголаху: яко навье бьютъ полочаны“ (*Лѣтоп.* Лаврент., изд. 1872, 207—208).

Кстати замѣтимъ здѣсь, что въ той же Лаврентьевской лѣтописи подъ 1089 г. находится еще одно весьма любопытное указаніе, что въ до-монгольской Руси было распространено повѣрье объ упыряхъ, при чемъ называли ихъ навье: „въ се же лѣто иде Янка въ грекы, дщи Всеволожа (Анна Всеволодовна), и приведе Янка митрополита Іоанна скопьчину, его же (видѣвше) людье вси рекоша: „се навье пришелъ“; отъ года бо до года пребывъ умре“ (ib. 202)[1]).

124.

Повѣріе о чертяхъ, бросающихъ въ домахъ камни.

Въ Малороссіи въ разныхъ городахъ и селахъ указываютъ на пустующіе дома, гдѣ никто не можетъ жить, потому что здѣсь шалитъ нечистая сила, бросая камни и черепки. Въ иныхъ случаяхъ чертовское бросаніе камней было непродолжительно, и послѣ освященія дома въ немъ водворялось спокойствіе. Иногда въ печать прсникаютъ извѣстія о такихъ продѣлкахъ нечистой силы. Припоминаю, что года два назадъ я читалъ о подобномъ случаѣ въ

[1]) Слово навье означаетъ въ разныхъ индо-европейскихъ языкахъ мертвеца, у славянъ такого мертвеца, который являлся между людей и мучилъ или убивалъ ихъ. Санскр. корень пас—умирать въ готскомъ встрѣчается въ формѣ navs—(множ. naveis) мертвецъ, navis—мертвый, navistr—могила, древ.-сканд. na—мертвое тѣло, латыш. nahme—смерть, nahwigs—смертельный, ядовитый, nahweht—убивать (*Буслаевъ*, О вліяніи христ. на слав. яз., 63).

Одессѣ, чуть ли даже не въ камерѣ мироваго судьи. Отъ одного старика я слышалъ такой разсказъ: лѣтъ тридцать назадъ, въ селѣ Липцахъ, харьковскаго уѣзда, была пересыльная тюрьма въ домѣ мѣстнаго обывателя. Одинъ арестантъ, чѣмъ то обиженный, сказалъ, что въ этомъ домѣ долго его будутъ помнить, и дѣйствительно вскорѣ, какъ онъ ушелъ, въ домѣ появились таинственные стуки, полетѣли въ разныя стороны камни, такъ что пришлось освящать домъ, а изъ Харькова для осмотра его выѣзжали административныя власти. Въ Великороссіи также встрѣчаются подобные разсказы и повѣрья (*Ralston*, The Songs of the russ. people, 132).

Точно такое повѣріе существуетъ у индусовъ христіанскаго вѣроисповѣданія. Между слугами въ домѣ, гдѣ мы жили, говоритъ г-жа Мурей-Энслей, были христіане. Они жаловались своему хозяину, что постоянно по вечерамъ къ ихъ избамъ подходятъ демоны и бросаютъ камни, которые летятъ черезъ крышу. Два европейца пошли разузнать, въ чемъ дѣло; одинъ помѣстился съ одной стороны служительскихъ хатъ, другой—на противоположной. Хотя никто не показывался, но камни летѣли и ложились у ихъ ногъ. Слуги попросили дать имъ Библію, и послѣ того, какъ они ее получили, черти успокоились и камней болѣе не бросали. Означенные выше два европейца потомъ наводили справки, и когда они заглянули въ Библію, то нашли ее всю испачканной изображеніями демоновъ и чудовищъ (*Revue* des trad. populaires, 1888, 480). Очевидно, бѣсамъ очень не понравилось помѣщеніе ихъ изображеній въ священной книгѣ. Припомнимъ, что на миніатюрахъ древнѣйшихъ русскихъ рукописей фигуры и особенно лица бѣсовъ намѣренно вытерты или запачканы, по предположенію Ѳ. И. Буслаева, потому, что читатели не могли равнодушно смотрѣть на эту богомерзкую погань (*Буслаевъ*, Бѣсъ, 5). Очевидно, между древне-русскимъ уничтоженіемъ изображеній демоновъ и индусской разрисовкой ихъ есть внутренняя связь, разумѣется, не въ смыслѣ какого либо заимствованія, о чемъ и рѣчи быть не можетъ, а въ сходствѣ извѣстныхъ умозаключеній по сходнымъ фактическимъ даннымъ.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что повѣрье о демонахъ, бросающихъ въ домѣ камни, еще недавно, а можетъ быть и нынѣ еще существуетъ въ Парижѣ. Въ 1777 г. въ Сенъ-Жер-

менскомъ предмѣстьѣ распространился слухъ, что на улицѣ Дюфура въ лавкѣ торговки хлѣбомъ поселился демонъ, и весь Парижъ пошелъ смотрѣть на производимыя имъ буйства. Полиція, заподозривъ обманъ со стороны торговки, объявила ей, что если демонъ чѣмъ нибудь заявитъ себя, то она будетъ арестована, и никакихъ демонстрацій злой духъ не позволилъ себѣ. Лѣтъ тридцать назадъ подобная исторія повторилась въ гораздо болѣе крупныхъ размѣрахъ на улицѣ Дегре (нынѣ Кюя). Среди бѣлаго дня, видѣли какъ изъ одного дома летѣли камни во всѣ стороны. У присутствовавшаго Жиро (былъ потомъ министромъ) камнемъ выбило изъ рукъ книгу. Кто бросалъ камни, не было выяснено. Никто изъ людей не былъ раненъ. Полиція прекратила движеніе по улицѣ; пропускали только мѣстныхъ обывателей. Бросаніе камней продолжалось недолго, и вскорѣ случай этотъ былъ забытъ (*Sebillot*, въ Revue d. trad. popul., 1888, 138).

Къ числу демоновъ, бросающихъ камни въ людей, принадлежатъ ново-греческія нереиды и яванскіе гандарвы (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 356).

125.

Украинскіе инкубы и суккубы.

Въ средневѣковой демонологической терминологіи инкубомъ назывался демонъ, въ видѣ мужчины вступавшій въ половую связь съ женщиной, суккубомъ—демонъ въ образѣ женщины, соблазнявшій мужчинъ. Повѣрье въ половыя связи демоновъ съ людьми были въ старину весьма распространены въ Западной Европѣ и нынѣ еще встрѣчаются у разныхъ народовъ Европы и Азіи въ сказкахъ. Безобиднѣе всего о такой связи трактуетъ одна татарская сказка. Отшельникъ Абутъ въ теченіи многихъ лѣтъ велъ строгую подвижническую жизнь; но однажды шайтанъ явился къ нему въ видѣ такой красавицы, что Абутъ схватилъ ее въ свои объятія и согрѣшилъ. Народъ узналъ объ этомъ и горевалъ. „Дураки! о чемъ вы безпокоитесь? утѣшилъ его великій Пейгамберъ (божество). Абутъ теперь получитъ лучшее мѣсто въ дженнатѣ (раю), такъ какъ онъ

изнасиловалъ Аллахова врага". (*Сборн. матер.* о плем. Кавказа. VII, 124). Совсѣмъ иначе на это преступленіе смотрѣли въ старину европейцы, особенно нѣмцы. Они, во первыхъ, детально изучили это преступленіе, когда и какимъ образомъ мужчины и чаще женщины вступаютъ въ сношенія съ демонами, что они при этомъ чувствуютъ, и, во вторыхъ, обвиненныхъ въ такомъ преступленіи подвергали пыткамъ и казнямъ. По разъясненію инквизиторовъ, главнымъ образомъ, по указаніямъ знаменитаго „Молота вѣдьмъ" (Malleus maleficarum) 1489 г., представляющаго собой „monstrose Bastard des Pfaffendespotismus und der Scholastik" (*Soldan*, Gesch. d. Hexenproc., 215), для вступленія въ половую связь съ дьяволомъ выходили ночью подъ воскресенье на перекрестокъ и произносили извѣстную заклинательную формулу. Дьяволъ немедленно являлся въ видѣ сильнаго молодаго человѣка красивой наружности, только съ козлиной или птичьей ногой. Необходимое условіе союза съ дьяволомъ—отреченіе отъ Спасителя и святыхъ—подписывалось кровью. Обѣ стороны давали другъ другу извѣстныя обязательства, причемъ дьяволъ старался обмануть предающихся въ его власть. Колдуньямъ и вѣдьмамъ дьяволъ первый разъ являлся подъ видомъ хорошаго знакомаго, любовника или мужа. Полюбезничавъ съ колдуньей, онъ удалялся или тихо, или въ бурномъ вихрѣ; онъ былъ настолько любезенъ, что оставлялъ колдуньямъ опредѣленное количество денегъ въ кошелькѣ, платкѣ или капустномъ листѣ съ обозначеніемъ своего имени, съ тѣмъ, чтобы онѣ знали, какъ назвать его въ случаѣ надобности. Случалось, дьяволъ платилъ весьма мало: какой нибудь экю или еще меньше. Адскія деньги въ большинствѣ случаевъ превращались въ дубовые листья, дѣтскіе экскременты и т. п. Со времени отреченія отъ Христа колдуны и вѣдьмы получали возможность превращаться въ животныхъ, кошку, лисицу, паука, сову, бабочку и даже въ неодушевленные предметы, напримѣръ—клубокъ нитокъ. Половыя сношенія съ дьяволомъ были не одновременны, а повторялись постоянно по ночамъ въ пустынныхъ мѣстахъ, иногда въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей. Однажды дьяволъ завлекъ 19-лѣтнюю дѣвушку, которая была такъ наивна, что на неприличныя предложенія дьявола отвѣчала отказомъ, потому, что не знала о родительскомъ согласіи. Ученые бого-

словы считали очень важнымъ рѣшеніе вопроса „semen diabolicum frigidum aut calidum est“. Дельріо, ученый іезуитъ конца XVI столѣтія, былъ твердо увѣренъ, что инкубъ съ женщиной можетъ произвести дитя только не собственнымъ сѣменемъ, а сѣменемъ мужчины, съ которымъ демонъ ранѣе совокупился въ видѣ суккуба. Суккубъ не въ состояніи ни зачинать, ни рожать младенца. Онъ только служитъ для вышеозначенной цѣли. Извѣстный полигнотъ Пико де-Мирандола разсказываетъ объ одномъ старомъ колдунѣ, который 40 лѣтъ жилъ съ демономъ-суккубомъ, называвшимся Гермелиной. Дѣти, рожденныя при посредствѣ инкуба, противной наружности, отвратительной худобы, необыкновенно много ѣдятъ, постоянно кричатъ и радуются семейнымъ несчастіямъ (*Soldan*, 239) [1]).

Западно-европейскія представленія объ инкубахъ проникли въ Польшу; любопытныя указанія по этой части находимъ въ польскихъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ конца XVII в. Такъ, въ 1690 г. была сожжена одна женщина за то, что по собственному сознанію, спала съ демономъ (legal ze mną, ale był zimny jako lód). Въ 1692 г. были сожжены Клешка—колдунъ, имѣвшій любовницей чертовку Регину, и Манишевская, имѣвшая любовникомъ демона Яська, который ходилъ въ красной одеждѣ, соболевой шапкѣ и красныхъ сапогахъ. Въ 1699 г. была казнена одна крестьянка за то, что бывала на Лысой горѣ и съ ней лежалъ сатана въ видѣ волка (*Karlowicz*, въ Wisła, 1887, стр. 140, 142, 173).

Я не имѣю фактовъ, которые указывали бы на проникновеніе западныхъ инкубовъ и суккубовъ въ Украину; но здѣсь были свои, оригинальные инкубы и суккубы, опиравшіеся на славянской демонологіи, вообще языческой, лишь въ частностяхъ съ примѣсью демонологіи христіанской письменности. Наиболѣе обычно представленіе демона-любовника въ видѣ змѣя, обращающагося въ красиваго муж-

[1]) Подробности объ инкубахъ и суккубахъ см. въ сочиненіи *Roskoff*, Geschichte des Teufels. 1869. 2 Bde; *Soldan*, Gesch. der Hexenprozesse. 1843; *Rodolf Reusse*, La sorcellerie au XVI et au XVII siècle. 1872; *Jacob* (*Bibliophile*), Curiosités de l'histoire des croyances populaires au moyen age. 1859; *Otto Henne Am Rhyn*, Kulturgeschichte der neuern Zeit. 1870. 1 Bd. 332—351 стр.; *Іог. Шерръ*, Исторія цивилизаціи Германіи. 1868 и *Гартполь Лекки*, Исторія раціонализма въ Европѣ. 1871. Т. I.; *Н. Ѳ. Сумцовъ*, Очеркъ исторіи колдовства въ Зап. Европѣ 1878; *Пятуховъ*, Серапіонъ Владимірскій, 1887.

чину, или въ видѣ упыря, причемъ сказанія объ любовникѣ-змѣѣ и любовникѣ упырѣ (покойникѣ) часто смѣшиваются между собой, и, вообще, сказанія эти сходны. Ученый архимандритъ Печерской лавры Иннокентій Гизель въ сочиненіи „Миръ съ Богомъ человѣку“ (1669 г.) говоритъ: „здѣ же прилучитися можетъ и смѣшеніе тѣлесное съ дьяволомъ, сіе есть съ Лѣтавцемъ, который блудъ есть наитяжшій“. И въ Польшѣ въ старинное время подъ словомъ „latawiec“ разумѣли инкуба: „incubus, ad masculos accedens, feminam fingit, feminas aggrediens masculum se exhibet, der Nachtdrude“ (*Linde*, Slownik). Подобнаго рода повѣрья были въ старину и въ московской Руси, что видно, между прочимъ, изъ муромской легенды XVII в. о Петрѣ и Февроніи. Въ настоящее время повѣрье это крѣпко еще держится въ народѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и въ Привислянскомъ краѣ. Въ волынской губерніи говорятъ, что злой духъ „перелестникъ“ является въ образѣ любимой умершей особы, преимущественно является тѣмъ молодымъ людямъ, которые тоскуютъ по умершихъ своихъ любовницахъ или любовникахъ. Демонъ ведетъ съ ними любовный разговоръ, цѣлуется, удовлетворяетъ страсти. Но горе такому человѣку: онъ начинаетъ сохнуть, чахнуть и потомъ умираетъ (*Чубинскій*, I, 193). Весьма сходныя повѣрья встрѣчаются среди великоруссовъ. Такъ, въ юго-западной части томской губерніи существуютъ разсказы о смѣшеніи женщинъ съ чертями. Чертъ принимаетъ видъ извѣстнаго человѣка и начинаетъ посѣщать женщину; чтобы отличить его, нужно заглянуть ему за спину; спины у него нѣтъ, и внутренности лежатъ наружу въ грудномъ ящикѣ какъ въ корытѣ. Въ станицѣ Шульбинской была козачка Полынцева. Послѣ смерти мужа она очень тосковала по немъ. Чертъ сталъ являться къ ней подъ видомъ покойнаго каждую ночь, и бѣдная женщина получила непреодолимое желаніе видѣть его. Она забеременѣла и сказала о томъ одной старухѣ. Старуха дала ей что то пить и та осталась до смерти беременною, а то родила бы чертенка (*Потанинъ*, Этногр. Сборн., VI, 144).

Извѣстно много малорусскихъ сказокъ о томъ, какъ змѣй похищаетъ царевну и живетъ съ ней, встрѣчаются и такія сказки, въ которыхъ прямо выступаетъ чертъ. Такъ, въ грубешовскомъ уѣздѣ записанъ разсказъ о томъ, какъ одинъ чертъ влюбился въ

дѣвушку, долго ходилъ къ ней и наконецъ порѣшилъ взять ее къ себѣ совершенно. Чертъ былъ въ образѣ человѣка. Мать, приготовляя свою дочь къ отъѣзду, убрала ея голову цвѣтами терлича и тои. Чертъ боится этихъ цвѣтовъ и потому исчезъ (*Чуб.* I, 80).

Въ народныхъ сказаніяхъ суккубъ рѣже является, чѣмъ инкубъ. Извѣстны, однако, сказки, въ которыхъ влюбляется въ мужчину и живетъ съ нимъ чертова дочка или вѣдьма. Такъ, въ ушицкомъ уѣздѣ записанъ такой разсказъ: „Одинъ крестьянскій парень очень красивый ходилъ часто въ лѣсъ за дровами, гдѣ увидѣла его чертова дочка и влюбилась въ него до того, что рѣшилась явиться къ нему въ образѣ красивой дѣвушки. Часто они видались, слюбились и, наконецъ, она рѣшилась выйти за него замужъ. Она приняла крещеніе и была повѣнчана. Дьяволъ былъ радъ, позвалъ къ себѣ молодыхъ, и одарилъ ихъ“ (*Чуб.* I, 33). При этомъ сказано, что дьяволъ отъ радости крутился вихремъ, т. е. обнаруживается демоническое значеніе вихря. Въ связи съ этимъ или подобнымъ разсказомъ о вихрѣ стоитъ названіе его „чортовой свадьбой“. Чертова дочка въ малорусской сказкѣ живетъ въ лѣсу. Есть очень сходная имеретинская сказка. Имеретинцы признаютъ не только лѣшихъ, но и лѣсныхъ женщинъ необыкновенной красоты, съ длинными золотистыми волосами. Онѣ влюбляются въ людей (какъ малорусскія русалки, сербскія вилы). Одинъ богатый помѣщикъ влюбился въ лѣсную женщину и каждую ночь ходилъ къ ней. Его ревнивая жена обрѣзала ей тихонько волосы. Лѣсная женщина съ крикомъ убѣжала и черезъ нѣсколько времени умерла (*Вс. Миллеръ*, Сборн. матер. по этногр. III, 170). Разсказъ этотъ вводитъ насъ въ фантастическій міръ лѣсныхъ духовъ, и мы отсылаемъ читателя къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ по этой части Manhardt'a, Аѳанасьева и Мандельштама [1]).

Довольно обычно въ Малороссіи вѣрованіе о связи вѣдьмы съ мужчинами. Такъ, недавно въ подгороднемъ харьковскомъ селѣ Основѣ распространился слухъ, что къ мѣстному жителю, „паробку“

[1]) Съ женщинами вступаютъ въ связь классическіе фавны и сильваны; на о. Самоа насчитываютъ 5 родовъ демоновъ, соблазняющихъ женщинъ (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 400).

лѣтъ двадцати, Павлу Онищенку уже мѣсяца четыре по ночамъ, сначала рѣдко, а послѣднее время ежедневно является „вѣдьма". Прибѣгаетъ она туда въ видѣ бѣлой собаки съ человѣческими пальцами на лапахъ и, найдя Павла Онищенка гдѣ бы онъ ни ночевалъ, моментально превращается въ дѣвушку и начинаетъ его обнимать и цѣловать. Говоритъ ли она съ Онищенкомъ во время этихъ свиданій—добиться этого отъ него никому еще не удалось. И вотъ 4-го іюня основянское волостное правленіе заявляетъ мѣстному уряднику, живущему въ с. Григоровкѣ, и тотъ, не теряя времени, отправляется въ этотъ же вечеръ часовъ около 10-ти для поимки сказанной вѣдьмы; къ нему присоединился студентъ С. Пріѣзжаютъ въ волость; на вопросъ урядника „гдѣ писарь?" сторожъ отвѣчаетъ: „пишовъ дывытыця на видьму". Возлѣ усадьбы Онищенка урядникъ засталъ такое множество народа съ осиновыми дрючками [1]), что, какъ говорится, яблоку негдѣ упасть. При распросахъ урядника все сказанное потвердили всѣ, между ними были люди пожилые, домохозяева, которымъ какъ то нельзя не вѣрить. Писарь сейчасъ же доложилъ, что вѣдьма уже приходила, но ее испугалъ крестьянинъ N, крикнувъ: „чего тутъ шляешься" и она скрылась неизвѣстно куда (*Харьк. Вѣд.*, 1886, № 142).

126.

Обрядовое прикосновеніе къ землѣ.

Въ ряду разнообразныхъ повѣрій и обрядовъ, указывающихъ на древнее уваженіе къ землѣ, доходившее до обожествленія ея, какъ было въ развитыхъ религіяхъ древности, напр. у грековъ, выдается сохраняющійся до сихъ поръ у многихъ народовъ обычай валяться по землѣ съ цѣлью полученія силы, здоровья, иногда безъ всякой опредѣленной цѣли, для соблюденія древняго священнаго обряда. Въ волынской губерніи по окончаніи жатвы работники катаются на стернахъ или волочатъ другъ друга за ноги (*Kopern.*,

---

[1]) Такое въ народѣ повѣрье, что если вѣдьму ударить *осиновой* палкой, то она моментально принимаетъ свой настоящій образъ.

Zbiór wiadom., XI, 185). Подобнаго рода обыкновеніе встрѣчается и въ Великороссіи при посѣвѣ или освященіи поля (ссылка потеряна, кажется, въ „Бытѣ русск. нар.“ Терещенка). Въ мѣстностяхъ южнаго Балкана больныя и неплодныя женщины ходятъ рано утромъ перваго мая на луга и голыя катаются на росистой травѣ (*Канитцъ*, въ Слав. Ежегодн. 1877, 151). У турецкихъ сербовъ (въ Призренѣ, Ипекѣ, Моравѣ и Дибрѣ) на другой день Пасхи бываетъ крестная процессія, причемъ всѣ слабые и больные ложатся на землю, и священникъ, а за нимъ всѣ, несущіе кресты, иконы и хоругви, перескакиваютъ черезъ лежащихъ, чтобы они выздоровѣли (*Ястребовъ*, Турец. сербы, 121). Въ древности въ Германіи и въ Англіи существовалъ обычай больныхъ дѣтей и больной скотъ волочить по землѣ для излѣченія отъ болѣзни (*Спенсеръ*, Опис. соціол., 211). Во Франціи въ Бретани совѣтуютъ страдающимъ отъ ревматизма лечь больной частью тѣла на землю весной, какъ только они заслышатъ въ первый разъ крикъ кукушки (*Melusine*, 1888, 258).

127—143.

Гаданія.

Гаданіе состоитъ въ раскрытіи тайнъ прошлаго или, чаще, будущаго, напр., въ опредѣленіи, кто укралъ, причинилъ болѣзнь, или въ опредѣленіи, каковъ будетъ успѣхъ предпріятія. Большинство гаданій пріурочено къ празднику Рождества Христова или, точнѣе, къ Новому году, нѣкоторыя — къ празднику Благовѣщенія или ко дню Андрея Первозваннаго. Обыкновенно гаданіе состоитъ въ сужденіи о томъ или другомъ по началу его, „по почину“. „Настоящее, говоритъ проф. А. А. Потебня, т. е. начало ряда событій, непосредственно предшествующее наблюденію, человѣкъ наклоненъ считать образомъ будущаго. Насколько это свойственно самымъ различнымъ степенямъ развитія, видно изъ постоянно повторяющагося самообольщенія, состоящаго въ томъ, что человѣкъ, поглощенный сильнымъ чувствомъ, заполняетъ имъ все свое будущее, напр. влюбленный убѣжденъ въ своей любви до гроба, страдалецъ не видитъ

и не предполагаетъ просвѣта, что можетъ повлечь за собою и практическія послѣдствія. Гаданіе по началу извѣстнаго періода о дальнѣйшемъ его теченіи есть починъ, напр., если первый покупщикъ долго торгуется или уйдетъ, ничего не купивши, то купецъ весь день будетъ плохо торговать. Чѣмъ продолжительнѣе и важнѣе для человѣка періодъ, тѣмъ знаменательнѣе его начало. Этимъ однимъ объясняется знаменательность періодовъ, обозначаемыхъ годовыми праздниками, особенно періода, начинавшагося съ рожденія солнца, поворота его на лѣто. Рождественскіе святки—время гаданій, въ томъ числѣ гаданій по почину о погодѣ и урожаѣ" (*Потебня*, Объясн. малор. пѣс., II, 63).

Во многихъ гаданіяхъ обнаруживается запросъ божеству о будущемъ, а подчасъ запросъ въ такой формѣ, которая уже предполагаетъ благопріятный отвѣтъ. Несомнѣнно, въ древности гадали во время жертвоприношеній и молитвословій, что на ряду съ отгадкой будущаго располагало божество къ покровительственному и доброжелательному отношенію къ человѣку. Такъ, гаданіе по внутренностямъ животныхъ или по бараньей лопаткѣ, встрѣчающееся у древнихъ грековъ, нынѣ у болгаръ, финновъ, монголовъ, связано съ жертвоприношеніемъ, и донынѣ удержалось или въ прямой связи съ нимъ, или какъ его обрядовый остатокъ. Воля боговъ обнаруживается въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ физическаго міра,—громѣ и молніи, снахъ, дрожаніи разныхъ частей человѣческаго тѣла, полетѣ птицъ, движеніи животныхъ, даже въ неодушевленныхъ предметахъ; древній человѣкъ, а отчасти и современный человѣкъ старается проникнуть въ тайны природы и тайны будущаго,—наивный посредствомъ гаданій и примѣтъ, ученый посредствомъ гипотезъ и предположеній на основаніи многихъ провѣренныхъ фактовъ.

Съ теченіемъ времени число гаданій уменьшилось, и уменьшилось число такихъ явленій жизни, которыя опредѣлялись гаданіями. Въ настоящее время гадаютъ почти исключительно объ урожаѣ, погодѣ и замужествѣ, изрѣдка о смерти. У малороссіянъ способы гаданія не такъ многочисленны и разнообразны, какъ у великороссіянъ. Малорусскія гаданія весьма сходны, иногда тожественны съ великорусскими и другими славянскими.

1) Въ М. и В. Россіи почти неизвѣстны *метеорологическія гаданія*, по грому, вѣтрамъ, облакамъ, дождю. Люди страшились сверхъестественнаго могущества этихъ силъ и явленій природы и не знали, какъ подступить къ нимъ съ запросами о будущемъ. Они пытались овладѣть этими могущественными силами, и потому здѣсь на первый планъ выдвигается волшебство, ворожба надъ тучами, привлеченіе или удаленіе дождя и грозъ. Есть, однако, примѣты, относящіяся къ метеорологіи, и очень близкія къ гаданіямъ, примѣты такого рода, что громъ или дождь въ тотъ или другой день (напр. на Благовѣщеніе) или при случаѣ (напр., въ день вѣнчанія) предсказываетъ урожай, богатство, слезы и прочее т. п. [1]).

2) Болѣе значенія въ народномъ міросозерцаніи и бытѣ имѣютъ *гаданія по снамъ*. Въ классической древности сны считались посланниками Зевса и другихъ боговъ; толкованіе сновъ составляло своего рода науку „онейроскопію“. Нѣчто подобное, разумѣется, въ слабой степени существуетъ у народовъ славянскихъ, въ частности—малоруссовъ. Такъ, дѣвушки по снамъ, которые видятъ подъ Новый годъ или передъ свадьбой, гадаютъ о суженомъ, о будущей семейной жизни. Гаданія этого рода отличаются неустойчивостью и неопредѣленностью, въ силу проявленія значительнаго индивидуальнаго произвола въ толкованіи сновъ.

3) Болѣе опредѣленнымъ, хотя весьма узкимъ, характеромъ отличаются *гаданія физіологическія*—по чиханію и дрожанію разныхъ частей человѣческаго тѣла. Уже въ древнихъ памятникахъ московской письменности встрѣчается обличеніе людей, раздѣлявшихъ повѣрія о чохѣ, ухозвонѣ, окомигѣ, дрожаніи мышцъ. Теперь въ Малороссіи говорятъ чихнувшему: „будь здоровъ!“, „на здоровье!“ иногда одариваютъ его (если чихнетъ въ сочельникъ за ужиномъ). Основное демоническое значеніе этихъ повѣрій достаточно разъяснено Тэйлоромъ и Леббокомъ, и здѣсь мы не будемъ останавливаться на немъ. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ рѣдкихъ и исключительныхъ или просто не совсѣмъ обычныхъ явленіяхъ организма въ древности

---

[1]) Въ старинной московской литературѣ существовали сборники примѣтъ о громѣ и молніи, т. наз. Громники и Молніяники (изд. во 2 т. „Памят. отреч. литер.“ Тихонравова). О существованіи такихъ сборниковъ въ южной Россіи нѣтъ указаній.

усматривалось прямое дѣйствіе демоновъ, пролетавшихъ мимо человѣка или въ него проникшихъ съ пищей, питьемъ, воздухомъ. У древнихъ грековъ всякое непроизвольное физіологическое явленіе приписывалось вліянію божества. Чихнувъ, говорили: „Спаси, Зевсъ!“ У Менандра одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: „насъ огорчаетъ, когда кто нибудь чихнетъ“ (*Буше-Лекл.*, Изъ ист. культ., 134). Подобнаго рода повѣріе о значеніи чиханія было въ Англіи (*Спенсеръ*, Опис. соц.) и нынѣ встрѣчается у разныхъ народовъ. Гаданія по шуму въ ушахъ, по дрожанію мышцы, по судорогамъ рукъ и ногъ, по тому, что ладонь чешется, мелочны, разнообразны и большею частью переходятъ въ примѣты; объ нихъ мы упомянемъ еще въ статьѣ о примѣтахъ.

4) Гораздо болѣе заслуживаютъ вниманія *гаданія по слову*, случайно сказанному, или произнесенному имени, такъ сказать, лингвистическія, или словесныя. Подслушиваютъ подъ окнами сосѣдей; подслушиваютъ разговоръ проходящихъ по улицѣ; спрашиваютъ встрѣчныхъ объ имени и затѣмъ выводятъ заключенія о будущемъ (*Чубинскій*, III, 260; *Терещенко*, VII, 230). Подобнаго рода гаданія встрѣчаются во Франціи (*Revue* des trad. popul., 1888, 146). Гаданія по услышанному слову, или кледономантія, было весьма обычно въ древней Греціи. Каждое слово, фраза, отдѣльное восклицаніе становится для слушателя кледономъ, т. е. между мыслью слушателя и словомъ посторонняго лица, не связаннымъ съ нею по нити разговора, обнаруживается непредвидѣнная связь, открывающая предостереженіе провидѣнія. Кледонизмъ обнаруживается уже въ Одиссеѣ и затѣмъ усиливается въ Греціи позднѣе. Простѣйшимъ способомъ кледономантіи было этимологическое толкованіе собственныхъ именъ. Римляне также признавали вѣщее слово, omen—въ смыслѣ предзнаменованія, при чемъ не считали предсказаніе менѣе дѣйствительнымъ въ томъ случаѣ, если его искали. Кледономантія свойственна всѣмъ древнимъ народамъ (*Буше-Леклеркъ*, 129—132).

5) Важное значеніе въ старину въ Россіи и во многихъ другихъ странахъ имѣли *гаданія письменныя*, т. е. по слову, закрѣпленному письмомъ, по книгамъ Священнаго Писанія, преимущественно по псалтыри. Разворачивали книгу и первую попавшуюся фразу объясняли, какъ пророчество. Въ Англіи въ XVII ст. га-

дали, между прочимъ, по Энеидѣ Виргилія (*Спенсеръ*, Опис. соц., 222). Греки охотно пользовались рапсодомантіей, или гаданіемъ по отдѣльнымъ фразамъ, случайно найденнымъ въ произведеніяхъ Гомера, Гезіода или въ сборникахъ оракуловъ. Предполагалось, что оффиціальные оракулы и служители музъ, великіе поэты, собрали достаточное количество истинъ, такъ что въ ихъ произведеніяхъ можно найти совѣты, пригодные для всѣхъ случаевъ жизни (*Буше-Леклеркъ*, 160). Остатками такихъ гаданій въ настоящее время служатъ оракулы, связываемые большею частью съ именемъ Соломона.

6) Очень близко къ гаданіямъ по слову и письму стоятъ *гаданія по жребіямъ*, клеромантія. Въ Россіи въ простомъ народѣ обычна простая форма клеромантіи, гаданіе посредствомъ бросанія камня или по палкѣ. Болѣе крупная форма клеромантіи—гаданіе посредствомъ лоттерей—встрѣчается въ Россіи довольно рѣдко, и въ южнорусскій народъ почти совсѣмъ не проникла. Клеромантія употреблялась уже въ глубокой древности, упоминается въ Иліадѣ (*Буше-Леклеркъ*, 156). Низшія формы клеромантіи (бросаніе камней, орѣховъ и пр.) встрѣчаются въ западной Африкѣ (*Леббокъ*, Нач. цив., 173). Саксонъ—Грамматикъ говоритъ, что славяне на островѣ Ранѣ гадали, бросая три дощечки, съ одной стороны бѣлыя, съ другой черныя. Въ старинныхъ русскихъ юридическихъ документахъ встрѣчаются узаконенія о рѣшеніи тяжбъ жребіемъ. Въ числѣ запретныхъ книгъ старинной московской письменности упоминается Метаніе или Розгомечецъ. Жертва богамъ опредѣлялась жребіемъ. По словамъ Константина Порфиророднаго, руссы метали жребій и по его указанію однѣхъ птицъ закалали въ жертву, а другихъ пускали на волю. При св. Владимірѣ кіевляне метали жребій на отрока и дѣвицу, кого изъ нихъ принести богамъ въ жертву (*Аѳанасьевъ*, III, 382—386). Въ клеромантіи важное значеніе имѣетъ счетъ, особенно четъ и нечетъ (*Чубинскій*, III; *Терещенко*, VII, 248; *Леббокъ*, 173).

7) Въ южной Россіи сохранились любопытные остатки нѣкогда крупныхъ и важныхъ *гаданій по животнымъ*, коню, коровѣ и собакѣ. а) Гаданія по коню: въ волынской губ. завязываютъ лошади глаза и садятъ на нее дѣвушку; въ какую сторону пойдетъ лошадь, въ ту сторону дѣвушка выйдетъ замужъ (*Чубинскій*, III, 261).

Такое же гаданіе существуетъ и въ Великороссіи, при чемъ здѣсь выбираютъ бѣлую лошадь (*Терещенко*, VII, 239). Гадаютъ еще такъ: переводятъ лошадь черезъ оглоблю или шестъ; если она зацѣпится ногами, то будетъ злой мужъ и несчастливая жизнь (ib. 239). Въ древности жрецы въ Ретрѣ и въ Арконѣ водили коня черезъ копья и наблюдали, правой или лѣвой ногой онъ переступалъ черезъ нихъ (*Аѳанасьевъ*, I, 632). Повидимому, отъ древнихъ гаданій по коню идетъ часто встрѣчающаяся въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ примѣта, что если споткнется конь, то нужно ожидать несчастія. б) Гаданія по быку и коровѣ. Въ В. и М. Россіи дѣвушки гадаютъ, между прочимъ, такимъ образомъ: ночью входятъ въ хлѣвъ, и если наткнутся на вола, то скоро выйдутъ замужъ, если на корову, годъ быть въ дѣвицахъ, не менѣе (*Маякъ*, 1843, XI, 32; *Терещенко*, VII, 249). Подобное гаданіе существуетъ во Франціи въ провинціи Франшконте; подъ Рождество Христово въ полночь входятъ въ хлѣвъ, и если скотъ головой стоитъ къ дверямъ, то надо ждать ранней весны, спиной—холода затянутся (*Revue* d. trad. popul., 1888, 103). Гадаютъ еще по собакамъ: съ которой стороны послышится первый лай (подъ Рожд. Хр.), оттуда будетъ и женихъ (*Маякъ*, 38; *Чубинскій*, III, 262). Гаданій по внутренностямъ животныхъ въ Малороссіи, кажется, нѣтъ въ настоящее время.

8) Какъ извѣстно, у древнихъ народовъ, особенно грековъ, въ большомъ ходу была орнитомантія, или *гаданіе по птицамъ*. Въ В. и М. Россіи оно проявляется въ незначительныхъ размѣрахъ (*Чубинскій*, III, 261; *Маякъ*, 32; *Аѳанасьевъ*, II, 259; *Терещенко*, VII, 235). Въ харьковской губерніи по полету весной журавлей судятъ о предстоящемъ лѣтѣ. Въ В. и М. Россіи обычно гаданіе курицами и пѣтухами: какъ они клюютъ зерно, какъ подходятъ къ нему, когда поютъ, какъ садятся, брошенные на землю, какого цвѣта курица попадется въ руки ночью въ курникѣ и т. п. Важное значеніе пѣтуховъ и курицъ въ гаданіяхъ обусловлено тѣмъ, что въ древности они были предметомъ жертвоприношенія, на что есть многія указанія въ древне-русской письменности, на что указываетъ и Константинъ Порфирогенетъ. Какъ птица, очень близкая къ богамъ, пріятная имъ, пѣтухъ скорѣй людей постигалъ без-

молвную волю боговъ и открывалъ ее людямъ по запросу движеніемъ или крикомъ.

9) Въ связи съ гаданіемъ курицами стоятъ *гаданія яйцами.* Гадаютъ по тому, какую форму принимаетъ бѣлокъ, выпущенный въ стаканъ съ водой (*Чубинскій*, III, 261; *Терещенко*, VII, 252). У древнихъ грековъ было также гаданіе по яйцамъ, оскопія. Жрецы клали яйцо на огонь и замѣчали, гдѣ начиналось потѣніе, сверху или съ боковъ; лопнувшее яйцо означало гибель тому, для кого совершалось гаданіе. Въ Греціи было даже руководство къ яйцегаданію, составленное Гермагоромъ изъ Амфиполя (*Буше-Леклеркъ*, 148).

10) *Гаданія по водѣ* разнообразны; но при этомъ основной ихъ элементъ—вода—часто отодвигается на второй планъ по значенію, сравнительно съ тѣми предметами, которые кладутся въ воду,—углями, кольцомъ, вѣнкомъ. Вода—чистая, здоровая стихія, и ею пользуются для разгадки будущаго. Въ одной малорусской пѣснѣ вопрошаютъ криницу, и она даетъ отвѣтъ, какъ оракулъ. Въ В. и М. Россіи дѣвушки смотрятъ на святкахъ въ воду (иногда въ прорубь), съ надеждой увидѣть въ ней своихъ суженыхъ. Прислушиваются къ шуму воды на водяной мельницѣ, и по немъ заключаютъ о будущемъ лѣтѣ; по колебанію водъ 10 августа судятъ о предстоящихъ осени и зимѣ (*Аѳанасьевъ*, II, 193). Греки и германцы также гадали по журчанію ручьевъ, по гулу рѣчныхъ стремнинъ и водопадовъ. Гаданія посредствомъ бросанія въ сосудъ съ водой опредѣленныхъ предметовъ встрѣчается у африканскихъ народовъ (*Леббокъ*, Нач. цив., 173); они были извѣстны древнимъ грекамъ, при чемъ и въ Греціи, какъ нынѣ въ Россіи, соблюдались наговоры и обряды, сообщавшіе водѣ силу прорицанія (*Буше-Леклеркъ*, 152). Связь между гаданіями по рѣчному шуму и по шуму предметовъ, брошенныхъ въ сосудъ, очевидна. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимается во вниманіе не шумъ, а движеніе предмета въ водѣ, напр., въ гаданіяхъ по вѣнкамъ, брошеннымъ въ рѣку. Гаданіе по вѣнкамъ встрѣчается въ В. и М. Россіи, у болгаръ, хорватовъ, чеховъ (*Аѳанасьевъ*, II, 193), у кавказскихъ горскихъ евреевъ (*Вс. Миллеръ*, Сбор. матер. по этн., III, 222).

11) Къ гаданіямъ на водѣ подходятъ гаданія по другимъ жидкостямъ, растопленному *воску*, *олову*, а въ рѣдкихъ случаяхъ

въ старину даже *золоту*, именно, по тѣмъ фигурамъ, которыя даетъ жидкій воскъ или олово въ холодной водѣ (*Чубинскій*, III, 260; *Терещенко*, VII, 269, 272). Въ старину гаданіе на воскѣ было обычно въ помѣщичьихъ домахъ. Теперь гаданіе это рѣдко встрѣчается, по упадку пчеловодства и дороговизнѣ воска.

12) Важное значеніе имѣютъ *гаданія по огню* (печному, костровому, лучинному, свѣчному), къ которымъ примыкаютъ гаданія по дыму, сажѣ и углямъ. Въ этихъ гаданіяхъ выразились древній культъ огня и отождествленіе человѣческаго духа съ огнемъ. Заслуживаетъ вниманія гаданіе галицко-русскихъ о томъ, кто умретъ. Собираются въ хату участники въ игрѣ; дѣвушка зажигаетъ лучинки и раздаетъ ихъ присутствующимъ. Всякій держитъ лучину и поетъ:

Ай ке бымъ знавъ ежъ погину,
Запаливъ бымъ и свою хатыну:
Ней бы вона изгорѣла,
Що мене не приютыла!

Чья лучинка скорѣе погаснетъ, тому и умереть прежде. Тогда всѣ обступаютъ его и поютъ похоронное причитаніе:

Не покидай же насъ, нашъ милейкій,
У свѣтъ не ходь далечейкій:
Бо намъ безъ тебе, сивый голубе,
Ой тяжко, тяжко, ой тяжко буде!

И. И. Срезневскій, сообщившій это въ высшей степени замѣчательное гаданіе, добавляетъ, что въ старину, если лучина гасла у дѣвушки, то ее приготовляли къ смерти, одѣвали въ желтое и, положивши на столѣ, оплакивали, какъ мертвую; иногда парубокъ немедленно дѣлалъ предложеніе, и мнимо умершая воскресала (*Маякъ*, 1843, XI, 54). Гаданіе по сырымъ лучинкамъ встрѣчается въ Великороссіи: ясно горитъ—долго жить, съ искрами—будутъ болѣзни, потухнетъ—умретъ гадающій (*Терещенко*, VII, 251). Подобнаго рода гаданія примѣняются къ свѣчѣ: столкнутся на водѣ двѣ зажженныхъ свѣчи—значитъ дѣвушка выйдетъ замужъ (*Чубинскій*, III, 259); у кого изъ молодыхъ подъ вѣнцомъ болѣе сгоритъ свѣчи, тому ранѣе умереть. Всѣ гаданія этого рода, очевидно, основаны на понятіи о жизни и о духѣ, какъ огненныхъ элементахъ. Къ этимъ гаданіямъ примыкаютъ гаданія по тому,

какъ изъ печи, когда она топится, летятъ искры (въ В. и М. Россіи), что предвѣщаетъ гостей, гаданія по тому, какъ подъ Р. Хр. горитъ въ печи бревно—баднякъ (въ Сербіи), какъ долго жевріютъ уголья отъ бадняка (*Ястребовъ*, 34), что заранѣе опредѣляетъ степень плодородности предстоящаго года.

13) *Зола*, какъ предметъ близкій къ огню и печкѣ, входитъ во многія гаданія, напр., въ гаданіе съ хлѣбной лепешкой калетой (*Чубинскій*, III, 259), когда мажутъ сажей лицо; иногда золу бросаютъ съ угольями въ сосудъ съ водой для гаданія; посыпаютъ башмаки золой и ставятъ ихъ на ночь подъ кроватью; на чьихъ башмакахъ утромъ остается больше золы, той дѣвушкѣ предстоитъ счастливая жизнь (*Терещенко*, VII, 266). Обычай мазать лицо сажей во время рождественскихъ игръ и гаданій распространенъ былъ у многихъ народовъ (*Спенсеръ*, Опис. соц., 168; *Веселовскій* въ 32 т. Сборн. акад. наукъ). Важное значеніе золы—связь ея съ домовымъ—открывается въ одной латышской сказкѣ о домовомъ: хозяинъ бросалъ домовому на дворъ на кучу золы лучшія части кушаньевъ и жилъ благополучно; преемникъ его посмѣялся надъ домовымъ и ударилъ ногой о кучу золы, и у него стали болѣть ноги (*Вс. Миллеръ*, Сбор. матер. по этн., II, 81). У иранцевъ, имѣвшихъ очень развитый культъ огня, зола входила въ народныя повѣрья и обряды. Въ Авестѣ зола часто называется покрываломъ огня. Женщинамъ, родившимъ мертваго ребенка, золу давали внутрь для очищенія (*Дилленъ*, Дуализмъ въ Авестѣ, 113).

14) У славянъ, въ частности русскихъ, какъ народа земледѣльческаго, важное значеніе имѣютъ *гаданія по хлѣбу*, въ разныхъ его видахъ, на хлѣбныхъ зернахъ, мукѣ, хлѣбныхъ лепешкахъ. Гаданія по хлѣбу весьма разнообразны: смотрятъ, какъ выпекается хлѣбъ, какъ куры клюютъ хлѣбное зерно, пьютъ пшеничную муку съ водой и солью на ночь, приготовляютъ хлѣбные шарики или фигурки по числу парней и пр. и потомъ гадаютъ о замужествѣ, урожаѣ, здоровьѣ, жизни и смерти и пр. Гаданія по хлѣбу встрѣчаются у многихъ народовъ въ сходныхъ формахъ: малоруссовъ (*Чубинскій*, III, 259; *Маякъ*, 31, 39; *Аѳанасьевъ*, III, 744), великоруссовъ (*Терещенко*, VII, 240, 242, 254), французовъ (*Revue* des trad. popul., 1888, 7, 12), кавказскихъ

горскихъ евреевъ (*Вс. Миллеръ*, Сбор. матер., III, 303), у древнихъ грековъ (*Буше-Леклеркъ*, 149). Съ гаданіями по хлѣбнымъ зернамъ сходны гаданія по льну (*Чубинскій*, III, 259; *Маякъ*, 32) и по конопляному сѣмени (*Маякъ*, 30; *Основа*, 1862, IV, 91).

Нѣтъ, кажется, такого мелкаго неодушевленнаго предмета, относительно котораго съ увѣренностью можно было бы сказать, что онъ никогда не входилъ и не входитъ въ гаданія. Въ классической древности было вѣрованіе, что „божественный духъ входитъ ради предсказанія въ дерево, камни, муку". Отмѣтимъ здѣсь наиболѣе любопытныя малорусскія и сродныя съ ними гаданія по неодушевленнымъ предметамъ.

14) *Гаданіе на рѣшетѣ* обычно въ В. и М. Россіи, преимущественно для опредѣленія вора. Держатъ на одномъ пальцѣ рѣшето и произносятъ имена подозрѣваемыхъ въ воровствѣ лицъ. Рѣшето понемногу поворачивается и потомъ останавливается, замѣчаютъ, на какомъ имени, и носителя его считаютъ воромъ. Гаданіе по рѣшету, коскиномантія, извѣстно уже пастухамъ Ѳеокрита. Оно состояло въ наблюденіи движенія и остановки рѣшета, повѣшеннаго на ниткѣ (*Буше-Леклеркъ*, 150). Гаданіе это было обычной орудіей въ средніе вѣка. Въ „Гудибрасѣ" описывается „оракулъ рѣшета и ножницъ, который вертится такъ же вѣрно, какъ сферы" (*Кулишеръ*, Очерки срав. этн., 135). Гаданіе это встрѣчается еще въ Англіи (*Тэйлоръ*, Антропологія, 420), въ Германіи и въ Аравіи (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 344).

16) Въ малорусскихъ пѣсняхъ встрѣчается указаніе на существованіе *гаданія по камню*, безъ объясненія, въ чемъ оно состояло, какъ и о чемъ гадали. Намекъ на такое гаданіе, повидимому, кроется въ пѣснѣ: „Ой пиду я въ лисокъ", именно, въ словахъ:

Брешить, брешить, вориженькы,
Стоить камень край дориженькы,
Прыпадайте та и гадайте,
Тилькы мене не обсуждайте (*Чубинскій*, V, 145).

Повидимому, гаданіе здѣсь состоитъ въ прислушиваніи къ камню. Подобнаго рода гаданіе въ приложеніи къ дереву было въ древней Греціи. Въ Греціи было также обычно гаданіе по камнямъ, или литомантія (*Буше-Леклеркъ*, 151).

17) Гадаютъ по *полѣньямъ* дровъ (гладкое полѣно—добрый мужъ, суковатое—злой), по *кольямъ* въ плетнѣ (по послѣднему, четному или нечетному, или прійдется оно на словѣ молодецъ или вдовецъ); такъ гадаютъ въ Малороссіи (*Чубинскій*, III, 260, 261: *Маякъ*, 31, 39; *Основа*, 1862, IV, 90), въ Великороссіи (*Аѳанасьевъ*, II, 485; *Терещенко*, VII, 233, 249). Гаданіе по палкамъ встрѣчается, между прочимъ, у африканскихъ народовъ (*Леббокъ*, Нач. цив., 175).

Гаданіе на зеркалѣ, весьма распространенное въ старинное время въ помѣщичьей средѣ, простому народу, особенно малороссамъ, почти неизвѣстно, за отсутствіемъ самихъ зеркалъ; въ немногихъ хатахъ есть зеркальце, обыкновенно весьма маленькое.

144.

Сравнительно-этнографическія, аналогіи и параллели къ русскимъ, въ частности малорусскимъ, примѣтамъ и повѣрьямъ.

Многія гаданія по краткости и простотѣ переходятъ въ примѣты. Къ примѣтамъ примыкаетъ множество мелкихъ повѣрій и суевѣрій. Прежде чѣмъ приступать къ объясненію происхожденія и значенія народныхъ примѣтъ и повѣрій, нужно хотя приблизительно опредѣлить ихъ этнологическое и территоріальное распространеніе. Менѣе всего можно говорить о народности примѣтъ и повѣрій. Громадное ихъ большинство имѣетъ космополитическій характеръ и любопытны въ культурно-психологическомъ отношеніи, а не въ этнографическомъ и не въ историческомъ. Въ подтвержденіе этой мысли мы приведемъ нѣсколько десятковъ малорусскихъ повѣрій и примѣтъ, съ указаніемъ тождественныхъ инородныхъ. Такъ какъ приводимыя ниже примѣты и повѣрья встрѣчаются не только въ М. Россіи, но и въ Великороссіи, и въ Бѣлоруссіи, то для краткости мы будемъ ихъ называть просто русскими и ставить безъ особаго обозначенія въ первой строкѣ:

1) Заяцъ, встрѣтившійся на дорогѣ или пробѣжавшій мимо дома, означаетъ несчастье, неудачу; тоже въ Болгаріи (*Шишковъ*, Родопски Старини 1887, I, 12, *Любеновъ*, Баба-Яга, 1887, 41), во Франціи (*Wolf*, Beiträge, I, 251), въ Англіи въ XIV ст. и позднѣе (*Спенсеръ*, Опис. соц., 212), въ Норвегіи (*Liebrecht* Zur Volks-

kunde, 314); (въ древней Греціи очень боялись ласочки; *Буше-Лекл*, 258); въ Пруссіи (*Krause*, въ Zeitschr. f. Ethn. 1883, 87).

2) Пѣніе курицы предвѣщаетъ бѣду, несчастье; тоже въ Болгаріи (*Любеновъ*, 41).

3) Не даютъ изъ дома огня, особенно подъ вечеръ; тоже въ Норвегіи (*Lielrecht*, 316).

4) Когда корова даетъ молоко съ кровью, его выливаютъ въ огонь, въ наказаніе испортившей корову вѣдьмы; то же въ Норвегіи (*Liebr.*, 315).

5) Выпавшій у ребенка зубъ бросаютъ на печку, приговаривая: на тебѣ мышка, костяной, а мнѣ дай желѣзный; то же дѣлаютъ и въ Норвегіи, приговаривая: на тебѣ, мышка, костяной, а мнѣ дай золотой (Liebr., 319); то же въ Пруссіи (*Krause*, въ Zeitschr. f. Ethn., 1883, 79).

6) На Волыни на Ивана Купала кладутъ передъ дверьми кожевниковъ косу (*Kopern.*); въ Норвегіи ножъ или топоръ (*Liebr.*, 320).

7) Подъ Рожд. Хр. на дверяхъ и окнахъ пишутъ мѣломъ кресты; то же въ Норвегіи (*Liebr.*, 320); въ Пруссіи 30 апр. и 1 мая пишутъ кресты на одеждѣ и обуви дѣтей (*Krause*, 84).

8) Во время зѣвоты закрываютъ и крестятъ ротъ; то же въ Норвегіи, Германіи, Ирландіи, Италіи, Испаніи, Индіи, въ Африкѣ—въ Лоанго и др. мѣстахъ (*Liebr.*, 321).

9) Встрѣтиться съ мужчиной при отправленіи въ путь—хорошо, съ женщиной дурное предзнаменованіе; то же въ Норвегіи (*Liebr.*, 328), въ Англіи въ XI—XIV вв. (*Спенсеръ*, 212), въ Пруссіи (*Krause*, 89).

10) Когда кто уѣзжаетъ или выбирается изъ квартиры, не слѣдуетъ подмѣтать вскорѣ комнаты; то же въ Норвегіи (*Lieb.*, 323), въ Германіи (ib).

11) Домовой заплетаетъ гриву любимой лошади; не слѣдуетъ ее распутывать; то же въ Норвегіи дѣлаютъ карлики (*Liebr.*, 324).

12) Шумъ въ правомъ ухѣ обѣщаетъ радостную вѣсть, въ лѣвомъ дурную; то же въ Норвегіи означаетъ зудъ въ ушахъ (*Liebr.*, 327); въ Пруссіи шумъ въ ушахъ значитъ, что кто нибудь думаетъ, вспоминаетъ (*Krause*, 88).

13) Чешется правая ладонь—получать деньги, лѣвая—отдавать; то же въ Болгаріи (*Любеновъ*, 39), Норвегіи (*Liebr.*, 327).

14) Чешется переносье—будетъ вѣсть о смерти кого либо; въ Норвегіи—означаетъ гнѣвъ, досаду (*Liebr.*, 327); въ Пруссіи вѣрятъ, что носъ чешется передъ новостями (*Krause*, 90).

15) Крикъ сороки предвѣщаетъ гостей, то же въ Болгаріи (*Любеновъ*, 39), въ Норвегіи (*Liebr.*, 327).

16) Кошка умываетея—будутъ гости; то же въ Болгаріи (*Любеновъ*, 39), Норвегіи (*Liebr.*, 328).

17) Трещатъ въ печи дрова—будутъ гости; то же въ Норвегіи (*Liebr.*, 328).

18) Дождь во время вѣнчанія обѣщаетъ молодымъ счастливую жизнь (иногда обратно, слезы). Первое повѣріе встрѣчается въ Норвегіи, Греціи (*Liebr.*, 328), второе въ Пруссіи (*Krause*, 85).

19) Бѣлыя пятнышки на ногтяхъ обѣщаютъ подарки; то же въ Германіи, Англіи, Норвегіи; на Фаросскихъ островахъ называютъ ихъ Nornaspor (Nornenspuren) и говорятъ, что они указываютъ на счастье человѣка (*Liebr.*, 329).

20) Кто свиститъ или качаетъ ногами—забавляетъ черта; то же въ Норвегіи (*Liebr.*, 332), Греціи (ib., 200).

21) Три свѣчи на одномъ столѣ предвѣщаютъ несчастіе или смерть; то же во Франціи (*Wolf*, Beiträge, I, 248).

22) Качать пустую колыбель—ребенокъ будетъ болѣть или умретъ; то же въ Шотландіи, Голландіи, Швеціи, Германіи, Китаѣ (*Liebr.*, 361).

32) У насъ принято ломать скорлупу съѣденнаго яйца, безъ объясненія причины. Въ Португаліи также ломаютъ скорлупу яйца, чтобы въ немъ не поселились вѣдьмы (*Liebr.*, 375). Что и въ Малороссіи нѣкогда также объясняли ломку скорлупы, видно изъ другаго сходнаго повѣрья, которое я слышалъ въ харьковской губерніи; не слѣдуетъ вѣшать возлѣ иконъ пустыхъ писанокъ, чтобы въ нихъ не поселились злые духи. Въ Германіи, Голандіи и Англіи также ломаютъ скорлупу (ib).

24) Трескъ дерева (мебели) предвѣщаетъ несчастіе. Древніе греки также считали вѣщимъ трескъ деревянныхъ предметовъ (*Буше-Лекл.*, 146).

25) Повѣрье въ счастливые и несчастные дни было также въ древней Греціи (*Буше-Лекл.* 169); встрѣчается въ Норвегіи, Германіи и мн. др. странахъ (*Liebr.* и др.).

26) Волчій зубъ вѣшаютъ на шею дѣтямъ для облегченія зуборощенія; въ Пруссіи вѣшаютъ лисій зубъ (*Krause*, 84).

27) Нехорошо сидѣть за столомъ въ числѣ 13; кто нибудь изъ этого числа скоро умретъ; то же во Франціи, Германіи (*Krause*, 86).

28) Падаютъ деньги передъ деньгами, то же въ Пруссіи (*Krause*, 87).

29) Разбить стаканъ на родинахъ или на свадьбѣ—къ счастью; то же въ Пруссіи (*Krause*, 88).

30) Вставшій утромъ съ постели лѣвой ногой—цѣлый день бываетъ недоволенъ и терпитъ неудачи; то же въ Пруссіи (*Krause*, 90).

31) Разсыпать соль—ссора будетъ; то же въ Пруссіи (*Krause*, 91).

32) Тяжелые сны производитъ домовой, который ночью давитъ спящаго; въ Пруссіи—Альпъ (=домовой) (*Krause*, 92).

33) Крикъ кукушки опредѣляетъ число лѣтъ жизни; въ Пруссіи число лѣтъ до замужества (*Treichel*, въ Zeitschr. f. Ethn. 1884, 129).

34) Пересаливаетъ кухарка кушанья—значитъ влюблена; то же въ Пруссіи (*Treichel*, ib., 130).

35) Двумъ сестрамъ не слѣдуетъ вѣнчаться въ одинъ день; въ противномъ случаѣ одна изъ нихъ скоро умретъ; то же въ Пруссіи (*Treichel*, 130); въ Парижѣ (въ *Revue* d. trad. popul., 1888, 289).

36) Невѣстѣ въ башмакъ кладутъ монету; то же въ Пруссіи (*Treichel*, 131)

37) Перваго торга „не цураются", и по немъ судятъ объ успѣхахъ въ торговлѣ; то же въ Парижѣ (*Sibellot*, въ Revue d. trad. popul. 1888, 96).

145.

Поговорка про женскую разговорчивость.

Въ Малороссіи говорятъ: „якъ дви бабы та гуска, то ввесь базаръ“, „дви бабы торгъ, а три ярмарка“ (*Номисъ*, Приказки, §§ 9083—84). Ошибется тотъ, кто станетъ дѣлать выводы по этимъ пословицамъ о малорусскомъ народномъ юморѣ, малорусскомъ воззрѣніи на женщину. Точно такія поговорки встрѣчаются у многихъ другихъ народовъ. У англійскаго писателя XVIII ст. Свифта находится, между прочимъ, такая фраза: „Three women and a goose are enough to make a market“ (т. е. три женщины и гусь—цѣлый торгъ, или базаръ). Нидерландская пословица XV вѣка гласитъ, что „dreier wive gherucht maket een jaermerkt“ (три женщины—базаръ и ярмарка). Такія же пословицы въ настоящее время встрѣчаются въ Германіи и въ Италіи (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 495)

146.

Флѐндра, флёрка, финдюрка.

Слова флёндра, флёрка и финдюрка употребляются въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи для означенія развратной женщины, потаскухи (*Закревскій*, Старосв. бандур., 565; *Основа*, 1861, II). Въ словац. и польскомъ flandra (*Янчукъ*, Корниц. свад., 95; *Bartoszewicz*, Slownik). Г. Янчукъ уже воспользовался объясненіемъ Коллара, что слово фландра указываетъ на фламандца. Колларъ говоритъ, что названіе фламандца сдѣлалось позорной кличкой съ очень давнихъ временъ, вслѣдствіе усиленнаго наплыва жителей Фландріи въ славянскія земли (особенно около 1154 г.), гдѣ они бродили часто цѣлыми бандами и продѣлывали разныя непозволительныя вещи. У нѣмцевъ существуетъ пословица о непостоянствѣ фламандцевъ въ любви, „flandrische Liebe“—невѣрная, непостоянная любовь (*Янчукъ*, Корн. свад., 95). Слова флерка и финдюрка, полагаю, представляютъ искаженіе слова флендра, обусловленное презрительнымъ его значеніемъ.

147.

Бабье лѣто.

Въ Малороссіи „бабине лито“ бываетъ 1—8 октября. О происхожденіи этого названія К. Сементовскій, со словъ крестьянъ лубенскаго у. полтавской губ., сообщаетъ слѣдующее преданіе: когда то давно, очень давно въ эти дни случился сильный холодъ, а плоды съ деревьевъ не всѣ были собраны и неминуемо должны были пропасть; вотъ бабы, собравшись, стали молить Бога, чтобы было тепло; вдругъ по ихъ прошенію холодъ исчезъ, сдѣлалось тепло, какъ лѣтомъ, и плоды были собраны; тогда то недѣля послѣ Покрова и прозвалась „бабинымъ лѣтомъ“ (*Маякъ*, 1843, XI, 30). Въ харьковской губ. бабьимъ лѣтомъ называютъ первые теплые солнечные дни послѣ Покрова.

Въ Великороссіи бабье лѣто начинается въ однихъ мѣстахъ 1 сентября, въ другихъ 8 сентября и продолжается недѣлю. Въ Польшѣ и Чехіи подъ именемъ бабьяго лѣта разумѣютъ продолжительную теплую погоду осенью (*Терещенко*, Бытъ русск. нар., V, 144). Въ Болгаріи послѣдніе дни мѣсяца марта называются „бабини дни“. Они обыкновенно бываютъ холодными и вѣтряными. По народному повѣрью эти дни взяты у апрѣля такимъ образомъ: Одна старуха, на исходѣ марта, когда наступила хорошая погода и потеплѣло, сказала своимъ козамъ: „цицъ козица на планина, пѫрдни марту на брадина“ (т. е. ну-те, козочки, на горныя пастбища, нап....е въ бороду марта), и погнала козъ въ горы. Мартъ обидѣлся такимъ пренебреженіемъ къ нему старой бабы. „Апрѣль, мой побратимъ, сказалъ онъ, займи мнѣ денька три, чтобы сгубить эту старуху“. Апрѣль согласился. Сейчасъ же начался такой холодный вѣтеръ со снѣгомъ, что старушка замерзла вмѣстѣ со своими козами. Говорятъ, что до сихъ поръ видны каменообразныя фигуры старухи и козъ на Шаръ-планинѣ, между Албаніей и Македоніей (*Миладиновы*, Болг. нар. пѣсни, 523). Терещенко упоминаетъ о такомъ же преданіи у „карпатскихъ славянъ (?)“, безъ указанія источника (*Терещенко*, V, 144).

Нѣмцы издавна признаютъ „старое бабье лѣто (alter Weiber-Sommer). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи въ замѣнъ его является

Frauentag, Frauenabend, одинъ день или только нѣсколько часовъ въ году женскихъ; но въ это время мужья обязаны подчиняться женамъ и безпрекословно исполнять ихъ желанія и приказанія. Въ Брюсселѣ 19 января женщины считаются полновластными лицами, и мужья должны имъ повиноваться въ это время (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 379).

Терещенко приводитъ два мнѣнія о происхожденіи бабьяго лѣта, опровергая ихъ: первое, что бабье лѣто въ сентябрѣ является остаткомъ прежняго, отмѣненнаго Петромъ Великимъ лѣтосчисленія съ 1 сентября, и второе, что въ сентябрѣ видно на небѣ созвѣздіе Бабы т. е. Плеяды. Собственное мнѣніе Терещенка (V, 144) состоитъ въ томъ, что бабьимъ лѣтомъ начало октября названо потому, что въ это время бабамъ приходится много трудиться, какъ лѣтомъ. Очевидно, и это мнѣніе неудовлетворительно. Гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія мнѣніе Либрехта, что бабье лѣто является остаткомъ господства женщинъ, гинекократіи, о чемъ подробнѣйшее изслѣдованіе см. въ соч. Бахофена „Mutterrecht".

Отъ „бабьяго лѣта" и „бабиныхъ дней" слѣдуетъ отличать встрѣчающіяся въ Россіи и въ Болгаріи угощенія въ опредѣленные дни повивальныхъ бабокъ, которые также иногда называются „бабиными". Въ Россіи такіе дни бываютъ обыкновенно на 7 или 40 день послѣ родинъ при обрядовыхъ размывкахъ и одмывкахъ, въ Болгаріи на третій день Новаго года.

148.

Лѣсъ—bonum nullius.

Извѣстно, что простой народъ дѣлаетъ большое различіе между воровствомъ, напримѣръ, сноповъ въ полѣ, колодокъ съ медомъ, и воровствомъ, напримѣръ, рыбы въ чужомъ прудѣ или лѣса. Первое считается преступленіемъ, и виновный подвергается презрѣнію, насмѣшкамъ и наказаніямъ, а на покражу лѣса смотрятъ сквозь пальцы, особенно, когда лѣсъ рубятъ на дрова въ помѣщичьихъ лѣсахъ. Различіе тутъ опредѣляется степенью труда человѣка, притомъ личнаго. Хотя въ настоящее время раціональный уходъ за

лѣсомъ требуетъ большихъ хлопотъ и расходовъ, но даже и при такомъ уходѣ за лѣсомъ, крестьяне сохраняютъ на него древнюю точку зрѣнія, какъ на Божій даръ, въ родѣ воды, солнечнаго свѣта, который раститъ мать земля на общую потребу, и всѣмъ можно имъ пользоваться. Любопытно, что точно такое воззрѣніе на лѣсъ имѣютъ крестьяне въ Пруссіи, въ окрестностяхъ Берлина. Здѣсь также думаютъ, что лѣсъ не имѣетъ хозяина (herenloses Gut). „Онъ растетъ для всѣхъ“, говорятъ прусскіе крестьяне, и покражу лѣса потому не считаютъ преступленіемъ (*Krause*, Zeitschr. für Ethnol., 1883, 88).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в.[1]

Сколько мнѣ извѣстно, домашнихъ лѣчебниковъ, особенно малорусскихъ, издано у насъ до сихъ поръ не много [2]).

Время, когда переписаны или составлены печатаемые въ приложеніи лѣчебники, видно изъ слѣдующаго. Въ заглавіи тетради № V „Врачебникъ и пр.“ стоитъ 1776 годъ. Тетради №№ I—IV писаны разными почерками около того же времени. На испорченномъ и употребленномъ вмѣсто обложки полулистѣ тетради № III, на которомъ 1-мъ почеркомъ, какимъ писана вся тетрадь, начаты „Записки о лѣкарствахъ на разные болѣзни“,

---

[1]) Статья эта служитъ предисловіемъ къ помѣщаемымъ въ приложеніяхъ текстамъ самихъ лѣчебниковъ, любезно доставленныхъ редакціи почтеннымъ авторомъ. Въ настоящей 1-ой книжкѣ журнала за текущій годъ мы помѣщаемъ часть этихъ текстовъ, надѣясь въ слѣдующихъ двухъ или трехъ книжкахъ закончить ихъ и прося, между прочимъ, любителей рукописной старины впредь сообщать редакціи всякія дополнительныя свѣдѣнія и замѣтки по этому вопросу.—*Ред.*

[2]) Изъ малорусскихъ—только:

П. А. Сырку. Отрывокъ малорусскаго простонароднаго лечебнаго травника и два заговора. По ркп. нач. XVII в. Филологич. Записки 1883 г. вып. I, стр. 1—4 (предисл.) и 5—12 (текстъ).

Изъ великорусскихъ:

а) *Изъ лѣчебника* (XVII в.) по Синод. рук. № 480, *Буслаевъ*, Ист. христ. 1861 г., стр. 1351—4.

б) *В. Соколовъ*, Матеріялы для исторіи старинной русской лѣчебной литературы. Лѣчебникъ № 480 московской патріяршей (нынѣ Синодальной) библіотеки (Описаніе). Варшавскія Университ. Изв. 1872, № 6, стр. 65—115.

2-мъ почеркомъ лица, пользовавшагося этою тетрадью и сдѣлавшаго приписки подъ 4-мя статьями, въ серединѣ и въ концѣ, сдѣлано нѣсколько замѣтокъ, въ коихъ значатся годы 1767 и 68 [1]).

Изъ этихъ замѣтокъ видно, что писавшій принадлежалъ къ полковой или сотенной старшинѣ и, судя по мѣсту, гдѣ найдены тетради (хуторъ за Борозенкою, между Ромномъ и Хмеловомъ) и по фамиліямъ, упомянутымъ въ замѣткахъ, носимымъ и теперь тамошними козаками (Сарана за Борозенкою, Дзюба въ Засульѣ), жилъ въ нынѣшнемъ роменскомъ уѣздѣ.

Назвать эти лѣчебники „простонародными“, какъ это дѣлаютъ относительно своихъ гг. Сырку и Флоринскій безъ достаточныхъ основаній, считаю невозможнымъ. Мои тетрадки приблизительно отвѣчаютъ на вопросъ, чѣмъ лѣчились „Старосвѣтскіе помѣщики“, родители Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, да и они сами. Устная, простонародная традиція оставила здѣсь мало слѣдовъ, къ числу коихъ относится заговоръ отъ падежа, записанный, какъ дѣйствительное медицинское

в) *В. М. Флоринскій.* Русскіе простонародные травники и лѣчебники. Собраніе медицинскихъ рукописей XVI и XVII столѣтія. Казань. 1879, XVIII+229 (Изв. и Уч. Зап. И. Каз. ун. 1879, янв., авг. и 1880, ноябрь, декабрь). Здѣсь между прочимъ «Книга глаголемая прохладный вертоградъ» (Hortus amoenus), 1672 (переводъ съ нѣмецкаго).

[1]) «Гридко шинкарь за 3 кадки горѣлки, всякая кадка по 5 р. 80 ко, и того 17 р. 40 ко».

«Реестръ, сколко от полковой канцелярии мною на умершихъ старшины и козаковъ денегъ принято, под симъ явствует, 1767 году, ноября 9».

«Умершого А. Саранчи по .... вислужен(ню?) Александра Цвѣлинского (пропускъ) .... 2 р. 70 ко. пропало 80 ко. .... дано женѣ его .... Бежа .... на Федора Тимошенка 6 р. 60 ко...

... «Умершого Верещаки Павленка 3 р. Козловского 4 р. умершого Дзюби его жи... 7 р. 80 к... Итого 24 р. 10 к.

Трохимъ Балабанъ горлки узялъ кварть 7.

в домъ посилается 768 году мая 28 числа .. . риби .... коропозъ 10, шчуки и другои риби 23, смушковъ малихъ сто девять, болшихъ 4, старихъ мерлиц 7, мѣшковъ порожнѣхъ на рибу 2, починка 1.., вовни сто тридцят чотирѣ ... лону белого пучков великих 10, малих 4 ... 14 рубашок ... шкура велика с кобили белои и маленка с лошахи».

средство (подъ значкомъ Rp. (recipe) владѣльцемъ тетради № III, подъ числомъ 153. Подобными же значками тою же рукою отмѣчены и нѣкоторыя другія, повидимому испытанныя, средства, между прочимъ и *живые* вьюны отъ падежа скота.

Способъ, какимъ составлены эти тетрадки, виденъ изъ тетрадки № IV, представляющей выборки частью изъ тетр. I—III, частью изъ другихъ источниковъ. Разнородность письменныхъ источниковъ, восходящихъ къ XVII и даже (посредственно) къ XVI вѣку, видна и изъ разнородности и непослѣдовательности языка. Такъ, въ заглавіяхъ статей рядомъ съ „на (то-то)“, „отъ (того-то)“, „естлы“, „коли...“, „ежели кто...“ стоитъ и старинный дательный цѣли „сухотамъ“, „урокамъ“; при „итемъ“ (item)—„такожде“ и „такожъ“; при туземныхъ или польскихъ словахъ—слова, взятыя изъ источниковъ великорусской редакціи: водка въ знач. воды (напр. рожевая) и водка горилка, олѣкъ (рожевой) и масло (рожевое), пожитъ и насморкъ, поживать, уживать и употреблять, принимать, кушати, поки и покамистъ; треба, потрѣбно и надобно, трохи и немножко, добре и горазда, очи и глаза, хлѣба осередокъ и мякишъ булки и т. п.

Въ средѣ нѣсколько выше той, на какую указываютъ наши тетрадки, медицинскія свѣдѣнія могли заимствоваться не только изъ переводныхъ сочиненій, въ родѣ Hortus amoenus (см. выше прим. 1, в), но и прямо изъ иностранныхъ книгъ, популяризовавшихъ медицину и естествознаніе своего времени. Изъ такихъ книгъ у меня подъ рукою:

„Curieuses und reales Naturkunst-Berg-Gewerck und Handlungs-Lexicon etc... nebst einem ausführlichen Vorbericht Herrn Iohann Hübners (1-е изд. 1712 г., у меня 1746);

Jablonski, Allgemeines Lexicon der Künste und Wissenschaften etc. 1778.

Подобныя книги довольно убѣдительно доказываютъ, что понятія „научности“, „раціональности“, доказанности“ весьма измѣнчивы и если наше время не составляетъ исключенія, и впредь будутъ таковы. Въ нихъ иное, какъ „beschreyen“ (уроки) называется уже смѣшнымъ предразсудкомъ, но сообщается, какъ научная истина или вѣроятное мнѣніе знающихъ людей,

многое такое, что, просочившись сквозь разные слои общества, теперь доживаетъ свой вѣкъ на днѣ его.

Такъ изверженія, употребляемыя нынѣ, кажется, только простымъ народомъ (ср. Чубинскій, Тр. etc., I, 113), нерѣдко упоминаемыя въ нашихъ тетрадкахъ („псее, мишачее, заячее лойно"), считались раціональнымъ средствомъ еще въ XVIII в. и носили вѣжливыя названія, какъ „album graecum" (собачье), „album nigrum" (muscerda). Были спеціальныя медицинскія сочиненія, какъ „Dreck-apotheke" нѣкоего Paullini, гдѣ достоинство такихъ средствъ, говоря по нынѣшнему „war kritisch beleuchtet und wissenschaftlich bewiesen". Такъ съ точки зрѣнія „Curieuses Lexicon" раціональны и многія другія животныя лѣкарства; ср. напр. сова внутрь отъ слабости зрѣнія и (въ Lex.) ulula; „гнѣздо ластовиное" и schwalbennest; „ужова шкура" exuviae serpentum; паукъ и spinne; нѣдвядковой олѣекъ и tarantismus; „на ко́лку—зубъ вепровой, щока щучая" и lucius, mandibulae lucii (аптечное средство); ёжъ и igel; „лосиное копито" и elend и др.

Въ нынѣшней простонародной медицинѣ правило „similia similibus curantur" понимается не только въ смыслѣ „чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись" (напр. „мозгомъ укусившей змѣи мажутъ укушенное мѣсто", Чубинск., Тр., I, 122), но и такъ, что болѣзнь, характеризуемая извѣстнымъ признакомъ, напр. колотьемъ, краснотою, синевою или желтизною опухоли или сыпи, излѣчивается пріемомъ, иногда минимальнымъ, даже идеальнымъ (въ приглядку), вещи, характеризуемой тѣмъ же признакомъ, напр. „отъ жовтяниць—коралі, крокісъ, жовтокъ" (Чуб., Тр., I, 113) или—*смотрѣть* въ вычищенный мѣдный тазъ, въ которомъ плаваетъ *красноперый* окунь.

Въ нашихъ тетрадкахъ сюда—„шапранъ" отъ жовтяниць и на рожу; отъ той же болѣзни „паперъ лазуровой"; „отъ жовтои роби—з судна золотого пити". Въ Curieuses Lexic. „Saffran-tuch, linteum Crocatum Mynsichti... Es soll ein ganz admirabel mittel wider die Rose и die Gicht-schwerzen segn".

А. Потебня.

Беата и Гальшка.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ПОЛЬСКО-РУССКОЙ ЖИЗНИ XVI В.

ЯК. КАРО.

(*Переводъ съ нѣмецкаго*).

Предисловіе автора.

Если бы предлагаемый разсказъ былъ основанъ на вымышленныхъ событіяхъ, автора справедливо можно было бы упрекнуть въ нарушеніи перваго условія всякаго истиннаго искусства—чувства мѣры. Между тѣмъ, дѣйствительная жизнь, какъ увидитъ читатель, выдвигаетъ иногда положенія до такой степени чрезвычайныя, что они показались бы даже неумѣстными въ произведеніи поэтическаго творчества. Въ этомъ отношеніи историкъ имѣетъ передъ романистомъ драгоцѣнное преимущество, которое съ избыткомъ вознаграждаетъ его за другія неудобства, неизбѣжно связанныя съ обязательной для него манерой изложенія: историкъ передаетъ читающему факты дѣйствительной жизни, онъ обязанъ говорить правду. Авторъ разсчитываетъ на вниманіе къ предлагаемому разсказу именно потому, что послѣдній всецѣло основанъ на фактахъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію. Разсказъ составленъ по матерьяламъ, строго провѣреннымъ исторической критикой и не подлежащимъ спору, по оффиціальнымъ грамотамъ, письмамъ, показаніямъ свидѣтелей, отчетамъ пословъ и т. п.; большая часть этихъ данныхъ собрана и опубликована въ трудѣ покойнаго гр. Александра Пшездзѣц-

каго: „Jagiełłonki polskie w XVI wieku“, т. II и IV. Лично отъ себя авторъ ничего не добавилъ; онъ старался по возможности точно воспроизвести характеръ и колоритъ матерьяловъ, которыми пользовался, и даже умышленно придерживался сухого тона своихъ источниковъ: лишь такимъ путемъ считалъ онъ возможнымъ убѣдить читателя, что вводитъ его въ міръ дѣйствительныхъ событій [1]).

I.

Въ кругу дамъ, составлявшихъ свиту польской принцессы Изабеллы на свадьбѣ ея съ Іоанномъ Заполья въ началѣ 1539 года, особенно блистала красотой Беата Косцелецкая, дочь каштеляна войницкаго. Заботу объ ея воспитаніи приняла на себя королева Бона Сфорца, несмотря на то, а быть можетъ именно потому, что злые языки говорили, будто въ жилахъ Беаты те-

[1]) *Отъ переводчика.* Считаемъ нелишнимъ сообщить здѣсь краткія свѣдѣнія объ авторѣ предлагаемой повѣсти, который въ то же время является однимъ изъ лучшихъ знатоковъ и плодовитѣйшимъ изслѣдователемъ исторической Польши.— Д-ръ Якобъ Каро, нынѣ профессоръ исторіи въ бреславльскомъ университетѣ, род. 2 февраля 1836 г. въ польскомъ городѣ Гнѣзенѣ. Первый его историческій трудъ „Das Interregnum Polens im Jahr 1586, oder die Häuser Zborowsky und Zamojsky“ (Gotha, 1861) доставилъ Каро репутацію серьезнаго изслѣдователя, такъ что издатели извѣстной „Geschichte der europäischen Staaten“, Геерень, Укертъ и В. Гизебрехтъ, поручили ему продолженіе блистательно начатой, но прерванной смертью Рёпнеля на первомъ томѣ „Geschichte Polens“ (въ общей серіи вып. 17-й), трудъ, надъ которымъ Каро съ значительнымъ успѣхомъ работаетъ до настоящаго времени: дальнѣйшіе томы „Исторіи Польши“ соч. Каро продолжаютъ выходить въ той же серіи. Въ интересахъ порученнаго ему труда, Каро совершилъ поѣздки въ Галичину и южную Россію и въ 1863 году выступилъ доцентомъ по каѳедрѣ исторіи въ Іенѣ; въ 1864 г. онъ совершилъ поѣздку на югъ Россіи и затѣмъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Іенѣ, а съ 1878 года профессоромъ въ Бреславлѣ. Кромѣ помянутыхъ выше, извѣстны еще слѣдующіе его труды: „Johannes Longinus. Ein Beitrag zur Litteraturgeschichte“ (Іена, 1863); „Lessing und Swift. Studien über Nathan den Weisen“ (Іена, 1869; замѣтимъ здѣсь, что Каро по происхожденію еврей); „Liber cancellariae Stanislai Ciołek. Ein Formelbuch der polnischen Königskanzlei aus der Zeit der hussitischen Bewegung“; 2 т. (Wien, 1871—74), „Katharina II von Russland“, диссерт. (Breslau, 1876), „Aus der Kanzlei Kaiser Sigismunds. Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Constanzer Concils“ (помѣщ. въ Archiv'ѣ für österreich. Geschichte 1879 г.); „Das Bündniss zu Canterbury“ (Gotha, 1880); „Ueber eine Reformationsschrift des 15

четъ кровь короля Сигизмунда [1]). Беатѣ шелъ въ ту пору двадцать четвертый годъ, и ея манера держать себя и осанка повидимому подтверждали такую молву. Польскій подражатель Кортеджіано, Горницкій, сообщаетъ, что къ Беатѣ всѣ относились съ такимъ почетомъ, какой подобалъ-бы развѣ королевской родственницѣ, а поэтъ Андрей Крицкій, посвятившій ей такъ наз. „прозу" въ латинскихъ виршахъ, воспѣваетъ Беату, которая, по его словамъ, умѣла вскружить голову даже старцу и мудрецу.

Она была въ замужествѣ за старостой брацлавскимъ и винницкимъ, кн. Ильей Острожскимъ, сыномъ литовскаго коронаго гетмана Константина Острожскаго, побѣдителя при Оршѣ, Вишневцѣ, Ольшаницѣ и въ другихъ сраженіяхъ. Король называлъ кн. Константина „столпомъ отечества", о немъ говорили какъ о „русскомъ Сципіонѣ". Князья Острожскіе производили родъ свой отъ Рюриковичей; въ эпоху соединенія Литвы съ Польшей при Владиславѣ-Ягайлѣ они тѣсно примкнули къ великокняжескому уряду въ Вильнѣ и благодаря важнымъ военнымъ заслугамъ достигли самостоятельности въ своемъ удѣльномъ княжествѣ Острожскомъ и вообще высокаго положенія въ странѣ. Земельныя пожалованія великихъ князей литовскихъ и выгодные браки постепенно увеличивали родовое имущество Острожскихъ, и въ первой трети 16 столѣтія князь Константинъ былъ не

Jahrhunderts" (помѣщ. въ Zeitschrift des westpreus. Geschichtsvereins 1882); наконецъ, „Beata und Halszka. Eine polnisch—russische Geschichte aus dem 16. Jahrhundert" (Breslau, 1883), переводъ которой предлагаемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что изданный гр. Яблоновскимъ матеріалъ еще раньше Каро былъ обработанъ извѣстнымъ галицкимъ историкомъ д-ромъ Ис. Шараневичемъ („Гальшка, княгиня Острожска. Оповѣданэ историчне". У Львовѣ, 1880), трудъ котораго, болѣе полный и обстоятельный, вѣроятно былъ извѣстенъ д-ру Каро. Мы взяли для перевода обработку Каро въ виду того, что она, сравнительно съ соч. Шараневича, отличается большею живостью разсказа и свободна отъ тѣхъ отступленій и растянутости, которыми до извѣстной степени страдаетъ разсказъ галицкаго историка.— Нѣкоторыя незначительныя погрѣшности Каро по возможности исправлены при переводѣ.

[1]) Беата родилась нѣсколько недѣль спустя по смерти своего отца. Вдовый кор. Сигизмундъ I имѣлъ отъ вдовы Косцелецкаго сына Януша, назначеннаго впослѣдствіи епископомъ виленскимъ и, позже, познанскимъ.— *Пр. пер.*

только однимъ изъ самихъ доблестныхъ и знаменитыхъ, но также и богатѣйшимъ литовскимъ магнатомъ. Щедрый, какъ всѣ потомки Ягайла, Сигизмундъ не уставалъ славить и награждать гетмана за его услуги, и король не слишкомъ преувеличивалъ, выразившись въ своей грамотѣ по поводу побѣды кн. Константина при Ольшаницѣ, гдѣ погибло до 25000 татаръ, что гетманъ можетъ сравняться не только съ современниками, но даже съ полководцами древности.

Когда кн. Константинъ вступилъ въ первый бракъ съ княжной Татьяной Гольшанской, онъ былъ уже немолодъ,—ему было за пятьдесятъ. Татьяна принадлежала къ богатѣйшимъ наслѣдницамъ въ Литвѣ и принесла гетману богатое приданое и многочисленныя помѣстья. Отъ этого брака родился сынъ, получившій при крещеніи имя Ильи. Десяти лѣтъ отъ роду, мальчикъ потерялъ мать. Престарѣлый кн. Константинъ, несмотря на свои 62 года, чувствовалъ себя достаточно бодрымъ, чтобы послѣдовать „приказанію своего всемилостивѣйшаго господаря и совѣту друзей“ и вступить во второй бракъ. Выборъ его палъ на княжну Александру Слуцкую,—еще раньше герою случилось оказать матери своей будущей жены важную услугу удачной стычкой съ татарами и заслужить благодарность всего рода Слуцкихъ. Сговоры происходили 22 іюля 1522 года, но день свадьбы еще не могъ быть назначенъ, такъ какъ престарѣлый воинъ собирался выступить въ походъ по повелѣнію короля. Впрочемъ, уже въ предварительномъ свадебномъ договорѣ („заруки“) было выражено условіе, въ силу котораго будущіе потомки отъ новаго брака должны пользоваться такими же семейными и наслѣдственными правами, какъ и старшій сынъ Илья. Дѣйствительно, у князя родилось двое дѣтей, сынъ Василій и дочь. Но недолго пришлось кн. Константину наслаждаться семейнымъ счастьемъ: этотъ блестящій и знаменитый воинъ былъ унесенъ смертью въ 1530 году, уже 70-лѣтнимъ старикомъ [1]). Въ притворѣ св. великому-

[1]) Временемъ смерти кн. Конст. Острожскаго обыкновенно считается 1533 г., а по мнѣнію г. Романовскаго князь умеръ еще ранѣе 1 авг. 1531 г. (См. Труды III археол. съѣзда, т. II стр. 209). Во всякомъ случаѣ, дата не имѣетъ здѣсь особеннаго значенія. *Пр. пер.*

ченика Стефана въ Кіево-Печерской лаврѣ и донынѣ покоятся останки героя, подъ сохранившимся до сей поры надгробіемъ.

Въ 1522 г., когда кн. Константинъ Острожскій женился вторично, сыну его Ильѣ было не болѣе 11 лѣтъ, но король, чтобы поощрить мальчика „къ подражанію доблестямъ предковъ", обезпечилъ за нимъ наслѣдство въ староствахъ брацлавскомъ и винницкомъ. Съ своей стороны, кн. Илья повидимому не имѣлъ никакой охоты дѣлиться остальнымъ наслѣдствомъ съ мачихой и единокровными братомъ и сестрой. Подъ тѣмъ предлогомъ, что вдова присвоила себѣ часть денегъ, драгоцѣнностей и разной другой движимости, принадлежавшихъ ему по праву наслѣдства послѣ своей матери кн. Татьяны, Илья, лишь только похоронили отца, напалъ съ сотней конныхъ слугъ на беззащитный Туровскій замокъ, вдовье имѣніе своей мачихи, опечаталъ все имущество и бумаги, въ числѣ которыхъ было и завѣщаніе покойнаго гетмана, и посадилъ въ замкѣ своего управителя.—Между тѣмъ княгиня Александра нашла защитника въ лицѣ своего брата, кн. Юрія Слуцкаго, который занесъ жалобу королю. Сигизмундъ велѣлъ кн. Ильѣ возвратить Туровскій замокъ законной владѣлицѣ и ожидать въ будущемъ королевскаго суда о спорной движимости. Кромѣ того, уже тогда было опредѣлено, что выдѣлить приданое младшей дочери покойнаго кн. Константина обязана не вдова послѣдняго, а оба старшіе брата. Впрочемъ, послѣдніе, кажется, вскорѣ избавились отъ этой обузы, благодаря смерти дѣвочки: съ тѣхъ поръ о ней нигдѣ не упоминается.

Гораздо болѣе запутаннымъ и опаснымъ оказывался процессъ, по которому кн. Илья долженъ былъ отправиться въ Краковъ нѣсколько лѣтъ спустя.

Вскорѣ по полученіи Ильей права на наслѣдство въ доходныхъ староствахъ брацлавскомъ и винницкомъ, его отецъ кн. Константинъ Острожскій рѣшилъ съ своимъ лучшимъ другомъ и товарищемъ по оружію, Юріемъ Радзивиломъ, однимъ изъ первыхъ сановниковъ въ Литвѣ, скрѣпить эти узы дружбы родственною связью. Правда, обѣ дочери Радзивила были еще совсѣмъ юны: старшей, Аннѣ, исполнилось пять лѣтъ, а младшая,

Варвара, родилась за годъ до того, въ 1522 г. Но Ильѣ въ ту пору также было не болѣе двѣнадцати лѣтъ, и кромѣ того, родители вовсе не имѣли въ виду связывать дѣтей противъ ихъ воли. „Заруки“ 1523 года должны были вступить въ силу лишь въ томъ случаѣ, если бы совершеннолѣтніе Илья и Анна изъявили на это свое свободное согласіе. Родители нимало не сомнѣвались, что согласіе будетъ дано, поэтому заранѣе позаботились устранить единственное серьезное препятствіе своему плану, вытекавшее изъ различія вѣры обѣихъ сторонъ: Илья былъ православный, Анна принадлежала къ католической церкви. Необходимо было разрѣшеніе папы, и Климентъ VII уже въ мартѣ 1523 года выдалъ разрѣшительную буллу безъ всякихъ затрудненій, во вниманіе къ заслугамъ кн. Константина Острожскаго передъ всѣмъ христіанскимъ міромъ.

Между тѣмъ, со смертью кн. Константина панъ Юрій Радзивилъ повидимому измѣнилъ свои планы. Вскорѣ послѣ этого онъ вступилъ въ переговоры съ знатнымъ воеводою Альбрехтомъ Гаштольдомъ о бракѣ Анны съ сыномъ послѣдняго Станиславомъ. Когда все было рѣшено, родители сообщили о результатѣ переговоровъ молодому кн. Ильѣ, добавивъ при этомъ впрочемъ, что панъ Юрій охотно отдалъ бы за богатаго князя свою вторую дочь Варвару, которой въ то время было 12 или 13 лѣтъ,— тогда еще никто не могъ предвидѣть, что Варвара впослѣдствіи станетъ польской королевой. Судя по всему, Илья отнесся къ этому рѣшенію самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Панъ Радзивилъ понялъ, что благодаря своему вѣроломству пріобрѣлъ врага въ молодомъ князѣ. Эта перспектива вовсе не улыбалась ему, поэтому онъ вновь пустился на хитрости. Къ концу 1536 года ему удалось убѣдить воеводу Гаштольда, что Станиславу удобнѣе жениться на его младшей дочери Варварѣ, и затѣмъ попытался вернуться къ условіямъ касательно Анны, нѣкогда заключеннымъ съ кн. Константиномъ. Но на этотъ разъ его ожидало жестокое разочарованіе. Къ величайшему изумленію Радзивила, князь Илья рѣшительно заявилъ, что соглашеніе съ покойнымъ родителемъ для него вовсе не обязательно и что ему вольно избрать жену по собственному желанію. Безуспѣшно

пробовалъ панъ Радзивилъ перенести споръ на разрѣшеніе короля: послѣдній долженъ былъ высказаться въ пользу Ильи, тѣмъ болѣе, что „заруки“ 1523 года были обусловлены свободнымъ согласіемъ молодыхъ людей. Болѣе всего потерпѣла въ этомъ случаѣ бѣдная Анна Радзивилъ. Тогда какъ ея сестра Варвара вышла замужъ за молодого Гаштольда, Анна въ теченіи десяти лѣтъ ожидала мужа, и лишь когда Варвара стала польской королевой, удалось, не безъ содѣйствія послѣдней, подыскать для старшей сестры приличнаго жениха.

Теперь Илья былъ свободенъ. Онъ могъ располагать собою, и выборъ его палъ на очаровательную и прославленную за красоту Беату, дочь каштеляна Андрея Косцелецкаго, которая получила воспитаніе при дворѣ королевы Боны и состояла въ близкомъ родствѣ съ королевскимъ домомъ,—если даже слухи объ ея происхожденіи лишены были, какъ слѣдуетъ полагать, всякаго основанія. Беатѣ исполнилось 23 года, когда 28-лѣтній князь Илья заявилъ притязаніе на ея руку, столь желанную для многихъ соискателей. Во всей польской коронѣ немногіе могли состязаться въ этомъ случаѣ съ литовскимъ магнатомъ. Человѣкъ во цвѣтѣ лѣтъ, богатый наслѣдникъ многочисленныхъ имѣній, вліятельный владѣтель брацлавскаго и винницкаго староствъ, обладатель различныхъ родовыхъ привилегій,—онъ и его потомки могли употреблять красную восковую печать, что по современнымъ понятіямъ составляло принадлежность верховной власти,—сынъ знаменитаго воина и героя, щедро расточавшій свои громадные доходы, въ случаѣ недостатка которыхъ во всякое время могъ располагать родовыми драгоцѣнностями для обмѣна на наличныя деньги—могла ли отказать ему прекрасная Беата, которая, какъ увидимъ, высоко цѣнила преимущества этого рода? Согласіе было дано, и въ самый день свадьбы принцессы Изабеллы, приводившей въ восторгъ всѣхъ съѣхавшихся гостей своей блистательной красой, Беата сдѣлалась счастливой и многообѣщающей невѣстой. День спустя послѣ вѣнчанья Іоанна Заполья, 4 февраля 1539 года она предстала предъ алтаремъ съ кн. Ильей Острожскимъ, который весьма недурно выглядѣлъ въ своемъ бархатномъ убранствѣ, серебряныхъ доспѣхахъ, рос-

кошномъ татарскомъ поясѣ и украшенныхъ дорогими серебряными бляхами сапогахъ.

Молодые новобрачные недолго оставались въ Краковѣ, чтобы окончить всѣ необходимыя въ подобномъ случаѣ семейныя дѣла. Илья увезъ „княгиню Илину", какъ называли теперь по русскому обычаю Беату, въ свой родовой замокъ Острогъ на Волыни и окружилъ ее цѣлымъ штатомъ придворныхъ дамъ, какъ это было прилично для госпожи столь могочисленныхъ имѣній. Беата старалась отплатить за расположеніе своего мужа доказательствами искренней любви и преданности, и конечно вѣнцомъ счастья кн. Ильи была та минута, когда Беата подала ему надежду, что славный родъ Острожскихъ можетъ надѣяться на прибавленіе новаго члена.

Для лучшаго уясненія послѣдующихъ событій, необходимо остановиться подробнѣе на дѣлахъ нашихъ супруговъ въ Краковѣ и доказательствахъ ихъ взаимной преданности, какъ ни мало интересенъ самъ по себѣ этотъ предметъ. Уже мѣсяцъ спустя послѣ свадьбы, Беата была объявлена свободною отъ опеки короля и пана Северина Бонера, попеченію которыхъ вручилъ ее отецъ передъ смертью. Относящіяся сюда грамоты помѣчены 1 марта 1539 года. Теперь слѣдовало опредѣлить брачное вѣно. Съ разрѣшенія короля, кн. Острожскій обезпечилъ за женой сумму около 33,082 золотыхъ на третьей части своего отцовскаго наслѣдства. Между тѣмъ княгиня повидимому не принесла своему мужу въ приданое значительныхъ денегъ, потому что уже въ то время князю пришлось заложить краковскому купцу Шиллингу свое серебро за 1000 золотыхъ, а еще ранѣе часть серебра была заложена въ Литвѣ у нѣкоего пана Скоруты и у пана Жабы. За то Беата подарила мужу разнаго рода драгоцѣнности, жемчугъ и дорогіе камни и заняла ему 6000 золотыхъ, „которые она получила отъ друзей". Повидимому, князь старался въ это время привести въ порядокъ свои имущественныя дѣла; такъ, онъ заявилъ притязаніе на наслѣдство кн. Кузьмы Заславскаго послѣ смерти отца послѣдняго кн. Андрея, который состоялъ должникомъ покойнаго Константина Острожскаго. Король отложилъ разрѣшеніе этого спора до своего

прибытія въ Литву, и такимъ образомъ новобрачные могли свободно уѣхать изъ Кракова.

Въ пылу восторга отъ многообѣщающаго заявленія Беаты, почувствовавшей себя матерью, счастливый Илья записалъ женѣ и ея будущимъ дѣтямъ три богатыхъ замка (Степань, Сатыевъ и Хлапотынъ) съ тянувшими къ нимъ дворищами и селами, а въ награду за заемъ 6000 золотыхъ отдалъ Беатѣ въ пожизненное владѣніе дошедшій къ нему отъ матери замокъ Ровно также съ селами и дворищами.

Но не долго суждено было длиться счастью молодой пары. Два блаженныхъ лѣтнихъ мѣсяца 1539 года провели они въ Острогѣ, какъ вдругъ въ августѣ кн. Илья захворалъ такъ жестоко, что нужно было позаботиться о спасеніи души и судьбѣ любимой жены и ея ожидаемаго потомства. Волынскій маршалъ кн. Ѳедоръ Сангушко былъ его „лучшимъ другомъ на этомъ свѣтѣ“, Илья называлъ его братомъ, поэтому желалъ поручить ему свою жену и будущаго ребенка. Илья пригласилъ Сангушка въ Острогъ и въ его присутствіи 16 августа продиктовалъ духовное завѣщаніе, собственноручно подписался и привѣсилъ печать краснаго воска,—прерогатива дома Острожскихъ. Завѣщаніе составлено въ простыхъ и ясныхъ выраженіяхъ. Князь позаботился обо всемъ, какъ благочестивый господарь и добрый отецъ семейства. Согласно его послѣдней волѣ, тѣло его должно быть положено въ церкви Пресвятой Богородицы въ Кіево-Печерской лаврѣ, рядомъ съ останками предковъ. Лаврѣ и многимъ другимъ церквамъ, а также духовенству отписаны были извѣстныя суммы наличными деньгами. Одинъ изъ серебряныхъ его доспѣховъ оставался женѣ, другой же, вмѣстѣ съ незаложенною еще серебряною утварью, завѣщано, обратить на устройство ризъ къ иконамъ и креста. Таковы были распоряженія ради спасенія души. Возлюбленную супругу свою и ея будущаго ребенка Илья поручилъ въ опеку и на попеченіе короля Сигизмунда, сына его Сигизмунда-Августа, королевы Боны, пана Ивана Богдановича Сапѣги, воеводы подляшскаго, епископа Юрія Фальчевскаго, своего „брата“ кн. Ѳедора Сангушка, маршала земли

волынской, и королевскихъ секретарей Ивана Горностая и Ивана Васильевича.

Въ завѣщаніи своемъ кн. Илья особенно настаиваетъ на законности ожидаемаго потомка и предоставляетъ Беатѣ полное распоряженіе всѣми имѣніями, дошедшими съ отцовской или материнской стороны, до совершеннолѣтія ребенка, съ единственной оговоркой, что вдова обязана по возможности погашать долги изъ получаемыхъ доходовъ. Если бы братъ Ильи кн. Василій Острожскій въ свое время потребовалъ выдѣла ему половины отцовскаго наслѣдства, то въ другую половину, назначенную для будущаго ребенка, никто не могъ вмѣшиваться и препятствовать княгинѣ Беатѣ въ свободномъ распоряженіи этою частью. Кромѣ подтвержденія дарственныхъ записей Беатѣ сперва въ видѣ „вѣна“, а затѣмъ по случаю ожиданія потомка, Илья отдалъ женѣ по завѣщанію всѣ драгоцѣнности, жемчугъ и т. д. и половину всей движимости, дошедшей отъ отца, — остальное принадлежало кн. Василію. Обширное наслѣдственное имѣніе Янушполе, которое освобождалось лишь по смерти кн. Беаты, должно было поступить кому либо въ аренду за 4000 золотыхъ ежегодно и на эти деньги надлежало выкупить заложенную серебряную утварь. Послѣдняя назначалась на покрытіе долговъ, но два ожерелья и запястье, незадолго до того подаренныя Беатѣ, должны были остаться сыну или дочери послѣдней. Въ заключеніе Илья обращается къ королевской семьѣ съ просьбой оберегать его жену и потомство отъ всякихъ обидъ и притѣсненій. Чтобы „не брать грѣха на душу“, Илья отказался при этомъ случаѣ отъ всякихъ притязаній на заславское княжество, о которомъ, какъ мы знаемъ, былъ начатъ процессъ передъ королемъ. Свою послѣднюю волю Илья подтвердилъ и въ особомъ письмѣ къ кн. Ѳедору Сангушку, гдѣ онъ проситъ послѣдняго, какъ опекуна, представить на усмотрѣніе короля эти завѣщательныя распоряженія.

Устроивъ такимъ образомъ свои земныя дѣла и позаботившись о спасеніи души, князь Илья приготовился къ смерти. Онъ скончался 19 августа 1539 года, еще во цвѣтѣ силъ, успѣвъ

лишь въ теченіи немногихъ мѣсяцевъ насладиться семейнымъ счастьемъ.

Трудно сказать, какъ отнеслась Беата къ смерти мужа, сильно ли она горевала, была ли потрясена этимъ несчастіемъ, какъ хоронила безвременно унесеннаго въ могилу супруга. Мы знаемъ однако, что уже мѣсяцъ спустя вдова явилась къ королевскому двору „ударить челомъ“ и ходатайствовать передъ королемъ объ утвержденіи завѣщанія покойнаго князя. 23 сентября ея просьба была удовдетворена, и Беата возвратилась въ родовой замокъ Острожскихъ, чтобы вступить въ полное распоряженіе наслѣдствомъ кн. Ильи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и частью, которая принадлежала еще несовершеннолѣтнему кн. Василію, ея шурину. Хотя Василій тогда же выразилъ желаніе получить свою наслѣдственную долю, но король рѣшилъ, что раздѣлъ отцовскихъ имѣній долженъ послѣдовать лишь черезъ полтора года, а до той поры Беата должна заботиться о хорошемъ управленіи порученнымъ ей добромъ.

Наступило наконецъ столь горячо желанное покойнымъ Ильей событіе: у Беаты родилась дочь, получившая во св. крещеніи имя Гальшки, иначе Елисаветы.

Для женщины въ положеніи Беаты, или „княгини Илины“, какъ ее называли на Волыни, во всякомъ случаѣ не легко было бы справиться съ задачей управленія такимъ огромнымъ имуществомъ, даже если бы она заранѣе привыкла къ порядку и аккуратности. Между тѣмъ за Беатой нельзя было предполагать подобныхъ качествъ, если, по крайней мѣрѣ, судить по примѣру, который подавала ей королева Бона, а властолюбивый и крутой нравъ княгини еще болѣе вносилъ путаницы и безпорядочности въ управленіе имѣніями: не было замѣтно здѣсь разумнаго разсчета и пониманія дѣла, все зависѣло скорѣе отъ минутнаго каприза. Вскорѣ посыпались жалобы бояръ на чрезмѣрное обремененіе ихъ платежами. У многихъ отнимали землю, которою владѣли еще ихъ предки. Опытные управители, назначенные кн. Ильей, должны были уступить мѣсто людямъ неспособнымъ, но за то угоднымъ княгинѣ. Украинскіе замки, требовавшіе особеннаго вниманія въ виду безпрестанныхъ татарскихъ набѣговъ,

пришли теперь въ полное запущеніе. Со всѣхъ сторонъ неслись жалобы королю на княгиню Илину: ее упрекали за вымогательство съ подданныхъ т. наз. „серебщизны“ свыше указанной мѣры, за то, что, получая значительные доходы, она и не думаетъ погашать долги покойнаго мужа; что родовыя земли Острожскихъ раздаются лицамъ, которые не имѣютъ никакихъ правъ на это. Словомъ, княгиня Илина, если вѣрить жалобамъ, хозяйничала самымъ незавиднымъ образомъ.

Король посовѣтовался съ королевой Боной и прочими опекунами и велѣлъ князю Ѳедору Сангушку, въ качествѣ душеприкащика, принять мѣры къ устраненію всѣхъ этихъ безпорядковъ. Въ то же время онъ написалъ 3 марта 1540 г. княгинѣ Беатѣ, чтобы она не вздумала противиться распоряженіямъ и совѣтамъ кн. Ѳедора.

Такой оборотъ дѣла конечно не могъ понравиться гордой Беатѣ, но вскорѣ ее ожидала еще бо́льшая непріятность. Несовершеннолѣтній шуринъ Василій и его мать кн. Александра, вдова Константина Острожскаго, настаивали на немедленномъ раздѣлѣ наслѣдства и требовали при этомъ не только уплаты всѣхъ доходовъ съ своей части, считая со дня смерти кн. Ильи, но, по достиженіи Василіемъ совершеннолѣтія, также и права опеки надъ маленькой Гальшкой и ея богатымъ имуществомъ.— Понятно, что Беата самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивилась такимъ притязаніямъ. Дѣйствительно, въ ея пользу говорилъ литовскій статутъ, который предоставлялъ вдовѣ, до вступленія ея въ новый бракъ, право опеки надъ дѣтьми и ихъ имуществомъ, если завѣщаніе не устраняло вдову отъ опеки.

Такъ или иначе, Беата должна была ждать раздѣла наслѣдія Острожскихъ раньше или позже, тѣмъ болѣе, что въ завѣщаніи князя Ильи было предусмотрѣно это обстоятельство; однако, разсчеты ея разстраивались самымъ непріятнымъ образомъ, когда король Сигизмундъ по прибытіи въ Вильну издалъ распоряженіе отъ 11 января 1541 г., объявлявшее недѣйствительною послѣднюю волю кн. Ильи, и призналъ князя Василія совершеннолѣтнимъ. Вопросъ объ опекѣ надъ Гальшкой былъ отложенъ до особаго повелѣнія короля. До тѣхъ поръ на все имущество

Острожскихъ было наложено запрещеніе и учреждена третейская коммиссія для подробнаго исчисленія доходовъ съ имѣнія и составленія проекта раздѣла и миролюбнаго соглашенія между наслѣдниками. Кромѣ епископа Юрія Фальчевскаго, въ коммиссіи не участвовалъ никто изъ назначенныхъ кн. Ильей опекуновъ. Повидимому, коммиссія трудилась съ энергіей и успѣхомъ, потому что уже 20 декабря 1541 г. выработанъ былъ проектъ соглашенія сторонъ. За отказъ присоединиться къ сдѣлкѣ грозила пеня въ 10000 копъ литовскихъ грошей.

Всѣ доходы съ острожскихъ имѣній за первый годъ по смерти кн. Ильи были присуждены теперь Беатѣ, а за слѣдующій годъ—князю Василію. Изъ части, принадлежавшей Гальшкѣ, опредѣлено было взять возмѣщеніе за отчужденныя кн. Ильей отцовскія земли. Поэтому коммиссія раздѣлила все наслѣдство на двѣ части, изъ которыхъ одну могъ взять Василій по своему выбору. Повидимому, кн. Василій не слишкомъ былъ привязанъ къ своему родному гнѣзду, потому что онъ предпочелъ ту группу имѣній, въ которую Острогъ не былъ включенъ. Онъ взялъ замки Дубно, Дорогобужъ и Здзенціолъ, округъ Звягельскій и дворища Крупу и Здолбицу. Къ княжнѣ Гальшкѣ отошли замки Острогъ, Полонне, Красиловъ, Чудновъ, дворища Новоставцы и Горки и домъ въ Вильнѣ, но этотъ домъ вмѣстѣ съ Горками были отсужены кн. Василію за произведенныя ранѣе кн. Ильей отчужденія. Раздѣлъ этотъ долженъ былъ, впрочемъ, вступить въ силу лишь по достиженіи Гальшкой совершеннолѣтія.

Тѣмъ не менѣе, Беата продолжала оставаться одной изъ самыхъ богатыхъ женщинъ въ странѣ: часть отцовскаго наслѣдства кн. Ильи въ соединеніи съ наслѣдствомъ, дошедшимъ отъ матери его, кн. Татьяны, и ея собственное имущество обезпечивали Беатѣ по истинѣ царскіе доходы. Предусмотрительная княгиня заранѣе припрятала завѣщанную ей мужемъ движимость, дорогую утварь, драгоцѣнные камни, золото и серебро: въ опись Острожскаго замка, сдѣланную королевской коммиссіей, попало весьма немного предметовъ этого рода. Кромѣ того, она заложила два завѣщанныхъ Ильей имѣнія и реализировала этимъ путемъ 6000 копъ грошей, чтобы обезпечить себя отъ дальнѣйшихъ

притязаній кн. Василія и немедленно выплатить присужденную ему коммиссіей сумму денегъ.

Но этимъ не исчерпывалось дѣло о наслѣдствѣ, такъ какъ нужно было еще опредѣлить имущественныя отношенія между матерью и дочерью. Для этой цѣли король назначилъ особую коммиссію, которая рѣшила предоставить Беатѣ третью часть отцовскихъ и материнскихъ имѣній кн. Ильи, выговоренныхъ ей нѣкогда мужемъ въ видѣ брачнаго „вѣна“. Остальныя двѣ трети признаны собственностью дочери, но конечно подъ опекунскимъ управленіемъ Беаты. Если принять во вниманіе, что она получила въ личную собственность еще при жизни мужа три замка, Степань, Сатыевъ и Хлапотынъ, и владѣла заложеннымъ ей ровенскимъ имѣніемъ, а вскорѣ удалось ей выкупить заложенные замки Клодно, Черниховъ и Глускъ, позже—Гольшаны и Сушу, то оказывается, что дальновидная и прекрасная княгиня съумѣла соединить въ своихъ рукахъ бо́льшую часть владѣній покойнаго Ильи, на которую никто не могъ имѣть притязаній въ качествѣ опекуна. Беата своевременно позаботилась, чтобы король формально подтвердилъ всѣ грамоты и привилегіи, относившіяся къ ея имущественнымъ дѣламъ, въ томъ числѣ и грамоты дѣда Гальшки. Хотя разныя недоразумѣнія съ шуриномъ, кн. Василіемъ Острожскимъ, продолжались, но ихъ удалось уладить съ сравнительно ничтожными денежными жертвами. Главная цѣль Беаты—неограниченное право управлять громаднымъ наслѣдствомъ безъ вмѣшательства опекуновъ—была теперь достигнута благодаря описаннымъ выше мѣрамъ. Во всѣхъ документахъ, относящихся къ этому вопросу, ни однимъ словомъ не упоминается о кн. Ѳедорѣ Сангушкѣ, „братѣ“ кн. Ильи, который былъ назначенъ душеприкащикомъ. Беатѣ приходилось имѣть дѣло только съ своею дочерью, и послѣдняя съ юныхъ дней привыкла не знать другаго закона, кромѣ воли матери. Вдова могла теперь съ полнымъ основаніемъ разсчитывать, что острожское княжество долго еще будетъ оставаться въ ея неограниченномъ распоряженіи.

II.

Гальшка была еще совершеннымъ ребенкомъ—ей минуло не болѣе десяти лѣтъ,—когда въ Острогѣ стали уже появляться многочисленные искатели ея руки, князья и рыцари изъ Литвы и Польши. Беата искусно отклоняла ихъ предложенія, ссылаясь на короля Сигизмунда Августа, вступившаго тѣмъ временемъ на тронъ, какъ на верховнаго опекуна. Такая ссылка на короля была тѣмъ неизбѣжнѣе, что послѣдній формально обязалъ княгиню никому не отдавать руки дочери безъ его вѣдома и согласія. Когда въ 1550 году Беата задумала отправиться въ Польшу ко времени сейма, и было основаніе думать, что причина тому кроется въ намѣреніи княгини выдать дочь за своего родственника, нѣкоего Андрея Косцелецкаго, король написалъ великому маршалу литовскому Радзивилу, что поѣздку эту считаетъ излишней и неумѣстной. Когда затѣмъ прошелъ слухъ объ обрученіи, король вновь обращается къ тому же сановнику съ прямымъ приказаніемъ не допускать этого. „Если фактъ уже состоялся“, писалъ король, „то мы найдемъ средство поправить бѣду“. Дѣло въ томъ, что король не желалъ перехода литовскаго княжества острожскаго въ руки поляка. Случай этотъ представлялъ такое важное значеніе, что не остался безъ вліянія и на законодательство. Въ 1551 году литовская рада постановила, что дочери, осиротѣлыя по смерти отца, не могли быть выдаваемы замужъ безъ согласія ближайшихъ родственниковъ. Король распорядился объявить Беатѣ о новомъ законѣ, чтобы она не могла ссылаться на незнаніе его, если бы, какъ было основаніе опасаться, вздумала покровительствовать своимъ польскимъ родичамъ. Поэтому, когда появился слухъ о притязаніяхъ на руку Гальшки нѣкоего Мѣлецкаго, не безъ участія въ этомъ случаѣ великаго маршала, король пригласилъ Радзивила къ себѣ для личнаго свиданія, „потому что весьма важно, кому именно достанется эта молодая дѣвушка“.

При томъ вліяніи на короля, какимъ пользовался великій маршалъ, было вполнѣ естественно, что соискатели руки княжны Гальшки часто обращались къ покровительству Радзивила. Обра-

тился къ нему въ числѣ другихъ и молодой вельможа, панъ Дмитрій Вишневецкій, пользовавшійся славой отчаяннаго рубаки и сорви-головы. Маршалъ повидимому далъ ему какія то обѣщанія. Но этотъ претендентъ пришелся не по вкусу кн. Василію, который, въ силу новаго закона, имѣлъ въ данномъ случаѣ право рѣшающаго голоса. Кн. Василій не только отказалъ Вишневецкому, но постарался по мѣрѣ силъ прочистить дорогу своему собственному протеже—чтобы тѣмъ вѣрнѣе погубить его впослѣдствіи.

Такимъ протеже былъ кн. Дмитрій Сангушко, сынъ умершаго тѣмъ временемъ Ѳедора, „брата“ кн. Ильи и бывшаго опекуна Беаты и Гальшки.

Дмитрій получилъ воспитаніе при дворѣ короля и успѣлъ уже заслужить хорошую репутацію благодаря своей отвагѣ въ военныхъ стычкахъ на Украинѣ, особенно при осадѣ Житомира татарами. Въ качествѣ старшаго сына онъ былъ назначенъ по завѣщанію отца опекуномъ младшихъ дѣтей, между которыми братъ его Романъ вскорѣ послѣ того получилъ славу народнаго героя. Самъ Дмитрій въ то время былъ уже старостой каневскимъ и черкасскимъ и пользовался извѣстностью смѣлаго до безумія и нѣсколько одичалаго военачальника—репутація, установившаяся за нимъ скорѣе благодаря неукротимымъ козацкимъ отрядамъ, которыми Дмитрій начальствовалъ. Про него разсказывали даже, что онъ насильно похитилъ молодую родственницу изъ знатнаго дома.

Слухъ этотъ не былъ лишенъ всякаго основанія, но дѣло не имѣло такого характера, какъ передавала молва. Молодой кн. Сангушко давно уже былъ принятъ въ домѣ королевскаго маршала Василія Полубинскаго, у котораго воспитывалась сирота—внучка по имени Марина, въ ту пору еще совсѣмъ юная. Бракъ маленькой Марины съ богатымъ Сангушкомъ казался выгоднымъ дѣду, которому удалось получить согласіе на этотъ планъ со стороны молодого вельможи. Дмитрій выдалъ обычныя „заруки“, а старый Полубинскій довѣрчиво передалъ ему золото, серебро, жемчугъ, драгоцѣнные камни и другую цѣнную рухлядь своей внучки подъ особое письменное обезпеченіе и

долговую запись на имѣнія Сангушка на случай разстройства предположеннаго брака. Вскорѣ затѣмъ престарѣлый Полубинскій умеръ. Дмитрій, не желая оставлять своей малолѣтней невѣсты у ея родственниковъ по матери, взялъ ее изъ родного дома и поручилъ для воспитанія своей собственной теткѣ, сестрѣ кн. Ѳедора Сангушка. Здѣсь то и пребывала малолѣтняя Марина въ то время, когда кн. Дмитрій явился погостить въ замокъ Острогъ.

Вскорѣ по Литвѣ разнеслись слухи объ обрученіи Дмитрія Сангушка съ молодой наслѣдницей Острожской, которой было тогда не болѣе тринадцати лѣтъ. Слухъ казался настолько правдоподобнымъ, что родственники Марины начали подумывать о возвращеніи къ нимъ покинутаго ребенка. Дѣйствительно, княгиня Беата и особенно сидѣвшій въ Дубнѣ кн. Василій Острожскій отнеслись къ Дмитрію самимъ предупредительнымъ образомъ и поощряли его,—слѣдовательно, слухи подтверждались. Дмитрій просилъ руки юной Гальшки, и получилъ письменное согласіе княгини. Довольный успѣхомъ, возвратился Дмитрій къ своему посту въ Черкасы на пограничную службу.

По всей вѣроятности вѣсть объ этомъ достигла короля, потому что уже въ началѣ 1553 года Сигизмундъ Августъ писалъ княгинѣ Беатѣ, что онъ поручилъ великому маршалу и воеводѣ виленскому, кн. Радзивилу, переговорить съ нею о будущемъ бракѣ Гальшки, по достиженіи ею совершеніолѣтія. Для короля было важно сохранить свое вліяніе какъ опекуна наслѣдницы. Открыли ли эти переговоры кн. Василію Острожскому игру невѣстки, или онъ другимъ путемъ сообразилъ это,—но онъ извѣстилъ молодого Сангушка, что кн. Беата вовсе не думаетъ держать данное слово.

Дмитрій тотчасъ же, даже не увѣдомивъ короля, уѣхалъ изъ Черкасъ, чтобы заручиться обычными на Литвѣ „гарантіями“ того, что брачный договоръ будетъ выполненъ. Преже всего онъ обезпечилъ себя поддержкою кн. Василія и затѣмъ далъ знать Беатѣ, что намѣренъ „провѣдать ее, свою родственницу, и отвѣдать у нея хлѣба—соли“. Княгиня ничего не имѣла противъ посѣщенія, и въ началѣ августа 1553 года Дмитрій явился въ

Острогъ съ тридцатью конными козаками, часть которыхъ оставалась у воротъ въ то время, какъ молодой князь привѣтствовалъ дамъ во дворѣ замка.

Въ это время княгинѣ доложили, что ея шуринъ, кн. Василій, также явился навѣстить ее. Беату должно было сильно поразить появленіе обоихъ князей въ замкѣ, но прежде нежели она успѣла послать отказъ, кн. Василій уже въѣхалъ въ ворота замка, охраняемыя козаками Сангушка. Новый гость явился въ сопровожденіи 50 конныхъ слугъ въ полномъ вооруженіи.—Незначительная замковая страна воспротивилась такому дерзкому напору чужаго военнаго отряда, завязался жаркій бой, но побѣда осталась за пришельцами. Изъ замковой стражи одинъ былъ убитъ и восьмеро ранено. При самомъ началѣ стычки кн. Беата убѣжала съ дочерью въ замокъ и заперлась въ отдаленной комнатѣ.

Одолѣвъ замковой гарнизонъ, оба князя явились къ Беатѣ и начали съ просьбъ. Они напомнили ей о данномъ обѣщаніи и убѣждали не препятствовать женитьбѣ Дмитрія на ея дочери.

Княгиня въ страшномъ негодованіи вскричала: „развѣ такимъ образомъ являются къ друзьямъ и дружбы ради?“

Она не могла болѣе говорить отъ оскорбленія и лишилась чувствъ. Княгиню вспрыснули водой и растирали, пока она пришла въ себя.

Получивъ способность говорить, Беата стала доказывать, что не можетъ дать своего согласія безъ разрѣшенія короля.

„Такъ мы и не станемъ больше спрашивать тебя!“ гнѣвно воскликнулъ кн. Василій и съ силою схватилъ княжну Гальшку за руку.

Испуганная мать конвульсивно сжимала другую руку дочери, но ее оттолкнули,—Беата упала и вновь лишилась чувствъ.

Кн. Василій, держа за руку свою тринадцатилѣтнюю племянницу, подвелъ ее къ Дмитрію со словами: „Я отдаю тебѣ Гальшку въ жены, потому что имѣю на то власть въ качествѣ дяди“.

Полумертвую отъ потрясенія Беату снесли послѣ этого въ другую комнату и здѣсь заперли. Прислужницы и слуги под-

няли отчаянные вопли. Не обращая на это вниманія, князья послали за священникомъ. Послѣдній понялъ, что здѣсь творится насиліе, поэтому посовѣтовалъ отложить лучше вѣнчаніе на другой день. Кн. Василій пригрозилъ священнику булавою съ гнѣвнымъ окрикомъ: „Мы не просимъ твоихъ совѣтовъ, дѣлай какъ приказано, иначе будетъ плохо!“ Испуганный угрозами священникъ покорился и исполнилъ передъ алтаремъ обычный обрядъ. Правда, на вопросъ священника: „имѣешь ли добрую и непринужденную волю?“ Гальшка упорно молчала, но за нее отвѣчалъ дядя, точно на крестинахъ. Затѣмъ взяли насильно руку дѣвочки и по обычаю перевязали платкомъ.

По окончаніи церковнаго обряда Гальшку повели къ свадебному столу, гдѣ уже были приготовлены сласти и вина, затѣмъ кн. Василій отвелъ молодыхъ въ спальню и уѣхалъ изъ замка.

Уже при началѣ столкновенія между замковой стражей и конвоемъ князей слуги Беаты снарядили изъ своей среды посла, который долженъ былъ возможно скорѣе дать знать калишскому воеводѣ, пану Мартыну Зборовскому, что замокъ Острогъ подвергся нападенію. Зборовскій немедленно отправилъ этого же посланца въ Краковъ съ письмомъ къ канцлеру, полнымъ самыхъ злобныхъ выходокъ по адресу „пана краковскаго“, т. е. короннаго гетмана Тарновскаго. Дѣло въ томъ, что панъ Зборовскій, который самъ былъ не прочь женить своего сына на богатой наслѣдницѣ Острожской, видѣлъ во всемъ этомъ происшествіи, насколько оно было ему извѣстно, широко задуманную интригу гетмана Тарновскаго: послѣдній, въ качествѣ тестя кн. Василія, придумалъ, по мнѣнію Зборовскаго, это насиліе, чтобы разрушить матримоніальные планы своего соперника. Король Сигизмундъ Августъ, и безъ того подозрительно относившійся къ гетману и недовольный на него со времени прошлогодняго сейма, безъ труда повѣрилъ догадкамъ калишскаго воеводы и видѣлъ въ нападеніи на Острогъ руку человѣка, который, правда, оказалъ ему нѣкоторыя услуги въ собственной Польшѣ, но тѣмъ опаснѣе казался ему своимъ вліяніемъ въ Литвѣ. Великій маршалъ Радзивилъ вполнѣ раздѣлялъ опасенія короля въ этомъ послѣднемъ отношеніи.

„Мы прекрасно понимаемъ“, писалъ король великому маршалу, „кто былъ душей всего этого дѣла. Человѣкъ, который думаетъ властвовать какъ здѣсь, такъ и въ Литвѣ. Нельзя и придумать болѣе тяжкаго оскорбленія нашего имени. Но дѣло не терпитъ проволочекъ. Мы распорядились чрезъ нашего коморничаго, старосту пинскаго, объявить кн. Василію повелѣніе немедленно очистить замокъ и возвратить дѣвушку ея матери впредь до рѣшенія дѣла, ut omnia fiant in integrum restituta. Такое же повелѣніе послали мы и старостѣ черкасскому (Дмитрію), criminaliter наказавъ ему, чтобы не смѣлъ отлучаться изъ пограничныхъ замковъ безъ нашего вѣдома. Другого remedium'а мы не могли подыскать въ данную минуту. Держимся въ этомъ случаѣ примѣра нашихъ предковъ, которые устраняли столкновенія между вельможами путемъ распоряженій подобнаго рода. Хуже всего то, что мы догадываемся, отъ кого вышелъ весь планъ. Но именно по этой причинѣ мы рѣшились воспротивиться подобной неслыханной въ литовскомъ краѣ дерзости, чтобы тотъ панъ не очень то радовался, ибо мы понимаемъ, что онъ далъ такой совѣтъ исключительно Nobis ad indignitatem, Tuae Magnificentiae in contumeliam“.

Еще не успѣли отправить это королевское посланіе, какъ явился новый слуга княгини Беаты, передавшій королю дальнѣйшія подробности о насильственномъ вторженіи въ острожскій замокъ и сообщившій кромѣ того, что кн. Василій привезъ сюда свою мать и жену и расположился вмѣстѣ съ Дмитріемъ на Острогѣ какъ у себя дома. Онъ командовалъ и распоряжался тамъ настоящимъ хозяиномъ.

Невозможно сказать, какъ отнеслась 13-лѣтняя Гальшка къ своей неожиданной судьбѣ и къ навязанному ей мужу. Мнѣніе, будто Гальшка впослѣдствіи сочеталась бракомъ съ Дмитріемъ также и по католическому обряду, лишено прочнаго основанія и ничѣмъ не подтверждается. Однако вмѣшательство короля имѣло значеніе въ томъ отношеніи, что кн. Василій вынужденъ былъ отпустить на волю свою невѣстку. Беата немедленно отправилась въ Краковъ заявить королю жалобу противъ кн. Дмитрія Сангушка и своего шурина кн. Василія Острож-

скаго. Именно въ это время король отпраздновалъ свою свадьбу съ принцессой Екатериной австрійской.

Вскорѣ послѣ этого противъ Дмитрія была подана новая жалоба дѣдомъ (по матери) обманутой Марины Полубинской, который требовалъ возврата „зарукъ“ и денежныхъ записей въ виду нарушенія свадебнаго договора, а вмѣстѣ съ тѣмъ передачи дѣвочки въ его собственную опеку и отобранія отъ тетки Дмитрія. Король принялъ жалобу осенью въ Вильнѣ и обѣщалъ скорое рѣшеніе дѣла.

Подобная предосторожность была тѣмъ необходимѣе для короля, что кн. Василій Острожскій съумѣлъ поставить свой, еще незаслушанный публично, процессъ на почву международной политики. Чрезъ своего тестя, гетмана Тарновскаго, онъ постарался представить все дѣло королю римскому Фердинанду въ смягченномъ видѣ. Фердинандъ принялъ это дѣло такъ близко къ сердцу, что его дружескій совѣтъ своему зятю, королю польскому, въ пользу обвиняемыхъ представлялъ въ сущности актъ формальнаго заступничества. Такъ какъ въ это время у Польши начались переговоры съ римскимъ королемъ по венгерскому вопросу, для чего были отправлены Фердинандомъ чрезвычайные послы, епископъ загребскій и швейдницкій комендантъ Матвѣй Логусъ, то послѣдніе имѣли возможность сообщить своему повелителю всѣ подробности интересующаго насъ процесса. Князья Василій и Дмитрій получили вызовъ къ королевскому суду, назначенному въ г. Кнышинѣ. Нѣмецкіе послы описываютъ этотъ городокъ, какъ жалкую кучу несчастныхъ хижинъ, которыя съ трудомъ помѣщали часть всѣхъ съѣхавшихся придворныхъ и чиновниковъ. Большинство должно было размѣститься въ окрестныхъ селахъ. Сами послы вынуждены были каждое утро дѣлать болѣе двухъ верстъ, чтобы добраться до мѣста переговоровъ, а вечеромъ вновь возвращаться тѣмъ же путемъ. Король и королева прибыли въ Кнышинъ, но обвиняемые не явились. Только Дмитрій прислалъ своего уполномоченнаго, литовскаго дворянина Одаховскаго, о которомъ ходила молва какъ о человѣкѣ „хорошо образованномъ“. Въ качествѣ обвинителя со стороны кн. Беаты выступилъ Станиславъ Чарнковскій, за свои ораторскія

способности получившій славу „польскаго Цицерона“. Противъ обвиненія повѣренный Сангушка возразилъ, что княгиня обѣщала его довѣрителю руку своей дочери, въ подтвержденіе чего представилъ подлинное письмо Беаты. Обѣщаніе княгини было подтверждено дядей невѣсты, кн. Василіемъ, который и отдалъ Гальшку Дмитрію въ жены. Кн. Дмитрій никогда ие помышлялъ о богатомъ приданомъ княжны и теперь этотъ вопросъ для него стоитъ на второмъ планѣ,—главное для него женитьба, потому что онъ дѣйствительно любитъ свою жену. Одаховскій даже ссылался на самое Гальшку, лишь бы ее допросили въ отсутствіи матери.

Нѣкоторые литовскіе члены королевскаго суда находили такое требованіе справедливымъ. Но подавляющее большинство стояло на сторонѣ пана Зборовскаго и враждебной коронному гетману Тарновскому партіи, къ которой, какъ мы знаемъ, втайнѣ склонялись также король и великій маршалъ Радзивилъ. Они не хотѣли и слышать о допросѣ самой княжны. Приговоръ оказался суровымъ для Дмитрія Сангушка, который былъ осужденъ на лишеніе чести, имущества и жизни. Кн. Беата настояла на немедленной отсылкѣ надлежащихъ указовъ, чтобы можно было захватить Сангушка еще въ Острогѣ и вернуть Гальшку ея матери. Съ другой стороны, кн. Василій былъ лишенъ своихъ опекунскихъ правъ, принадлежавшимъ ему въ силу кровнаго родства и опредѣленія литовской рады, такъ какъ онъ злоупотребилъ этими правами, участвуя въ насильственномъ поступкѣ Дмитрія и не оказавъ своимъ родственницамъ слѣдуемой защиты. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, кн. Василій съумѣлъ освободиться отъ этого приговора и возвратить себѣ вновь всѣ прежнія права.

Исполнить приговоръ надъ Дмитріемъ и возвратить похищенную княжну въ руки матери вызвался панъ Мартынъ Зборовскій, воевода калишскій, которому представлялся теперь удобный случай заслужить расположеніе Беаты,—какъ вдругъ пришло неожиданное извѣстіе, что молодые новобрачные уже покинули Острогъ.

(Продолженіе въ слѣд. №). **Н. М.**

Документы, извѣстія и замѣтки.

Въ какой обстановкѣ гетманъ Разумовскій объѣзжалъ Малороссію въ 1752 г. Только черезъ годъ послѣ прибытія своего въ Малороссію (лѣтомъ 1751 г.) гетманъ Разумовскій собрался объѣхать свои «полки» [1]). Въ какой обстановкѣ былъ сдѣланъ этотъ объѣздъ, показываетъ слѣдующій интересный документъ—сколько потребовалось лошадей для гетманскаго путешествія. Въ генеральной канцеляріи было получено требованіе, что «къ отсутствію его ясневелможности потребно лошадей»:

Подъ карету французскую	10.
Подъ двѣ коляски спальныя	12.
Господину доктору	6.
Господину архитекту	3.
Ординарцу	4.
Подъ гардеробъ	3.
Камердинерамъ	3.
Тафелдекерю и муншенку	3.
Канцеляристу Фелкнеру	3.
Подъ питье	6.
Подъ серебро	3.
Подъ кофеншенскую	3.
Помошникамъ	3.
Подъ палатки, столы, стулья, кровати и подъ протчее	20.
Кухмистру	3.
Подъ кухню	18.
Меснику	3.
Для поваровъ	3.

[1]) См. Семейство Разумовск., I, 161.

Подъ конюшню . . . . . 10.
Для лакеевъ, гайдуковъ и скороходовъ. . . . . 4.
Эгерю . . . . . 3.
Подъ охоту. . . . . 10.
Для людей его высокородія [1]) . . . . . 3.
Итого всѣхъ лошадей 140.

Документъ помѣченъ— «1752 г., маия 5 дня» и подписанъ какимъ то Иваномъ Гроссомъ [2]). **А. Л.**

Гетманскіе проповѣдники. (*Письмо кіевскаго митрополита Тимовея Щербацкаго къ гетману Разумовскому, съ посылкою проповѣдника*). Ясневелможній господинъ Малыя Россіи обоихъ сторонъ Днепра и войскъ запорожскихъ гетманъ, сіятелнѣйшій графъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, милостивій мой патронъ.

Прежде за антецессоровъ ясневелможности вашей, антецессорѣ мои, преосвященніе митрополиты кіевскіе, въ начатіи новаго лѣта съ академіи кіевской съ поздравленіемъ и для сказиванія проповѣдей ежегодно, къ онимъ антецессорамъ ясневелможности вашей, духовныхъ персонъ посилали. Я оному давнему обычаю послѣдуя, паче же за отличность велможности вашей высокопочитаемихъ достойно утитулованного имени вашего высокографскаго сіятелства разновидныхъ предикатовъ предъ всѣми бывшими гетманами особливѣйшое мое імѣя къ высокой ясневелможности вашея персонѣ предпочитаніе, нинѣ въ начатіи новаго лѣта, академіи моей префекта и священной богословіи учителя всечестнаго іеромонаха Георгія [3]) для поздравленія и сказанія проповѣдей на новое лѣто и Богоявленіи господнихъ и для отправленія церковнихъ церемоній, при семъ къ ясневелможности вашей отправилъ, купно съ симъ моимъ особеннѣйшимъ ясневелможности вашей благожелателствомъ: временъ и вѣковъ творецъ всевышній Господь новое сіе лѣто ясневелможности вашей со всею благословенною вашею фамиліею, начати благословивій, оное при всецѣломъ здравіи, и пренемѣняемомъ благощастіи проводить да даруетъ. При якомъ моемъ усердіи, Божія благословенія ясне велмож-

[1]) Должно быть Теплова.

[2]) Ср. „Кіевск. Старина“ 1888 г., іюнь, стр. 74.

[3]) Конисскаго, впослѣдствіи столь извѣстнаго могилевскаго архіепископа. (р. 1717 † 1795). Наиболѣе полныя свѣдѣнія объ общественной его дѣятельности собраны въ рѣчи, произнесенной въ 1885 г., при празднованіи столѣтія могилевской духовн. семинаріи. См. Могилевск. Епарх. Вѣдом., 1885 г., №№ 28–29.—*Ред.*

ности вашей и всей высокопочтенной вашей фамиліи богомолчески желаю и оного префекта академіи моей и всю академію кіевскую ясневелможности вашей антецессорами благодѣяніями патронскими снабдѣванную, въ высокопатронскый респектъ ясневелможности вашей рекомендуя, навсегда пребуду съ моею должною архіерейскою искренностію. Ясневелможности вашей всегдашный вѣрнодоброжелателный богомолецъ и всепокорный слуга митрополитъ кіевскій смиренный Тимофей. 1751 года. Декабря 26 д. Кіевъ. (*Съ подлинника, находящагося у А. М. Лазаревскаго*).

Мысль императора Александра I объ учрежденіи въ Малороссіи козачьихъ полковъ. Помѣщаемый здѣсь проектъ обращенія въ Малороссіи казенныхъ крестьянъ въ козаки, написанъ М. П. Миклашевскимъ, по мысли императора Александра I, желавшаго «учредить въ Малороссіи козачьи полки». Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ авторъ проекта въ своемъ письмѣ къ Аракчееву. И проектъ, и письмо къ Аракчееву найдены въ черновикахъ, межъ бумагами М. П. Миклашевскаго. Въ письмѣ къ Аракчееву М—ій пишетъ:

«Съ того часа какъ вашему сіятельству угодно было удостоить меня открытіемъ священнѣйшей для насъ высочайшей его императорскаго величества воли объ учрежденіи въ Малороссіи козачьихъ полковъ, мысль моя не была спокойна, а стремилась къ изобрѣтенію средствъ—какъ бы лучше и съ пользою могла она быть приведена въ исполненіе. Изложивъ кратко главнѣйшія основы ихъ къ тому въ приложенной при семъ запискѣ, прошу покорнѣйше простить мнѣ естли я ошибаюсь, и причесть сей подвигъ совершенно ревностному служенію моему великому государю нашему.

1) Естли въ Малороссіи всѣхъ казенныхъ крестанъ именовать козаками, то сихъ и козаковъ я щиталъ, должно быть до 170 тыс. хозяевъ или домовъ.

2) Естли учредить такъ, чтобъ четыре дома или хозяева содержали изъ себя одного козака, то будетъ ихъ до 42 т. военнаго народа служащаго.

3) Четыре хозяева, по мнѣнію моему, весьма легко и удобно могутъ прокормить въ мирное время козака и продовольствовать его лошадь.

4) На первой случай нѣтъ возможности имъ себя самихъ одѣть и вооружить, а колми паче лошадей искупить, потому что онѣ при-

ведены въ бѣдность, но въ послѣдствіи времени несомнѣнно можно положить, что онѣ своимъ коштомъ будутъ себя ремонтировать какъ лошадми, такъ конскою збруею. Мундиры жъ наружніе неудобно имъ давать однѣ.

5) Естли здѣлать таково положеніе, то необходимо должно ихъ освободить отъ всѣхъ податей: и отъ возки писменной почты и эстафетъ, которая на нихъ однѣхъ лежитъ.

6) Естли по ращету, казна отъ такого безденежнаго содержанія войскъ выиграетъ много, въ такомъ случаѣ всю земскую повинность изчисливъ на денги, можетъ вносить въ общественные кассы отъ себя, исключая тѣхъ повинностей, которые необходимо отбываются натурою, напримѣръ дача подводъ для проходящихъ войскъ и для переѣздовъ полицейскихъ чиновниковъ.

Се суть первоначальные основанія, на конхъ по волѣ Государя императора могутъ быть учреждены въ Малороссіи козацкіе полки съ ползою государственною и безъ отягощенія народнаго.

7) Въ мирное время козаки могутъ рекрутировать отъ себя, а для военнаго надобно сдѣлать положеніе.

8) Для военнаго времени надобно сдѣлать положеніе о повинностяхъ козаковъ, остающихся въ домахъ своихъ».

Былъ ли проектъ представленъ императору или остался черновикомъ—изъ бумагъ М. П. М—аго не видно. **А. Л.**

Изъ бумагъ сенатора М. П. Миклашевскаго. Личность Михаила Павловича Миклашевскаго слишкомъ хорошо извѣстна въ Малороссіи, чтобы нужно было о ней говорить. Проживъ болѣе 90-та лѣтъ (1756—1847), М. П. М—скій снискалъ себѣ общее уваженіе отъ всѣхъ его знавшихъ; а знали его, и знали близко, и Суворовъ, и Безбородко, и Аракчеевъ, и многое множество всякихъ сферъ людей, которымъ приходилось сталкиваться съ М—скимъ на долговременномъ его служебномъ поприщѣ, военномъ и гражданскомъ. Отсылая желающихъ познакомиться съ личностью М. П. М—скаго къ обстоятельному очерку его жизни, написанному Ѳ. Чижовымъ («Русск. Бесѣда», 1856 г., кн. I), мы скажемъ здѣсь, что въ оставшихся послѣ него бумагахъ, сохранилось не мало писанныхъ къ нему писемъ кн. Безбородка, кн. В. П. Кочубея, кн. Н. В. Репнина и друг. Вся эта переписка предоставлена была внукомъ М—ла П—ча, М. О. Микла-

шевскимъ умершему редактору А. С. Лашкевичу для помѣщенія наиболѣе интересныхъ писемъ на страницахъ «Кіевской Старины».[1])

На первый разъ изъ бумагъ М. П. М—аго беремъ письма извѣстнаго малороссійскаго генералъ-губернатора князя Н. В. Репнина. Писемъ послѣдняго сохранилось всего четыре, которыя мы тутъ и помѣщаемъ. Всѣ эти письма писаны кн. Репнинымъ собственноручно. Послѣднее изъ нихъ безъ года.—*Ред.*

I. Письма князя Н. В. Репнина, 1821—1828 г.[2]).

1) Препровождаю къ вашему превосходительству открытое предписаніе съ усильнымъ требованіемъ исполнить обѣщаніе ваше и при возвращеніи въ Пануровки, повидаться со мною. Я здѣсь, въ Полтавѣ, пробуду до 10-го, а потомъ вновь въ Черниговъ и далѣе т. е. въ столицу, куды государь долженъ былъ вернуться къ 24-му. Свиданіе со гвардейцами было самое дружеское и даже говорятъ трогательное; государь позволилъ корпусу офицеровъ угостить себя обѣдомъ на бивакахъ; пили за здоровье храброй и вѣрной гвардіи и тому подобное; награжденій много, главнѣйшія: Васильчикову и Дебичу 1-го Владиміра, Бенкендорфъ и Ольдекопъ генералъ-лейтенанты, Безродный тайный совѣтникъ.—Вотъ вамъ газета Бешенковицкая.—Малороссійская не столь благопріятна: вездѣ хлѣбъ дорожаетъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недостатокъ будетъ болѣе, нежели въ прошлую зиму. Я просилъ для вашихъ повѣтовъ отсрочки податей и ссуды казеннымъ крестьянамъ и козакамъ хлѣба; не знаю будетъ ли удостоено одобренія нашего ареопага, наилучше сказать сангерида. Въ долгомъ пребываніи вашемъ между ими, вы навѣрно замѣтили малую ихъ ко мнѣ наклонность; теперь я думаю еще менѣе жалуютъ, видя, что побѣда не на ихъ сторонѣ и для того весьма желалъ бы какъ возможно поскорѣе развязаться съ ними, а приняться за старое ремесло, т. е. сѣсть на конь и впередъ.—Государь взялъ меня за живо, милостей его ко мнѣ много, но послѣднюю считаю выше всѣхъ; я у него въ долгу и съ радостью пролью за него кровь, лишь бы отъ чернилъ избавилъ.

Итакъ до скораго свиданья! Не перемѣняйте дружескихъ вашихъ ко мнѣ расположеній и вѣрьте, что несмотря на мое молчаніе,

[1]) Незначительная часть ихъ была напечатана Чижовымъ, въ его статьѣ о М. П. М—омъ.

[2]) Всѣ письма начинаются обычнымъ—Милостивый государь Михаилъ Павловичъ.

я гордился ими и взаимно люблю и почитаю васъ какъ человѣка во всей силѣ . . . . . [1]) съ сими чувствами пребуду навсегда, мил. госуд., ваш. превосх. покорнѣйшій слуга князь Рѣпнинъ.

Полтава. 30 сентября 1821 г.

2) Предписанія стародубовскому комисару о евреѣ и открытыя (листы?) для взиманія лошадей, препровождаю, но съ уговоромъ, чтобъ меня не объѣхать, ибо Полтава по дорогѣ въ Екатеринославь, въ еѣ же возвращаюсь 28 сего мѣсяца и пробуду до 15 будущаго, а тамъ отправляюсь торговать въ Роменъ, изъ Андреевки.

Яготинъ уже я посѣтилъ, мѣсто прелестное, но по несчастію и тамъ, подобно Почепу, нема грошей. Слава Богу, что оказалось около 3 тыс. душъ свободныхъ, слѣдственно можно будетъ вывернуться, а не то нынѣшній годъ пришлось бы приплачиваться за наслѣдіе.

Уповая на скорое свиданіе, прошу о продолженіи лестной для меня дружбы вашей и пребываю съ отличнѣйшимъ почтеніемъ, м. госуд., в. прев., покорн. слуга князь Рѣпнинъ.

Черниговъ. 19 іюня 1822 г.

3) Возвращеніе почепскаго управителя даетъ мнѣ удобный случай поблагодарить васъ за дружеское письмо ваше и посѣщеніе Почепа. Жалѣю, что самъ не былъ въ сей грязной столицѣ нашей, для принятія дорогого гостя и просвѣщеннаго опытнаго технолога; справедливыя замѣчанія послужили бы въ пользу хозяину, часто еще блуждающему, ибо руководствуетъ свои заведенія только по теоріи, а на практику времени нѣту.—Москва по старому обычаю да и Петербургъ тоже—сбрехали; новый годъ ничего новаго намъ не принесъ кромѣ сбора запасовъ и подводъ для арміи. Вы тоже по екатеринославской губерніи въ ономъ участники, слѣдственно входить въ подробности не нужно. Шляхта легче взнесетъ, но козакамъ трудно будетъ, ибо придется покупать и потому нужно будетъ сдѣлать налогъ отъ 2 до $2^1/_2$ руб. съ ревижской души; продавцы на квитаціи не дадутъ и я думаю, что невозможно будетъ купить по той цѣнѣ, которая зачитаться будетъ въ подать.

У васъ чрезъ Пануровку проѣзжалъ Строгоновъ, зять г. В. П. [2]) можетъ быть вы съ нимъ писали. Я послалъ тетрадь разныхъ замѣчаній; воля ихъ вѣрить намъ или нѣтъ, но честь, присяга и память

---

[1]) Не разобрано.

[2]) Графа Виктора Павловича (Кочубея).

предковъ, обязываютъ говорить правду; недовѣренностью правительство себя затрудняетъ и уменьшаетъ моральныя свои силы, столь много дѣйствующія на физическія.

Жена несчастнаго брата моего пишетъ мнѣ изъ *Четинскаю Острова*, что зять вашъ[1]) весьма горюетъ, не получая съ нам мѣсяца извѣстія о супругѣ и дѣтяхъ. Богъ поразилъ моего узника еще вящимъ несчастіемъ: единственный сынъ его скончался 17 генваря. Малютка былъ прелестный и мы съ женой по истинѣ какъ бы потеряли собственнаго сына.

Такія времена, дражайшій Михаилъ Павловичъ, что во всякомъ письмѣ вмѣшается грустная статья; но тутъ то и нужно утѣшеніе дружбы, почему воззывая къ продолженію вашей столь для меня лестной, прошу принять увѣреніе въ томъ отличнѣйшемъ почтеніи и совершенной преданности съ какими честь имѣю быть, м. г., в. прев., покорн. слуга к. Рѣпнинъ.

Полтава. 17 февраля, 1828 г.

4) Искренно благодарю ваше превосходительство, за дружеское письмо, какъ за новое доказательство тѣхъ чувствъ, которыя я желаю, чтобы всегда сохранились между нами.—Я пріѣхалъ сюды точно по курьерски и такимъ же образомъ долженъ и вернуться въ Полтаву, куды непремѣнно долженъ вернуться къ 21 числу.—Государю угодно было возложить на меня изслѣдованіе по доносу гр. Ланжерона на людей прежде на него доносившихъ, и къ тому числу ожидаю и требуемыхъ мною свѣденій изъ Одессы; сіе единственно мѣшаетъ мнѣ заѣхать въ Понуровку, гдѣ всегда пріятно и желаю быть, а особенно въ то время, когда вы порадованы помолвкою дочери вашей; примите искреннѣйшее мое поздравленіе и желаніе, чтобы молодые были столь же счастливы въ своемъ супружествѣ, какъ мы съ вами.

Свидѣтельствуя мое почтеніе милостивой государынѣ Настасьѣ Яковлевнѣ, приношу ей тоже мое поздравленіе, но ей право не къ лицу быть бабушкой.

Я проѣзжаю чрезъ Стародубъ въ понедѣльникъ и повторяю, что мнѣ весьма прискорбно быть лишену удовольствія васъ видѣть. Не побываете ли вы у насъ въ Полтавѣ? Государь будетъ въ іюлѣ или августѣ.

---

[1]) Фонъ-деръ-Бриггенъ.

Примите удостовѣреніе въ отличнѣйшемъ почтеніи и совершенной преданности съ коими честь имѣю быть, м. г., в. прев., покорн. слуга князь Рѣпнинъ.

10 марта (изъ Почепа?)

Къ статьямъ проф. Н. Ѳ. Сумцова «Культурныя переживанія». Печатавшіяся въ теченіе всего прошлаго 1889 г. въ «Кіев. Старинѣ» статьи проф. Н. Ѳ. Сумцова затронули такъ много живыхъ и интересныхъ вопросовъ народной жизни, что естественно вызвали нѣкоторыя дополненія и объясненія со стороны разныхъ лицъ. Охотно удѣляя мѣсто для всѣхъ такихъ дополненій въ отдѣлѣ извѣстій и замѣтокъ, мы на этотъ разъ приводимъ два изъ нихъ, касающихся вопроса о кумовствѣ и вопроса о церковныхъ и монастырскихъ пасѣкахъ.

I. *Къ вопросу о кумовствѣ.* Проф. Сумцовъ, разсматривая «развитіе понятій народа о нравственномъ значеніи кумовства» («Кіев. Ст.», X, стр. 18), говоритъ: «народно-поэтическіе мотивы о разгульныхъ и развратныхъ кумовьяхъ выражаютъ то, что было въ народной жизни въ старину, что и теперь часто встрѣчается въ бытовой жизни».—Говоря это, почтенный изслѣдователь, какъ видно, упустилъ изъ виду тѣ, такъ сказать, степени родства по кумовству, которыя признаются самимъ народомъ. Такъ—*клыкани*, т. е. приглашенные, кумъ и кума по отношенію къ пригласившему будутъ, по народному понятію, считаться *рідными* и сожительство между ними почитается не только тяжкимъ преступленіемъ, но и смертнымъ грѣхомъ. Воспріемники же между собою будутъ считаться *товарышамы* и сожительство между ними, хотя и считается предосудительнымъ, но приравнивается къ обыкновенному прелюбодѣянію. Вольныя отношенія между такими кумовьями-*товарышамы*, должно полагать, и породили фривольныя пѣсенки въ родѣ: «И кумушка, и голубушка», «Ой кумъ куми радъ, повивъ куму въ виноградъ», «Ой кумъ до кумы та раненько иде», «Кума моя любленная, чого въ тебе пелена не зарубленная?» и мн. др.

Кстати: *клыканный* кумъ можетъ пригласившему его давать совѣты и выговоры, даже обругать и ударить его безнаказанно, такъ какъ послѣдній не имѣетъ права отвѣтить ему тѣмъ же—грѣхъ.

Далѣе проф. Сумцовъ приводитъ галицкую пѣсню, гдѣ выражено воззрѣніе народа на сожительство между кумами. Пѣсня эта

существуетъ и въ нашей степной Украинѣ; въ имѣющемся у насъ варіантѣ прямо указано на предосудительность сожительства именно между ридными кумами. Первые два ея куплета, очевидно, испорчены и скомканы, за то послѣдующіе, въ которыхъ и содержится самая суть, вполнѣ сохранили свою цѣлость и неприкосновенность.

Якъ пиду я въ чысте поле
Квасоли садыты;
Посадыла квасолыну
Тай пишла до дому.
Не дійшла я до домоньку,
Въ шынокъ заблудыла;
Заглянула у виконце—
Пье мылый зъ кумою.
—Хыба тоби, кума моя,
Нема дома дила,
Що ты зъ моимъ чоловикомъ,
Въ шыночку засила?—
«Иды, мыла, до домоньку
Вечери варыты,
А я буду изъ кумою
Горилочку пыты». Говоритъ мужъ.
Якъ прыйшла я до домоньку
Пидпалыла дрова,
Сюды-туды повернулась,
Вечеря готова.
Насыпала борщу-кашы,
Положыла ложкы,
Одвернулась до порога,
Заплакала трошкы.
Напоила, накормыла,
Обложыла спаты,
Сама пишла у кантору,
Дала панамъ знаты.
«Паны мои сенаторы (v. секретари)
Ввольнить мою волю:
Возьмить мого чоловика
Зъ *ридною* кумою».
Паны мои сенаторы
Воленьку вволнылы,
Взялы мого чоловика
Въ кайдалы забылы.
—Ой що жъ це ты, моя мыла,
Мени наробыла,
Що ты мене молодого
Въ кайдалы забыла?
«Не я тоби, мій мыленькый
Та такъ наробыла,
Наробыла тоби, мылый,
Твоя кума мыла,
Вона тебе молодого
Въ кайдалы забыла».

Зап. въ александр. у., екатеринославской губ.

Приведу еще одну небольшую пѣсенку, замѣчательную по вдумчивымъ отвѣтамъ кумы на запретные, какъ видно, предложенія кума.

Ой прыйшовъ кумъ до кумы,
А кума мые ложкы.
—Кыдай, кумо, ложкы,
Поговорымо трошкы.
«Ой куме, куме,
Превелыкый думе,
Жаль тебе покынуты,
Грихъ й остановыты».

Ой прыйшовъ кумъ до кумы,
А кума мете хату.
—Кыдай, кумо, хату,
Та ходимо у кимнату.—
«Ой куме, куме,
Превелыкый думе,
Жаль тебе покынуты,
Грихъ й остановыты».

Зап. тамъ же.

Кромѣ *клыканного* кума бываетъ еще и *стричанный*, т. е. встрѣчный. Берется онъ въ такихъ же случаяхъ, какъ и у великороссовъ. *Стричанный* кумъ почетнѣе *клыканного*. Но еще почетнѣе и *рядничимъ* считается *одкупный* кумъ, о которомъ г. Сумцовъ говоритъ въ той же книгѣ, стр. 34. Берется онъ—если дитя долго хвораетъ, что часто приписывается несчастливости *клыканныхъ* кумовьевъ.

Обрядъ *одкупа*—не сложенъ. Приглашеннымъ *одкупнымъ* кумамъ хворый ребенокъ подается или черезъ «синешній» порогъ, или въ окно; они его берутъ и даютъ нѣсколько денегъ, одѣваютъ въ новое, принесенное съ собою бѣлье, и затѣмъ *одкупный* кумъ во всѣхъ послѣдующихъ случаяхъ жизни откупленнаго—замѣняетъ ему крестнаго, права котораго съ этого часа какъ бы игнорируются. **Ив. М—ра.**

II. *Къ вопросу о церковныхъ и монастырскихъ пасѣкахъ.* Въ № 3 «Кіевской Старины» за 1889 годъ профессоръ Сумцовъ въ своей интересной статьѣ «Культурныя переживанія», между прочимъ, коснулся и вопроса о церковныхъ и монастырскихъ пасѣкахъ на югѣ Россіи. По этому поводу могу сообщить слѣдующее. Въ селѣ Михайловкѣ (оно же Елисаветградка) издавна существуетъ церковная пасѣка при мѣстной Успенской церкви, въ пользу которой и идутъ доходы съ нея (пасѣки). Затѣмъ, вблизи того же села (въ 5 вер.), въ одной изъ лѣсныхъ сторожекъ казенной плосковской дачи, чернолѣсскаго лѣсничества, въ сѣняхъ, на сволокѣ, вырѣзана славянскими буквами слѣдующая очень интересная для нашего края надпись: *«создася домъ сей въ байраку Плоскомъ новозаведенной пасѣки лавры свято-кіево-печерской року 1756, мая* кѝ *дня.* Сволокъ этотъ (дубовый), несмотря на древность свою, еще очень хорошъ на видъ и проченъ. На нижней сторонѣ вдоль его находится рѣзьба въ видѣ толстаго каната съ плоскимъ крестомъ посерединѣ сволока. Надпись эта разъясняетъ мѣстное преданіе о существованіи монастыря въ Плоскомъ байракѣ; среди лѣса и до сихъ поръ есть мѣсто, носящее названіе «Монастырища». Разсказываютъ, что здѣсь когда то стоялъ монастырскій домъ, изъ котораго и взятъ, въ числѣ прочаго строительнаго матеріала, упомянутый выше сволокъ. Существованіе лаврской пасѣки въ нашемъ краѣ свидѣтельствуетъ о томъ, насколько онъ прежде былъ благодатенъ и представлялъ благопріятныя условія для пчеловодства, которое теперь у насъ почти пало [1]).

[1]) Интересно, что въ указанной мѣстности все таки и понынѣ уцѣлѣла давняя пасѣка въ нѣсколько сотъ пней у мѣстнаго священника Успенской церкви.

Не лишнимъ, полагаю, будетъ указать, что «Плоскій байракъ» представляетъ собою одну изъ вѣтвей громаднаго (для степей) лѣса, тянущагося вдоль границы нынѣшняго чигиринскаго уѣзда, кіевской губ., съ небольшими перерывами верстъ на 60 и носящаго разныя названія на своемъ протяженіи.

Вблизи Плоскаго байрака въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вв. были расположены козачьи станицы Григорьевка, отъ которой осталось лишь нѣсколько избушекъ [1]), и Михайловка, обращенная въ двадцатыхъ годахъ въ военное поселеніе. **Н. Левитскій.**

Нѣсколько данныхъ о состояніи кіевскаго учебнаго округа въ 1835 году. Въ октябрѣ 1835 года ожидался въ Кіевѣ царскій проѣздъ, при чемъ на этотъ разъ онъ долженъ былъ имѣть для города нѣкоторое спеціальное значеніе, благодаря тому, что предположено было въ присутствіи императора совершить закладку университетскаго зданія. Въ виду этого разсчитывали всѣ, что Николай I пробудетъ въ городѣ нѣсколько дней и успѣетъ осмотрѣть недавно открытый университетъ въ его первоначальномъ положеніи, учебныя заведенія и пр. На дѣлѣ, впрочемъ, вышло иначе: Царь пробылъ въ Кіевѣ всего лишь нѣсколько часовъ; зданія университетскаго не закладывалъ, какъ говоритъ Максимовичъ въ своихъ «Письмахъ о Кіевѣ», благодаря неосторожному отвѣту генералъ-губернатора, опрометчиво сказавшаго, что смѣта постройки зданія доходитъ до семи милліоновъ, между тѣмъ, какъ впослѣдствіи оказалось, вдвое меньше; не было также Высочайшаго осмотра учебныхъ заведеній, а только наскоро состоялся милостивый пріемъ всей университетской корпораціи [2]). Между тѣмъ, къ этому дню, очевидно, приготовлены были подробные всеподданнѣйшіе рапорты, какъ о состояніи округа, такъ и университета въ частности. Объ этомъ можно судить потому, что у насъ имѣются два несомнѣнно подлинныхъ такихъ рапорта—одинъ за подписью тогдашняго попечителя округа фонъ-Брадке, а другой за подписью тогдашняго ректора университета Максимовича. Сверхъ того, у насъ имѣется еще нѣсколько документовъ, относящихся къ этому же моменту, но не скрѣпленныхъ подписями; очевидно, эти

---

[1]) Жители же „перегнаны“ военно-поселенческимъ начальствомъ въ с. Федварь.

[2]) Подробности объ этомъ въ „Исторіи унив. св. Владиміра“. М. Владимірскаго-Буданова, т. I, стр. 288—292.

документы служили подготовительнымъ матеріаломъ для составленія самихъ рапортовъ.

На этотъ разъ мы подѣлимся съ читателями данными, касающимися состоянія всего учебнаго округа, каковыя находятся въ рапортѣ попечителя фонъ-Брадке, оставляя для слѣдующей книжки данныя о состояніи университета въ частности по рапорту ректора М. Максимовича.

На первомъ планѣ въ рапортѣ находятся высшія учебныя заведенія округа, каковыхъ было два: Императорскій университетъ св. Владиміра съ 27 чиновниками, 29 преподавателями и 123 учащимися, изъ которыхъ казеннокоштныхъ 23 и пансіонеровъ 8; лицей князя Безбородка въ Нѣжинѣ съ 6 чиновниками, 12 преподавателями, 2 комнатными надзирателями и 170 воспитанниками, изъ которыхъ казеннокоштныхъ 17, пансіонеровъ 11.

Далѣе въ рапортѣ идетъ перечень учебныхъ заведеній по губерніямъ, при чемъ учебныя заведенія распредѣлены по такимъ рубрикамъ: 1) гимназіи, 2) уѣздныя училища, 3) приходскія училища, 4) частные пансіоны съ подраздѣленіемъ ихъ на мужскіе и женскіе.

Во всей кіевской губерніи была только одна гимназія, именовавшаяся *губернской* (теперешняя 1-ая кіевская гимназія) съ 6 чиновниками, 16 преподавателями, 8 комнатными надзирателями и 591 учащимся, изъ которыхъ въ благородномъ пансіонѣ было 84 (казеннокоштн. 20 и пансіонеровъ 64), въ конвиктѣ бѣдныхъ дворянъ 40 (казеннокоштн. 29, пансіонеровъ 11) и въ училищѣ землемѣровъ 20 (всѣ казеннокоштн.). Уѣздныхъ училищъ было въ губерніи всего 4 съ 324 учащимися; приходскихъ училищъ—12 съ 251 учащимся мужескаго пола и 94 женскаго; частныхъ пансіоновъ: мужскихъ—3 съ 112 учащимися и женскихъ—7 съ 196 учащимися.

Въ волынской губ. было двѣ гимназіи: *житомирская*, именовавшаяся *губернской*, съ 5 чиновниками, 10 преподавателями и 320 учащимися, и *клеванская* съ 3 чиновниками, 12 преподавателями и 254 учащимися. Уѣздныхъ училищъ было въ губерніи 4 съ 266 учащимися; приходскихъ училищъ—19 съ 351 учащимся (всѣ мужескаго пола); частныхъ женскихъ пансіоновъ 3 съ 48 учащимися.

Въ подольской губ. тоже было двѣ гимназіи: *каменецъ-подольская*, именовавшаяся *губернскою*, съ 4 чиновниками, 10 преподавателями и 210 учащимися; *винницкая*—съ 2 чиновниками, 12 преподавателями и 322 учащимися. Уѣздныхъ училищъ въ губерніи было только 2 съ 146 учащимися; приходскихъ училищъ только 3 съ 237

учащимися (всѣ мужескаго пола); частныхъ пансіоновъ: мужскихъ 2 съ 19 учащимися, и женскихъ—4 съ 47 учащимися.

Наконецъ, въ черниговской губерніи было двѣ гимназіи: *черниговская*, именовавшаяся *губернскою*, съ 6 чиновниками, 11 преподавателями и 170 учащимися; *новгородъ-сѣверская*—съ 3 чиновниками, 11 преподавателями и 268 учащимися. Уѣздныхъ училищъ во всей губерніи было 17 съ 1005 учащимися (въ томъ числѣ стоитъ Александровское греческое училище въ Нѣжинѣ); приходскихъ училищъ—17 съ 669 учащимися (всѣ мужескаго пола); частныхъ пансіоновъ не было совсѣмъ. Итого во всемъ округѣ было: 2 высшихъ учебныхъ заведенія съ 293 учащимися, 7 гимназій съ 2135 учащимися, 27 уѣздныхъ училищъ съ 1741 учащимся, 51 приходское училище съ 1508 учащимися мужескаго пола и 94—женскаго, 5 частныхъ мужскихъ пансіоновъ съ 131 учащимся и 14—женскихъ съ 291 учащейся.

Такимъ образомъ, всѣхъ учебныхъ заведеній—106, всѣхъ учащихся—5808 мужескаго пола и 385—женскаго.

Въ дополненіе къ этому рапорту у насъ имѣется вѣдомость о состояніи учебныхъ заведеній г. Кіева въ томъ же 1835 году. Хотя вѣдомость эта не подписана никѣмъ, но, судя по чистотѣ ея и по датѣ «октября—дня 1835 года», можно смѣло отнести ее къ документамъ вполнѣ достовѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что найдена она нами въ бумагахъ М. Максимовича вмѣстѣ съ указанными раньше рапортами, т. е. очевидно—и эта вѣдомость готовилась къ царскому проѣзду. Въ ней, сверхъ указанныхъ уже въ рапортѣ данныхъ, находимъ перечень учебныхъ заведеній г. Кіева, а именно: кіево-подольское уѣздное училище со 162 учащимися; 4 приходскихъ училища: кіево-печерское мужеское ланкастерское съ 45 учащимися, кіево-печерское дѣвичье съ 42 учащимися, кіево-подольское мужеское съ 47 учащимися и кіево-подольское дѣвичье съ 52 учащимися; 5 частныхъ пансіоновъ: мужескій пансіонъ Коваленкова съ 20 учащимися, женскіе пансіоны—Тютэ съ 65 учащимися, Коваленковой съ 15 учащимися, Залесской съ 40 учащимися, Смирновой съ 24 учащимися. Всего въ г. Кіевѣ—12 учебныхъ заведеній (съ высшимъ и средними) съ 1015 учащимися мужескаго пола и 164—женскаго.

Печатая всѣ эти данныя, мы, съ одной стороны, желаемъ опубликовать тотъ матеріалъ, который можетъ послужить въ пользу составителю исторіи кіевскаго учебнаго округа (мелькомъ упоминалось

въ газетахъ, что эта исторія уже изготовляется), а съ другой—надѣемся помочь читателю нарисовать въ умѣ, хотя блѣдную, но все же картинку умственной жизни нашего края 55 лѣтъ тому назадъ.

В. Науменко.

Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи [1]). Нѣкоторые обряды, соблюдаемые въ настоящее время въ Малороссіи при погребеніи, или только недавно вышедшіе изъ употребленія, указываютъ на глубокую древность и на языческія міровоззрѣнія такія, какія были относительно этого предмета у классическихъ народовъ.

По представленію народа загробная жизнь есть продленіе настоящей, поэтому для покойника требуется все то, что окружаетъ его въ обыденной жизни. Такое представленіе со всею ясностью обрисовывается въ первобытной Руси. Въ описаніи погребенія русса сказано, что покойника положили въ судно, одѣли его въ лучшія, дорогія одежды, поставили подлѣ него горячій напитокъ. «Затѣмъ взяли двухъ лошадей, гоняли ихъ, пока онѣ не вспотѣли, затѣмъ ихъ разрубили мечами и мясо ихъ бросили въ судно; затѣмъ привели двухъ быковъ, также разрубили ихъ и бросили въ судно; затѣмъ принесли пѣтуха и курицу, зарѣзали ихъ и бросили туда же» [2]). Съ этимъ покойникомъ, какъ извѣстно, сожигаютъ дѣвушку, которую раньше убиваютъ.

Основной смыслъ этого погребенія составляетъ желаніе дать покойнику возможность жить послѣ смерти, какъ онъ жилъ и при жизни, а потому съ покойникомъ вмѣстѣ хоронились рабы, служанки и всѣ предметы домашняго быта.

Сходный съ этимъ обычай очень долго сохранялся въ Малороссіи. По разсказамъ стариковъ, только лѣтъ 50 назадъ прекратилось обыкновеніе класть въ гробъ покойника хлѣбъ, горшокъ съ кашей и графинъ съ водкой; и теперь на старыхъ кладбищахъ нерѣдко натыкаются на могилы, въ которыхъ находятъ посудину съ водкой. До настоящаго времени сохранился еще обычай ставить вечеромъ того дня, въ который погребли умершаго, на покути (въ переднемъ, почетномъ углу) или на окнѣ стаканъ съ водой или водкой

---

[1]) Это сообщеніе, какъ рефератъ, мною было читано на VII археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ, въ авг. 1887 г.

[2]) Гаркави: „Сказанія мусульм. писат. о славянахъ и руссахъ“, 98—99.

и краюшку хлѣба. Этотъ обычай основанъ на томъ вѣрованіи, что душа покойника приходитъ въ свой домъ ужинать. Обыкновенно, вода за ночь убываетъ; но народъ смотритъ на это, какъ на несомнѣнное доказательство того, что покойникъ являлся и выпилъ воду.

Несомнѣнно также, глубокая древность видна въ обычаѣ бросать въ могилу мѣдныя деньги. Объ этомъ обычаѣ упоминаетъ и П. Чубинскій въ описаніи малорусскаго погребенія (Тр. э. э., IV, 710) и объясняетъ такъ, что деньги даются *за мисце*. Я подробно разспрашивалъ, какой смыслъ придаетъ народъ этому бросанію мѣдныхъ монетъ, и мнѣ объяснили, что подъ землей живетъ *дидько*, который придетъ и скажетъ: «это мое мѣсто, уходи», и надо ему заплатить за мѣсто, чтобы онъ не прогонялъ. Слово дидько въ малорусской демонологіи замѣняетъ собою древнія низшія божества: и лѣшій — дидько, и домовой — дидько. — Въ послѣднемъ обычаѣ бросать деньги въ гробъ слѣдуетъ видѣть родство съ греко-римскимъ обычаемъ класть мертвецу въ зубы или на лобъ мѣдную монету для уплаты Харону при перевозѣ чрезъ рѣку Стиксъ въ царство тѣней.

Точно также и слѣдующіе обычаи указываютъ на славянскую старину. Въ Малороссіи почти повсемѣстно принято, что покойника везутъ на возу или на саняхъ, непремѣнно запряженныхъ волами; при этомъ вокругъ покойника садятся дѣти, а иногда и взрослые родственники. Въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ сохранился еще обычай отвозить покойника и зимою, и лѣтомъ на саняхъ, чѣмъ отлично объясняется выраженіе Владиміра Мономаха: «*сѣдя на санѣхъ*», т. е. на смертномъ одрѣ.

Когда умираетъ дѣвушка-невѣста, то ее одѣваютъ какъ къ вѣнцу, расплетаютъ и расчесываютъ волосы, кладутъ на голову ленты и вѣнокъ и украшаютъ голову зеленью и цвѣтами. Какъ дѣвушкѣ, такъ и парню на средній палецъ правой руки надѣваютъ металлическое кольцо; между тѣмъ какъ женатому человѣку и замужней женщинѣ кольца не надѣваютъ. Со смертью дѣвушки-невѣсты или парня родные пекутъ коровай, кладутъ его на гробъ и послѣ похоронъ на могилѣ раздаютъ его роднымъ покойника. Дѣлаютъ это для того, чтобы вмѣстѣ съ похоронами состроить парню или невѣстѣ и свадьбу, которой тѣ не дождались. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покойницѣ (дѣвушкѣ) назначаютъ парня-жениха, который идетъ за гробомъ, одѣтый прилично своему званію.

Если умираетъ отецъ или мать и оставляетъ дочерей, не выданныхъ замужъ, то послѣднія расплетаютъ косу, какъ дѣлается это

на свадьбѣ, и идутъ такъ за гробомъ, чтобы дать возможность родителямъ видѣть дочь въ брачномъ одѣяніи.

Новойника обыкновенно провожаютъ съ особенными опредѣленными плачами; но существовалъ обычай, правда не повсемѣстно, не плакать надъ умершимъ, а веселиться, пѣть пѣсни и играть на свирѣли. Такой обычай, по разсказу одной старухи, существовалъ въ селѣ Подвысокомъ, кіевской губ., уманскаго уѣзда. Какъ ни страненъ этотъ обычай, но онъ коренится въ древне-русской тризнѣ, празднествѣ надъ умершимъ, состоящемъ въ военныхъ играхъ, пиршествѣ и веселіи. **Хр. Ящуржинскій.**

Въ какомъ году впервые появились на Руси пушки? [1]) 8 ноября минувшаго года праздновалось пятисотлѣтіе русской артиллеріи. Основаніе для пріуроченія этого празднества къ нынѣшнему году даетъ лѣтописная замѣтка, свидѣтельствующая, что въ 1389 г. были привезены арматы въ Москву изъ нѣмецъ и съ этого времени москвичи стали палить огнемъ. Краткая лѣтописная замѣтка не говоритъ, отъ какихъ нѣмцевъ прибыли первыя пушки и какимъ путемъ онѣ были доставлены. Если имѣть въ виду только одно московское государство, то на основаніи указаннаго лѣтописнаго извѣстія, первое появленіе артиллеріи здѣсь дѣйствительно случилось ровно пятьсотъ лѣтъ назадъ. Однако, что касается Руси западной, то тамъ первое ознакомленіе съ артиллеріей произошло на нѣсколько лѣтъ раньше. И въ западной Руси, какъ и въ московской, учителями пушкарскаго дѣла явились нѣмцы. Извѣстно, что съ XII ст. на берегахъ Балтійскаго моря основалась нѣмецкая колонія, которая въ короткое время разрослась въ обширное государство. Въ началѣ XIII в. въ двухъ разныхъ пунктахъ основываются здѣсь полумонашескіе, полувоенные ордена меченосцевъ и тевтонскій; въ 1237 г. оба ордена соединяются и систематически принимаются за подчиненіе ливонскихъ и литовскихъ племенъ, заселявшихъ сѣв.-вост. побережье Балтійскаго моря. Обладая большими средствами, крѣпкой организаціей и замѣчательными дипломатическими способностями, орденъ весьма успѣшно ведетъ свою миссію, на знаменѣ которой только по ошибкѣ былъ выставленъ крестъ. Крестоносцы не имѣли времени путемъ долгихъ словесныхъ убѣжденій обращать языческихъ туземцевъ: они избрали для этого болѣе краткій

[1]) Настоящая замѣтка нѣсколько запоздала по независѣвшимъ отъ автора обстоятельствамъ.

путь, обращая ихъ igne et ferro, на основаніи знаменитаго папскаго изреченія compellere intrare... Военное искусство ордена скоро пріобрѣло громкую извѣстность въ западной Европѣ; орденъ сталъ въ нѣкоторомъ родѣ знаменитой военной школой, куда ежегодно направлялась для практики въ военномъ дѣлѣ знатная рыцарская молодежь изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Европы. Орденъ внимательно слѣдилъ за успѣхами военнаго дѣла на Западѣ и тотчасъ примѣнялъ у себя всѣ новѣйшія изобрѣтенія военной техники.

Подобное важное изобрѣтеніе, какъ огнестрѣльное оружіе, не могло не обратить на себя вниманія такихъ знатоковъ военнаго искусства, какими были крестоносцы, особенно въ виду того, что сами литовцы успѣли уже перенять у орденскихъ братьевъ многіе пріемы военнаго дѣла, научились строить неприступныя крѣпости, познакомились съ употребленіемъ осадныхъ машинъ и пр. Однако артиллерія появляется у крестоносцевъ сравнительно довольно поздно: въ то время, какъ на Западѣ, во Франціи, Англіи, Италіи она уже повсемѣстно была въ употребленіи къ серединѣ XIV в., орденскіе братья впервые примѣняютъ ее въ походахъ на Литву въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XIV ст. Въ одной изъ прусскихъ лѣтописей (Виганда изъ Марбурга) сохранилось извѣстіе о первомъ появленіи артиллеріи у крестоносцевъ. Разсказывая объ одномъ изъ мелкихъ походовъ крестоносцевъ на Литву въ 1381 г. (крестоносцы ежегодно совершали по нѣсколько такихъ набѣговъ, называвшихся «рейзы») Виганд ъ описываетъ осаду литовской крѣпостцы Naupillen и прямо говоритъ, что въ этой осадѣ крестоносцы впервые употребили въ дѣло пушки, чѣмъ сильно напугали язычниковъ, никогда не видѣвшихъ подобныхъ орудій. (Postea in Naupillen veniunt, ubi preequites multos viros occiderunt. Subsequiturque exercitus et opponunt se castro *bombarden advolventes* crastina die sagittis (*usus bombardarum primus*) impugnant, multi quoque paganorum perterriti sunt, *quum ante hec tempora non asportabant bombardas contra paganos.* См. Script. Rer. Prussic. t. II p. 599, тоже и въ нѣмецкомъ оригиналѣ той же хроники: A. 1380 (годъ невѣренъ, данный походъ былъ въ 1381 г.) Zog der orden in das landt Weigow vor Naupillen *und brochten puchsen dorvor.* Do das die heiden horten, goben sie sich mit weib und kindt und huldigten in. *Und das woren die ersten buxen die im landt gehort woren.* Ib. p. 601.

Однако и литовцы, перенявшіе, какъ мы уже сказали, много техническихъ военныхъ пріемовъ у крестоносцевъ, успѣли пріобрѣсть

артиллерію почти одновременно съ орденскими братьями. Въ 1382 г. Кейстутъ при осадѣ орденской крѣпости Юргенбурга имѣетъ уже пушки. (Post Pascha navigio per Mimilam descendit Kynstut *cum bombardis* ante Jurgenborg vulgariter. Scr. Rer. Pruss. II p. 613, тоже въ нѣмецкомъ текстѣ: Item, do zog könig Kinstut in Preussen vor Insterborg *und brochte buxen mit.* Ibid) Лѣтопись не говоритъ, откуда досталъ пушки Кейстутъ, были ли это отбитыя у крестоносцевъ орудія, или литовцы успѣли гдѣ нибудь заказать и для себя орудія, въ важномъ значеніи которыхъ они убѣдились на дѣлѣ, въ стычкахъ съ орденомъ. Мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ первое. Въ періодъ 1380—81 г. литовцы не разъ нападали на орденскія земли и иногда довольно успѣшно; такъ, въ одинъ изъ набѣговъ Кейстутъ захватилъ 500 плѣнныхъ; при этомъ онъ могъ и отбить орудія у крестоносцевъ. Разсказывая объ осадѣ Трокъ Ягелла вмѣстѣ съ крестоносцами (въ время эпоху борьбы Ягелла съ Кейстутомъ 1382), Вигандъ говоритъ, что магистръ ордена подарилъ Ягеллу пушки, привезенныя крестоносцами для осады города (et sic marschalkus... *bombardas, quas adduxerat* ad vincendas terras in Dei laudem et virginis Marie *dedit regi, nec ullam deduxit.* Scr. Rer. Prussic. II, p. 618) Такимъ образомъ западная Русь познакомилась съ употребленіемъ артиллеріи нѣсколько раньше, чѣмъ восточная; но при плохомъ состояніи тогдашнихъ орудій и неумѣніи съ ними обращаться, артиллерія приносила пока мало пользы: такъ, Витовтъ имѣлъ пушки въ битвѣ съ татарами на Ворсклѣ, что однако не помѣшало ему потерпѣть жестокое пораженіе.

И. А. Линниченко.

Генеральный писарь Андрей Безбородко.

Р. 1711 † 1780.

(КЪ ПОРТРЕТУ).

Безбородки происходятъ изъ переяславскаго мѣстечка Березани, гдѣ въ нач. XVIII в. жилъ „панъ Яковъ Безбородченко“ — отецъ генеральнаго писаря Андрея Безбородка и дѣдъ князя Александра Безбородка. Купивъ въ 1706 г., „ставище“ на Сухой Оржицѣ, Яковъ Безбородченко устроилъ здѣсь хуторъ, къ которому сталъ затѣмъ прикупать сосѣднія земли, изъ которыхъ образовалось къ 1717 г. значительное земельное владѣніе, утвержденное за Безбородкомъ въ томъ же году, универсаломъ Скоропадскаго. Дальнѣйшія земельныя пріобрѣтенія Безбородка утвердилъ за нимъ гетманъ Апостолъ универсаломъ 1728 г., въ которомъ Яковъ Безбородко называется уже „значковымъ полку переясловского товарищемъ“. Въ это время старшій сынъ Якова Безбородка—Андрей уже служилъ въ генеральной канцеляріи канцеляристомъ и скоро за его способности, былъ замѣченъ Апостоломъ, который „извѣдавши Безбородка добропорядочно и по чистой совѣсти поступающа, къ должности старшаго канцеляриста, въ 1733 г., въ сентябрѣ мѣсяцѣ, опредѣлилъ словесно“. При кн. Барятинскомъ (1736—37) Б. дѣлается уже близкимъ къ этому „правителю“ Малороссіи чиновникомъ. Изъ м. Переволочной, въ сентябрѣ 1737 г., Б. пишетъ полтавскому полковому писарю Руновскому: его сіятельство (кн. Барятинскій) изволилъ приказать мнѣ писать къ вм. пану, партикулярно, дабы проискать доброго пива куфъ зо-двѣ (бочки двѣ) и прислать

какъ скорѣе возможно; а понеже я надѣюсь, что нигдѣ индѣ какъ въ Нов. Санджарахъ[1]) легко доброго пива сыскать возможно, того ради совѣтую вм. пану въ томъ своего особливого приложить стараня, дабы доброго и тонкого пива куховъ зо двѣ было съ самой скорости въ дворъ его сіят. присланo".—Румянцовъ (отецъ Задунайскаго), замѣнившій Барятинскаго, еще болѣе приблизилъ къ себѣ Б—ка и за смертью генер. писаря Турковскаго, въ 1739 г. поручилъ ему править эту важную въ то время должность. При Кейтѣ, въ 1741 г., Б. былъ утвержденъ генеральнымъ писаремъ. За это время онъ успѣлъ уже получить „въ вѣчное владѣніе" три села и породниться съ мѣстною знатью. Въ прошеніи 1740 г. Андрей Б. писалъ: „По силѣ указа 1736 г., за службы мои опредѣлены мнѣ въ вѣчное владѣніе маетности: село Стольное, да въ гелмязовской сотнѣ села Плешканы и Богданы, кои универсалами—однимъ умершаго кн. Барятинскаго, декабря 1736 г., а другимъ генер. Румянцева, въ апрѣлѣ 1739 г., мнѣ ствержены; только на оныя маетности для совершенной въ вѣчные часы твердости, жалованной грамоты не имѣю; прочіе же братья моя (товарищи) въ должности таковой какъ я нынѣ, въ исправленіи дѣлъ въ войск. генер. канцеляріи званія старшаго войск. канцеляриста и писаря войск. генеральнаго подлежащихъ, находясь, яко то: Кочубей, Володковскій, Валькевичъ и прочіе, жалованныя грамоты получили.—Я же чрезъ немалыя лѣта, такъ въ званіи старшого войск. канцеляриста, яко въ болѣзнь и по смерти писаря войск. генеральнаго Турковскаго, въ его должности трудясь и при главныхъ командирахъ на границы и въ другія въ минувшее военное время, приключаемыя поѣздки, безотлучно на своемъ коштѣ, отлучался". Б. просилъ выдать ему на маетности грамоту, которую и получилъ. Женившись на дочери генеральнаго судьи Михайла Забѣлы, Б. вошелъ въ кругъ стариннаго панства.

Но только что успѣлъ Андрей Б. утвердиться на своемъ вліятельномъ урядѣ и сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ для тогдашнихъ правителей Малороссіи, какъ на него написанъ

[1]) Мѣстечко около Полтавы.

былъ въ Петербургѣ такой доносъ, что въ ноябрѣ 1742 г. былъ присланъ оттуда въ Глуховъ указъ—отрѣшить Б—ка отъ должности и произвести по доносу слѣдствіе самому Бибикову (тогдашнему правителю) съ двумя особо назначенными чиновниками. Доносителемъ явился землякъ Б—ка, яготинскій сотникъ Филиппъ Купчинскій.

Купчинскій обвинялъ Б—ка прежде всего во взяточничествѣ, которое будто бы онъ, пользуясь довѣріемъ правителей, довелъ до небывалыхъ размѣровъ; затѣмъ—въ лицепріятіи къ родичамъ и пріятелямъ. При этомъ Купчинскій разсказываетъ, что Б. началъ опредѣлять полковую и сотенную старшину безъ выборовъ, по личному своему произволу, за деньги. За сотничьи уряды бралъ по 100, по 70 рублей; а для того, чтобъ доходъ свой съ сотниковъ увеличить, убѣдилъ Румянцева—многія сотни подѣлить пополамъ и такимъ образомъ создалъ новыя должности, которыя роздалъ также за деньги. Не довольствуясь и этимъ, говоритъ Купчинскій, Б. установилъ новые уряды „вакансовые", завевъ такой порядокъ, что при неимѣніи вакантнаго уряда, выдавалъ искателю мѣста свидѣтельство на „вакансовое сотничество" и даже полковничество, съ тѣмъ, что получившій такое свидѣтельство, имѣлъ право получить первое открывшееся сотничье или даже и полковничье мѣсто.—Затѣмъ Б. увеличилъ число канцеляристовъ въ своей канцеляріи до 200 человѣкъ; а при Апостолѣ ихъ было, по словамъ Купчинскаго, всего 30; за принятіе въ канцелярію Б. также бралъ взятки и для увеличенія ихъ размѣровъ, сталъ опредѣлять канцеляристами людей „посполитой породы", т. е. крестьянъ и мѣщанъ.—Доносъ свой Купчинскій подтверждалъ многими примѣрами, въ доказательство которыхъ ссылался на свидѣтелей. Такъ доноситель разсказывалъ, что на урядъ новгородсѣверскаго сотничества Густавъ Биронъ рекомендовалъ Румянцеву значковаго товарища Александра Пилатовича, за котораго подали де голоса свои и сотняне; но, не смотря на это, Б. отдалъ тотъ урядъ Степану Судьенку, взявъ съ него за то 600 р. и четыре бочки водки. Выкрещенный еврей Крыжановскій сначала получилъ водочный откупъ въ двухъ полкахъ, лубенскомъ и миргородскомъ, а потомъ опредѣленъ въ

м. Глинскъ сотникомъ; за это Б. получилъ отъ него 260 червонцевъ да жемчугу для жены, рублей на триста. Родственникамъ раздалъ де Б. слѣдующія мѣста: свояку Ивану Сахновскому—черниговскаго обознаго, а сыновьямъ его, Григорію и Якиму Сахновскимъ—старосанжаровскаго и менскаго сотниковъ, да племяннику жены, Василію Быковскому—гадяцкаго судьи. Особенно обильный доходъ, по словамъ доносителя, доставляли Б—ку тѣ взятки, которыя онъ бралъ за опредѣленіе молодыхъ людей въ канцеляристы генеральной канцеляріи. Такъ будто бы, Б. взялъ у Кисилевскаго, за принятіе въ канцеляристы генер. канцеляріи, шесть кубковъ серебряныхъ и два перстня; у Григорія Иваненка — лошадь съ рондомъ сребрянымъ; у Григорія Туманскаго—сребр. кружку въ двѣ кварты; у Якова и Семена Концевичей—девять кубковъ сребряныхъ; у Дунина-Борковскаго—пятнадцать стѣнныхъ ковровъ; у Михайловича—портище штофу; у Ивана Тумковскаго—сребр. лядунку; у Кирилла Лукашевича—листоваго стекла на окна, въ построенный въ м. Стольномъ домъ; у Федора Чернацкаго — большой турецкій наметъ (палатку) и т. д. Бралъ взятки Б. и съ тѣхъ урядниковъ, которые получали мѣста по выбору: съ Андрея Рубца взялъ меду сто пудовъ и водки десять бочекъ за то, чтобъ Рубцу быть судьею стародубскимъ, а не обознымъ, и за то, что ему, Рубцу, стараніемъ Б—ка „отданъ былъ въ подданство свободный городъ Мглинъ“, что послѣ уничтожилъ правитель Леонтьевъ; у бунчук. товарища Андрея Полуботка взялъ сто брусьевъ дубовыхъ; у бунчуков. товарища Андрея Дунина-Борковскаго взялъ цѣлый домъ, который перевезъ въ Стольное; у компанейскаго полковника Игната Чеснока взялъ турецкую янычарку (саблю); у полковника Капниста—15 лошадей, за рѣшеніе дѣла его съ маяцкимъ сотникомъ...

Изъ этого доноса видно, что Андрей Б. при правителяхъ, до 1741 г., былъ едва ли не самымъ вліятельнымъ чиновникомъ въ Малороссіи.—Доносъ былъ слишкомъ важенъ, но слѣдствіе по нему производилось замѣчательно медленно: Б. отрѣшенъ былъ отъ должности въ ноябрѣ 1742 г., но первый допросъ ему былъ сдѣланъ лишь въ концѣ марта слѣдующаго года, а второй

допросъ произведенъ почти черезъ пять лѣтъ, въ маѣ 1747 г. На обвиненія во взяточничествѣ при раздачѣ мѣстъ, Б. отвѣчалъ, что не онъ опредѣлялъ чиновниковъ, а правители; взятокъ же онъ не бралъ никакихъ. Послѣ втораго допроса дѣло почему то остановилось вовсе и не двигалось до пріѣзда въ Малороссію Разумовскаго, въ 1751 г.-- Новый гетманъ пожелалъ сразу покончить это дѣло и поручилъ вслѣдъ за прибытіемъ своимъ въ Глуховъ (30 іюня), немедленному разрѣшенію генеральной старшины и полковниковъ, съѣхавшихся въ Глуховъ для встрѣчи гетмана. Въ августѣ дѣло уже было рѣшено: „Купчинскій обвиненъ, а Б. оправленъ старшиною генеральною и полковниками, и по прежнему, ордеромъ гетманскимъ, опредѣленъ въ генеральную канцелярію; а Купчинскій лишенъ сотничьяго чина, чести и 100 ударовъ кіями взялъ". Такъ записалъ это рѣшеніе современникъ Яковъ Марковичъ. Оправданный Б. снова занялъ урядъ генеральнаго писаря и снова сталъ пользоваться прежнимъ вліяніемъ. Не разъ приходится въ архивныхъ бумагахъ встрѣчать универсалы Разумовскаго, подписанные „по повелѣнію гетмана" Б—комъ...

Болѣе десяти лѣтъ правилъ Б. при Разумовскомъ, генеральною канцеляріей. Въ 1762 г. вмѣсто Б-ка, генер. писаремъ назначенъ былъ Василій Туманскій, а Б. былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ генер. судьи.—Отставной Б. поселился въ своемъ Стольномъ (мѣст. сосницкаго уѣзда) и здѣсь доживалъ вѣкъ, радуясь какъ его старшій сынъ Александръ быстро шелъ вверхъ по служебной лѣстницѣ: принятый на службу Румянцовымъ въ 1765 г., молодой Б. въ 1774 г. (27-ми лѣтъ отъ роду) былъ пожалованъ полковникомъ въ кіевскій полкъ, а еще черезъ годъ— сталъ секретаремъ при императрицѣ, „у принятія челобитень".— Умеръ Андрей Б. въ мартѣ 1780 г., оставивъ двухъ сыновей— Александра, будущаго канцлера и свѣтлѣйшаго князя, и Илью, и трехъ дочерей: Анну (Галецкую), Ульяну (Кочубей) и Татьяну (Бакуринскую [1]).

---

[1]) См. Русск. Архивъ 1875 г.

Приложенный къ настоящей книжкѣ портретъ Андрея Б-ка представляетъ точный снимокъ съ портрета, хранящагося въ семьѣ А. П. Бакуринскаго (внука Татьяны Андреевны Б-ко). Въ собраніи В. В. Тарновскаго имѣется другой портретъ Андрея Б-ко—*съ усами*, написанный повидимому, уже въ преклонные годы бывшаго генер. писаря. Подлинникъ этого послѣдняго портрета находится у П. А. Кочубея, въ с. Згуровкѣ, прилуцк. уѣзда.

А. Л.

Библіографія.

1) Кіевъ теперь и прежде. Составилъ инспекторъ кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ М. М. Захарченко. Издалъ содержатель паровaго лито-типографическаго заведенія С. В. Кульженко. Рисунки и клише собственность издателя. Кіевъ, 1888. in-4° (стр. 276. Цѣна 10 руб.). 2) Кіевъ теперь и прежде. Кіевъ, 1888. in-4° (стр. 290+XI—съ указаніемъ именъ. Цѣна 12 руб. въ переплетѣ). 3) Кіевъ теперь и прежде. Кіевъ, 1888 in 4° (стр 290+XVI—съ указателемъ именъ. Цѣна 6 руб. въ переплетѣ).

Какъ можно заключить изъ случайнаго замѣчанія автора (стр. 36—цитируемъ по первому изданію), появленіе книги было вызвано 900-лѣтнимъ юбилеемъ крещенія Руси. Редакція «Кіевской Старины» не дала въ свое время отчета о новомъ вкладѣ въ исторію нашего города, чтобы не омрачать торжества неизбѣжнымъ словомъ укоризны къ издателю, который видимо не пощадилъ средствъ для этого роскошнаго труда и очевидно руководствовался наилучшими намѣреніями. Появленіе въ концѣ прошлаго года новаго, удешевленнаго изданія книги вынуждаетъ редакцію оказать издателю и самому автору ту услугу, какой они вправѣ требовать отъ кіевскаго научно-историческаго журнала. Художественной стороны изданія не касаемся, такъ какъ она нашла справедливую оцѣнку въ своевременно появившейся рецензіи «Вѣстника Европы». Мы несогласны съ мнѣніемъ почтеннаго рецензента петербургскаго журнала, что въ подобнаго рода изданіяхъ текстъ стоитъ на второмъ планѣ. Сочиненіе г. Захарченка весьма обширно, оно снабжено ссылками и учеными цитатами, трактуетъ вопросы высокой важности, замыкаетъ цѣлый рядъ популярныхъ и научныхъ работъ по исторіи нашего города, и конечно, должно представлять поэтому сводку, въ общедоступной формѣ, добытаго ранѣе археологическаго и историческаго матеріала. Разъ ав-

торъ историческаго сочиненія ссылается на свои источники и пособія—какъ это дѣлаетъ г. Захарченко—онъ безспорно вправѣ разсчитывать на большее вниманіе критики къ своему труду.

Сочиненіе г. Захарченка, къ сожалѣнію, лишено предисловія, почему приходится въ самомъ текстѣ искать объясненій размѣра задачи, которую предположено выполнить въ данномъ случаѣ. Судя по эпиграфу, авторъ желалъ повѣдать «потомкамъ православныхъ земли родной минувшую судьбу». Весьма нерѣдкія подстрочныя ссылки на пособія и источники, подчасъ даже первой руки, нерѣдко вводимый въ изложеніе лѣтописный текстъ, видимое соблюденіе принятыхъ въ учено-литературномъ обиходѣ условныхъ знаковъ для указанія заимствованій изъ авторовъ—все это заставляетъ читателя предъявлять къ настоящему труду требованія, которыя были бы неумѣстны относительно простой популярной или справочной книги о Кіевѣ. Съ другой стороны, такъ какъ г. Захарченко въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣлаетъ ссылки не на источники первой руки, приходится сравнить его сочиненіе съ тѣми новѣйшими трудами, которыми онъ пользуется по преимуществу.

Авторъ нашъ ссылается на два источника первой руки: Лаврентьевскую лѣтопись въ изд. 1846 г. и «Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей» 1874 г. Трудно понять, почему г. Захарченко пренебрегъ Ипатской и Густынской лѣтописями и огромной массой матеріаловъ для исторіи Кіева, собранныхъ, напр., въ изданіяхъ кіевской коммисіи для разбора древнихъ актовъ. Изъ новѣйшихъ авторовъ у г. Захарченка встрѣчаемъ ссылки на классическое «Описаніе Кіева» Закревскаго (1868 г.), трудъ Сементовскаго (1881 г.), Фундуклея (1847 г.), Полеваго (1880 г.), Карамзина (т. I), Соловьева (т. I), Горчаковой (1885 г.), брош. г. Малышевскаго о св. Владимірѣ (1888 г.), соч. митр. Макарія (1857 г.), брош. г. Н. Л. (1862—86 г.) и затѣмъ на справочныя книги, въ родѣ календарей, памятныхъ книгъ и т. п. Разъ авторъ добровольно съузилъ до такой степени кругъ своихъ пособій, намъ остается слѣдовать за нимъ.

Основной источникъ, къ которому неизмѣнно тяготѣетъ изложеніе г. Захарченка,—это помянутое выше «Описаніе Кіева» Закревскаго. Сличеніе текста обоихъ авторовъ показываетъ, что добрая половина общей части разсматриваемаго сочиненія почерпнута у Закревскаго, при чемъ г. Захарченко пользуется трудомъ послѣдняго

нѣсколько своеобразно: иногда указываетъ свой источникъ, иногда—нѣтъ, какъ ему заблагоразсудится. Въ указателѣ именъ, приложенномъ къ удешевленному изданію, имѣется перечень ссылокъ на Закревскаго, и одно уже это обстоятельство, повидимому, должно было бы заставить нашего автора нѣсколько осмотрительнѣе пользоваться чужимъ трудомъ, чтобы не вводить читателя въ заблужденіе. Поспѣшность ли составленія книги, или другія какія либо, неизвѣстныя намъ, причины приводятъ г. Захарченка къ цѣлому ряду промаховъ, ошибокъ и неуказанныхъ заимствованій,—нѣкоторыя изъ нихъ укажемъ здѣсь, чтобы характеризовать способъ изложенія нашего автора и не навлечь обвиненія въ голословности. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Закревскій. т. I, стр. 5: «начало Кіева скрывается въ туманѣ отдаленныхъ вѣковъ. Если мы встрѣчаемъ въ классическихъ историкахъ указанія на Днѣпровскія страны, то они столь неудовлетворительны и баснословны, что критикъ ничего достовѣрнаго изъ нихъ извлечь не можетъ».

Г. Захарченко, стр. 19 (безъ ссылки): «когда собственно возникъ Кіевъ, объ этомъ трудно сказать что нибудь опредѣленное, такъ какъ начало и его, какъ и многихъ другихъ городовъ, скрывается въ туманѣ отдаленныхъ вѣковъ».

На стр. 20 у г. Захарченка (безъ ссылки) находимъ любопытное свѣдѣніе, что въ мѣстности, гдѣ т. наз. варяжскія пещеры, «задолго до начала исторіи Кіева уже велась значительная торговля, при чемъ эти пещеры служили убѣжищемъ для купцовъ-пиратовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень удобнымъ мѣстомъ для храненія ихъ сокровищъ». У Закревскаго, т. I, стр. 207 сл., приведено мнѣніе писателей XVII в. Сильвестра Коссова и Аѳанасія Кальнофойскаго, что варяги разбойничали по Днѣпру и имѣли притоны въ пещерахъ кіевскихъ. Отъ себя Закревскій добавляетъ: «какимъ образомъ ученые XVII вѣка пришли къ подобному мнѣнію, не беремся рѣшить». Но за то, кажется, не трудно рѣшить происхожденіе мнѣнія нашего автора по этому интересному вопросу. Замѣтить должно, что и такое мнѣніе составилось у г. Захарченка благодаря посредству Полеваго, который осмотрительно снабжаетъ свою догадку словомъ «можетъ быть», что было извѣстно и г. Захарченку (стр. 95). О возможной принадлежности кіевскихъ пещеръ людямъ каменнаго вѣка г. Захарченко не упоминаетъ (ср. стр. 30).

Закревскій, т. I, стр. 7: «противъ Боричева въ старину былъ чрезъ Почайну и Днѣпръ перевозъ, называемый Кіевымъ; почему нѣкоторые почитали Кія перевощикомъ; но самъ Несторъ, опровергая это мнѣніе, пишетъ» и т. д.

Г. Захарченко, стр. 21 (ссылка на лѣтопись): «внизу города Кіева, противъ Боричева взвоза, помѣщался перевозъ, при помощи котораго въ старину населеніе нагорнаго праваго берега Днѣпра сообщалось съ его лѣвымъ берегомъ. Перевозъ этотъ, говоритъ Несторъ, назывался также Кіевымъ, что и дало поводъ нѣкоторымъ считать Кія перевозчикомъ; но, затѣмъ, лѣтописецъ самъ же и опровергаетъ это мнѣніе» и т. д.

Описаніе языческаго Кіева (стр. 28 сл.) заимствовано у Закревскаго безъ указанія источника, но съ попытками на изложеніе своими словами. Примѣръ:

Закревскій, I, 10: «Кіево-Подолъ въ этомъ столѣтіи былъ еще незаселенъ. Покрытый топями и лѣсомъ, онъ представлялъ пустыню, въ которой однако жъ, какъ бы украдкою между деревьями, находилась церковь св. Иліи, выстроенная на берегу ручья Почайны близъ слободы Козарской; гораздо далѣе, на Оболони, стояло капище бога Волоса».

Г. Захарченко, стр. 28 (безъ ссылки): «вся эта низменность представляла въ тѣ времена незаселенную пустыню; только на Оболони, гдѣ, вѣроятно, были отличныя пастбища, стояло капище покровителя стадъ—бога Волоса. Да на берегу Почайны, какъ бы украдкой, между деревьями ютилась церковь св. Иліи».

Закревскій, I, 13: «слава Кіева была сопряжена съ жизнію Ярослава. Умирая, онъ унесъ съ собою въ гробъ счастіе Кіева и могущество Россіи».

Г. Захарченко, стр. 43 (безъ ссылки): «но слава Кіева была тѣсно связана съ жизнью Ярослава. Со смертью своею, онъ унесъ въ гробъ не только счастье Кіева, но и могущество Руси».

Закревскій, I, 27: «татарамъ никто уже болѣе не сопротивлялся; нѣсколько дней яростно истребляли они все огнемъ и мечемъ... Нѣсколько монаховъ печерской обители, спасшихся отъ

Г Захарченко, стр. 50 (безъ ссылки): «никто уже болѣе не сопротивлялся татарамъ: они свободно расхаживали по городу и яростно истребляли все, что попадалось на встрѣчу... Только по-

меча татаръ, жили въ лѣсахъ, нскопавъ себѣ уединенныя пещеры. Изъ привязанности къ святому мѣсту, тайно, по унылому и протяжному звону колокола, раздававшемуся иногда по ночамъ, собирались отшельники на службу Божію въ одинъ малый придѣлъ церковный, который уцѣлѣлъ среди всеобщаго разрушенія... знаменитая праматерь градовъ русскихъ даже въ XIV и XV вѣкѣ представляла бѣдную деревню».

томъ уже нѣсколько иноковъ печерской обители, изъ привязанности къ святому мѣсту, стали по временамъ собираться изъ сосѣднихъ лѣсовъ по унылому и протяжному звону колокола, раздававшемуся по ночамъ, въ уцѣлѣвшій среди развалинъ придѣлъ церкви. И долго еще Кіевъ представлялъ собою видъ бѣдной деревни».

На стр. 83 у г. Захарченка встрѣчаемъ такую любопытную фразу безъ конца и безъ ссылки: «за этою то косою въ Почайнѣ нѣсколько повыше Хрещатика—тамъ, гдѣ для укрѣпленія берега были вколочены сваи и сдѣланы клѣти, и укрывались отъ бурь и на зиму всѣ рѣчныя суда, отчего и самое мѣсто это стало называться Притыкою. Такъ велось это дѣло многія столѣтія, но вотъ для сокращенія пути порѣшили кіевляне прорыть косу противъ Притыки. Днѣпръ и направился со всей своей силой въ это мѣсто». Это мѣсто почерпнуто изъ описанія Берлинскаго (1820 г., стр. 143, цит. у Закр. II, 722), съ тою разницею, что 1712 г. Берлинскаго превратился въ «но вотъ» нашего автора и что стиль Берлинскаго не лишенъ изящества.

Легко понять, что при спѣшной работѣ неизбѣжны маленькія неточности въ ссылкахъ на источники. Какъ ни излагай лѣтопись, новаго ничего не придумаешь, и немудрено въ самомъ дѣлѣ столкнуться съ Закревскимъ даже безъ дурнаго умысла; но имѣть свои собственныя слова во всякомъ случаѣ обязательно для каждаго автора, или же, въ противномъ случаѣ, точно указывать заимствованія, или, наконецъ, не дѣлать никакихъ ссылокъ. Тогда было бы ясно съ перваго взгляда, что имѣемъ дѣло съ простой компиляціей, отъ которой требуется лишь толковость и ясность изложенія. Не ставя, поэтому, нашему автору въ вину указанныхъ выше, вѣроятно, невольныхъ параллелизмовъ, не можемъ не указать на нѣкоторыя извращенія словъ Закревскаго, создающія путаницу просто безвыходную. Вотъ примѣръ. У Закревскаго, II, 886, читаемъ: «Исторію Ѳеодосіевской церкви можно начать только съ XVII вѣка. Первый пи-

сатель, который упоминаетъ о ней, есть почтенный отецъ Аѳанасій Кальнофойскій... Слова его приведены у насъ выше, на стр. 218». На этой страницѣ въ т. I Закревскій точно указываетъ, что «Терατургима» Кальнофойскаго принадлежитъ 1638 году. Между тѣмъ г. Захарченко, безъ ссылки, излагаетъ такую диковинную вещь: «Но собственно достовѣрная исторія Ѳеодосіевской церкви можетъ быть начата едва только съ XVII вѣка, когда, по свидѣтельству А. Кальнофойскаго (писавшаго—то въ 1638 г.?!), въ 1700 году, казацкимъ полковникомъ Макіевскимъ была построена на мѣстѣ прежней, деревянной, новая, каменная Ѳеодосіевская церковь» (стр. 147). Такое извращеніе Закревскаго тѣмъ болѣе изумительно, что у г. Захарченка страницей раньше встрѣчаемъ такую фразу: «въ 1638 году монахъ Печерскаго монастыря А. Кальнофойскій, составляя планъ пещеръ св. Антонія» и т. д. Изъ стр. 219, т. I Закревскаго нашъ авторъ могъ бы узнать, что свѣдѣніе о Мокіевскомъ почерпнуто никакъ не изъ Кальнофойскаго, а изъ описанія лавры о. Павла Троцкаго. Если справка съ Закревскимъ столь затруднительна, то можно бы обратиться къ описанію митр. Евгенія (Кіевъ, 1826 г., стр. 34), гдѣ именно сказано, что кіевскій полковникъ К. Мокіевскій отстроилъ церковьне въ 1700, а въ 1696 г.; изъ «Сборника матеріаловъ для топографіи Кіева» 1874 г., отд. III, стр. 27, легко можно было бы также узнать время выхода сочиненія Кальнофойскаго, на которое столь неосмотрительно ссылается г. Захарченко.—Ниже увидимъ столь же печальные примѣры непониманія текста Закревскаго.

Изслѣдовать далѣе внѣшніе литературные пріемы автора разсматриваемой книги было бы утомительно, такъ какъ параллели можно бы продолжить до безконечности. Не можемъ, однако, не отмѣтить, что г. Захарченко заимствовалъ описаніе Владимірскаго собора (стр. 233 сл.) изъ весьма толково составленнаго «Путеводителя по Кіеву» В. Д. Бублика (Кіевъ, 1888 г, стр. 67—70), впрочемъ, съ нѣкоторыми перестановками предложеній, и между тѣмъ тщетно стали бы мы искать въ нашей книгѣ ссылки на почтенный трудъ г. Бублика. Отмѣтимъ также фактъ чрезмѣрно широкаго пользованія брошюрами г. П. Л., которыя перепечатываются на протяженіи цѣлыхъ страницъ или перифразируются до крайности запутанно, такъ что, сличая эти труды съ книгой г. Захарченка (см, напр., описаніе лавры), можно прійти въ истинное отчаяніе.

Указанные выше промахи сами по себѣ, конечно, не могли бы лишить всю книгу присущаго ей достоинства, какъ сводки добытыхъ

ранѣе изученій по исторіи нашего города. Какъ ни скудны источники и пособія г. Захарченка, несомнѣнно, что и по нимъ возможно составить удобочитаемый общій очеркъ Кіева и его отдѣльныхъ учрежденій,—для этого нужна однако нѣкоторая любознательность и интересъ къ предмету.

Трудъ нашего автора дѣлится на двѣ части, примѣнительно къ плану Закревскаго: общій очеркъ исторіи и современнаго состоянія Кіева и отдѣльныя описанія святынь, учрежденій и мѣстностей города. Г. Захарченко въ высокой степени владѣетъ искусствомъ группировать свой матеріалъ такимъ образомъ, что читатель рѣшительно лишается возможности составить себѣ сколько нибудь наглядное и вразумительное понятіе по самымъ интереснымъ вопросамъ исторіи и археологіи матери городовъ русскихъ. Археологія и этнографія Кіева, внутренняя жизнь кіевской общины въ эпохи разцвѣта и упадка, дѣятельность и отношенія вѣча къ князьямъ, роль козачества въ исторіи города, исторія просвѣщенія и литературы кіевской, дѣятельность лѣтописцевъ, исторія религіознаго движенія, архитектура, орнаментика и значеніе кіевскихъ святынь, торговля, промыслы, городовое устройство, наконецъ, политическая роль Кіева на всемъ протяженіи дивной его исторіи—все это предметы, о которыхъ ничего опредѣленнаго не узнаешь изъ книги г. Захарченко. Принятая нашимъ авторомъ система изложенія просто не позволяетъ ему остановиться сколько нибудь подробно на этихъ, во всякомъ случаѣ не лишенныхъ интереса, матеріяхъ. Все вниманіе историка сосредоточено на томъ, чтобы соединить разрозненные тексты своихъ пособій нѣсколькими вводными—замѣтимъ, крайне обманчивыми и высоко наивными—связками и затѣмъ перепечатывать безъ конца. При безпримѣрной неопытности автора въ пользованіи историко-археологическимъ матеріаломъ, неизбѣжно получается путаница просто неслыханная, которая дѣлаетъ трудъ г. Захарченка, скажемъ такъ, классическимъ.

Поясникъ нашу мысль примѣрами. Возьмемъ факты въ порядкѣ страницъ, такъ какъ группировать ихъ—не стоитъ труда.

Послѣ описанія границъ полицейскихъ участковъ на трехъ страницахъ in-4°, воспроизведеннаго буквально словами полицейскаго протокола и едва ли умѣстнаго въ историческомъ трудѣ, г. Захарченко сообщаетъ намъ любопытное свѣдѣніе, что «быстрое увеличеніе населенія Кіева» послѣ 1864 г. объясняется, между прочимъ, «замѣтно увеличивающимся приростомъ населенія» (стр. 18). Дока-

зательства давнихъ сношеній жителей Приднѣпровья съ греками г. Захарченко ищетъ у Полеваго (20). У Константина Багрянороднаго Кіевъ называется, будто бы, Kioawa и Kiavos (22). Лѣтописное: «и начаста владѣти польскою (вм. поляньскою) землею» передается: «не замедлили въ самое непродолжительное время покорить себѣ всю землю полянъ» (23). Между тѣмъ, осторожный Закревскій, придерживаясь въ этомъ случаѣ изложенія г. Захарченка, прибавляетъ: «завладѣли, какъ должно думать, силою оружія». Угорское пренаивно сопоставлено съ уграми, а Ольга, задавшая столь тяжкій трудъ г. Малышевскому, оказывается, согласно съ Карамзинымъ, сельской дѣвицей изъ Пскова (24). «Такіе успѣхи Олега, какъ во внѣ, такъ и внутри государства, а еще болѣе обнаруженная имъ при этомъ хитрость и мудрость—были причиной того, что народъ русскій никакъ не хотѣлъ разстаться съ нимъ и потому придумалъ для него чудесную кончину и составилъ цѣлый рядъ преданій о мѣстѣ его погребенія» (слѣдуетъ одно извѣстное преданіе) и затѣмъ: «такимъ то образомъ Кіевъ сталъ во главѣ русскаго государства» (25). Игорю, извольте видѣть, захотѣлось добыть славы: и вотъ онъ «предпринимаетъ цѣлый рядъ походовъ какъ внутри, такъ и во внѣ русской земли... Изъ этихъ предпріятій Игоря особенно интересенъ для насъ второй походъ его на грековъ: такъ какъ онъ окончился договоромъ между русскими и греками»... Въ чемъ заключался договоръ, неизвѣстно. «Ольга явилась какъ бы предтечей крещенія Руси... Но не пришла еще пора, и Святославъ продолжалъ коснѣть въ идолослуженіи» (26). «И дѣйствительно, идолослуженіе въ это время достигаетъ наибольшаго своего напряженія на Руси, Владиміръ, напр., желая воздать особенную благодарность своимъ богамъ» и т. д. (27). Ольга «отличалась большою мудростію въ правленіи народомъ... Благодаря такой заботливости мудрой правительницы о своихъ подданныхъ» и т. д. (26). «Второй путь извѣстенъ былъ подъ именемъ дороги въ Вѣлгородъ» (29). Варяжскія пещеры составляли, «вѣроятно, самыя древнія убѣжища первобытныхъ обитателей Кіева» (31. У Закревскаго, I, 207—«убѣжища первобытныхъ обитателей *страны кіевскихъ*»). Кіевляне, «видя, какъ потащили ихъ бога съ горы и бросили въ воду, стали горько плакать» (34). Авторъ воспроизводитъ недостовѣрную молитву Владиміра св. при крещеніи кіевлянъ и обходитъ молчаніемъ страшныя дѣянія его въ борьбѣ съ Ярополкомъ, отношенія его къ Рогнѣдѣ, содержаніе рабынь и другіе характерные для современнаго быта факты, но упрекаетъ сыновей Владиміра въ неблагодарности,

такъ какъ они рѣшились пролить братскую кровь (35—37). Авторъ почему то умалчиваетъ о двукратномъ появленіи въ Кіевѣ XI в. поляковъ и избіеніи ихъ кіевлянами, о еврейскомъ погромѣ 1113 г., о дѣятельности кіевскаго вѣча и отношеніи его къ князьямъ, о переворотѣ 1068 г., объ ослѣпленіи кіевлянъ Мстиславомъ Изяславичемъ. Вся исторія удѣльно-вѣчеваго періода скомкана на одной страницѣ, при чемъ характерными фактами въ жизни города выставлены междуусобія (что за причина междуусобій?), пожары, жары, моръ, нашествіе половцевъ, землетрясеніе, бездождіе— все это весьма глухо. Особенно любитъ г. Захарченко «ужасные» эпитеты: въ это время были «самыя ужасныя междуусобія», жертвой коихъ палъ великій князь Игорь Ольговичъ. «Вслѣдъ за симъ идетъ цѣлый рядъ самыхъ ужасныхъ разореній Кіева». «Самое ужасное изъ этихъ нападеній относится къ 1204 году». Но наконецъ «грозное нашествіе Батыя повергло Кіевъ на долгіе годы въ безвѣстность» (44—46).

Дѣйствительно, нашему автору неизвѣстны работы Максимовича и г. Антоновича, съ убѣдительною ясностью изгнавшія эту «безвѣстность». По представленію г. Захарченка, въ 1240 г. «разомъ прекратилось на многіе годы все древнее бытіе приднѣпровской столицы, все ея величіе и вся красота» (49). Между тѣмъ работа г. Антоновича напечатана еще въ 1882 г. въ «Кіев. Старинѣ». Благодаря такому незнакомству съ предметомъ, г. Захарченко, заимствуя изъ Закревскаго (безъ ссылки: Зах., 53; Закр., I, 29), повѣствуетъ, что въ Кіевѣ все было разрушено послѣ Батыя, городъ превратился въ деревню, и затѣмъ съ удивительною легкостію переходитъ къ перечисленію именъ конца XIV в.

Литовскій періодъ представляетъ для нашего автора камень преткновенія, если возможно, еще большій, нежели періодъ удѣльно-вѣчевой. Почему ничего не сообщено читателю о кн. Скиригайлѣ, ревнителѣ православной вѣры и русской народности, этомъ «чюдномъ, добромъ князѣ Скиригайлѣ» лѣтописи? Потому что нѣтъ ничего у Закревскаго. Откуда взято, что «время намѣстничества (Г) Ольшанскаго было началомъ гоненій со стороны католическаго духовенства по отношенію къ православному духовенству и коренному населенію Кіева?» (53). Изъ непонятаго авторомъ и непроцитированнаго замѣчанія Закревскаго (I, 29). Въ столь щекотливомъ вопросѣ надлежало бы справиться съ источниками и узнать, что гоненій отъ латинянъ не было и быть не могло при Гольшанскомъ. Ничего не узнаемъ у нашего автора и объ учрежденіи въ Кіевѣ католическаго епископ-

ства. Періодъ 1482—1516 г. у г. Захарченка обрисованъ весьма невразумительно. Здѣсь сообщается, что сынъ Казимира Александръ, «заботясь еще болѣе о поднятіи Кіева, предоставилъ жителямъ этого города цѣлый рядъ правъ и вольностей, руководствуясь т. наз. магдебургскимъ правомъ, которое окончательно было введено въ Кіевѣ только при Сигизмундѣ I, грамотами отъ 1516 и 1544 г. Но съ этихъ поръ въ Кіевѣ завелись новые порядки, совершенно чуждые русскому народу» и пр. (55). По обыкновенію, г. Захарченко заимствуетъ и тутъ у Закревскаго (безъ ссылки, I, 37), но не понимаетъ своего руководителя. Закревскій обстоятельно доказываетъ документами, что магдебургское право было дано Кіеву Александромъ ранѣе 1499 г. и Сигизмундомъ I лишь подтверждено. Можно подумать въ самомъ дѣлѣ, что г. Захарченко видѣлъ грамоты 1516 и 1544 г., на которыя столь смѣло ссылается. Дѣло просто въ томъ, что нашъ авторъ рискнулъ сократить поучительное изложеніе Закревскаго, привелъ заключительное замѣчаніе послѣдняго о несоотвѣтствіи магдебургіи съ русскими правовыми воззрѣніями—и вышла путаница нестерпимая: читатель остается даже въ недоумѣніи, что за звѣрь такой эта злосчастная магдебургія и почему это кіевляне такъ излюбили ее. На стр. 55 г. Захарченко повѣствуетъ, что только въ началѣ XVI в. нѣсколько возродился Кіевъ благодаря распоряженію кор. Казимира о поселеніи здѣсь 20 тыс. жителей. Но Казимиръ IV, сколько извѣстно, умеръ въ 1492 г.: опять непонятъ Закревскій (I, 36). Далѣе узнаемъ диковинную вещь: благодаря кн. Константину Ивановичу Острожскому (умершему, замѣтимъ, въ началѣ 40 хъ годовъ XVI в.) въ Кіевѣ вводится литовскій статутъ и даруются другія вольности, «благодаря Острожскому же кіевляне получили потомъ еще разныя привилегіи и отъ короля Стефана Баторія» (56 сл.). Вѣроятно, авторъ разумѣетъ грамоту 17 ноября 1576 г. Эта душу возмущающая путаница произошла отъ непониманія Закревскаго, который именно говоритъ по поводу люблинской уніи: «для судопроизводства предоставленъ Статутъ Литовскій. Объ этихъ правахъ для кіевлянъ ходатайствовали наиболѣе Константинъ II, кн. Острожскій, и Александръ Черторыйскій» (I, 37). Такимъ образомъ ясно, что Закревскій толкуетъ о кн. Константинѣ Константиновичѣ Острожскомъ, а никакъ не о кн. Константинѣ Ивановичѣ. Между тѣмъ, г. Захарченко, приписавъ послѣднему введеніе литовскаго статута въ Кіевѣ, поучаетъ, что и до сихъ поръ кіевляне хранятъ о немъ благодарную память: «въ Кіево-Печерской лаврѣ находится гробница съ изо-

браженіемъ *сего князя* въ бранныхъ доспѣхахъ и съ слѣдующею надписью» (которая, замѣтимъ, приведена у нашего автора и гласитъ о смерти князя въ 1533 году. Стр. 56 сл.). Excusez du peu! Для чего же, въ самомъ дѣлѣ, воскрешать мертвыхъ? Вѣдь благодаря такой манерѣ изложенія, читатель рискуетъ составить себѣ явно превратное представленіе о внутренней исторіи Кіева въ XVI вѣкѣ и окончательно отринуть хронологію.

Нашъ историкъ вѣритъ, что Петръ Могила сталъ митрополитомъ послѣ Іова Борецкаго (59), но къ какому же времени отнесемъ мы въ такомъ случаѣ Исаію Копинскаго, о коемъ находимъ у г. Захарченка упоминаніе на стр. 247? Дѣло въ томъ, что Закревскій (I, 54) глухо отзывается лишь о «неблаговидномъ Могилиномъ поступкѣ» относительно Исаіи, не поясняя, какъ вещь общеизвѣстную, въ чемъ сей поступокъ состоялъ. Между тѣмъ на стр. 247 г. Захарченко почерпнулъ изъ другаго источника—и вотъ объясненіе прискорбнаго недоразумѣнія. Для облегченія автора, укажемъ ему хотя бы на перечень митрополитовъ кіевскихъ въ концѣ II тома труда Закревскаго. На стр. 69 разбираемой книги узнаемъ, что Алексѣй Михайловичъ въ 1654 г. подтвердилъ всѣ права и привилегіи, данныя Кіеву королями польскими и малороссійскими гетманами: любопытно было бы знать, какія это привилегіи давали Кіеву гетманы до Хмельницкаго.

Эпоха Хмельницкаго изложена словами Закревскаго, безъ надлежащей ссылки. Вотъ доказательства:

Закревскій, I, 55 и 58: «Хмельницкій... велъ кровопролитныя и жестокія войны съ Польшею за притѣсненія православныхъ въ вѣрѣ и имѣніяхъ... Малая Россія, а съ нею и Кіевъ недолго наслаждались трудами Хмельницкаго, ибо со смертью сего знаменитаго гетмана (1657) вновь начались военныя бури и новыя бѣдствія, коихъ причиною былъ измѣнникъ гетманъ Выговскій».

Г. Захарченко, 68 и 70: «съ 1648 г. начинается рядъ кровопролитныхъ и самыхъ жестокихъ войнъ на Украинѣ между казаками и поляками за притѣсненіе послѣдними православнаго населенія края въ вѣрѣ и имѣніяхъ... Но не долго Кіевъ наслаждался трудами Хмельницкаго: лишь только послѣдняго постигла въ 1657 году смерть, какъ снова начались по всей Украинѣ разнаго рода столкновенія и стали подниматься (!) новыя военныя бури; главнымъ виновникомъ всѣхъ

этихъ неурядицъ на этотъ разъ былъ самъ же гетманъ Выговскій».

На стр. 94 узнаемъ, что въ 1884 году было отпущено по повелѣнію покойнаго Государя Императора на постройку новыхъ университетскихъ клиникъ 200 тыс. рублей сер.: это невѣрно.

Дальнѣйшая исторія и «бытіе» Кіева съ конца XVIII в. отсутствуютъ въ книгѣ г. Захарченка.

Таковъ принадлежащій перу нашего историка общій очеркъ кіевской жизни въ теченіи десяти слишкомъ столѣтій.

Давно извѣстно, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать популярныя книги, и вотъ почему изданія, подобныя настоящему, заграницей поручаются обыкновенно людямъ науки, спеціалистамъ по излагаемому вопросу, и выгодно отличаются отъ нашихъ отечественныхъ изданій. Западные популяризаторы не гоняются за учеными ссылками, тщательно избѣгаютъ ихъ даже. Владѣя своимъ предметомъ en maître, они въ цѣльныхъ, художественныхъ очеркахъ даютъ читателю тщательно провѣренную, продуманную сводку добытыхъ кровавыми усиліями результатовъ по излагаемой спеціальности, и обыкновенному читателю такіе очерки дадутъ болѣе, нежели цѣлые фоліанты ученыхъ изслѣдованій. Самый ничтожный нѣмецкій городокъ имѣетъ свою толково составленную исторію, которая прочтется съ интересомъ всякимъ любознательнымъ читателемъ. Не мѣшало бы и нашимъ издателямъ поучиться въ этомъ отношеніи у нѣмцевъ. Въ частности, относительно исторіи Кіева, должно сказать, что классическій трудъ Закревскаго не нашелъ подражателей. Составленный съ великимъ тщаніемъ и высокой добросовѣстностью, трудъ этотъ, при настоящемъ состояніи науки, во многихъ отношеніяхъ долженъ быть признанъ тѣмъ не менѣе устарѣвшимъ. Позднѣйшему историку предстояла благодарная задача, воспользовавшись съ признательностью работой Закревскаго, дополнить ее тамъ, гдѣ это необходимо, и дать читателю очеркъ удобочитаемый, сжатый и въ то же время полный, критически провѣренный по источникамъ и лучшимъ пособіямъ. Думаемъ, что г. Захарченко выполнилъ эту, обязательную для него въ виду объема его труда, задачу не вполнѣ удовлетворительно, какъ это мы старались показать выше.

Если бы, придерживаясь принятой системы, мы прослѣдили и остальную часть труда нашего историка (стр. 95—276), содержащую описаніе и исторію отдѣльныхъ достопримѣчательностей Кіева, то пришлось бы написать большую книгу. Но несправедливо было бы

вовсе не коснуться этого отдѣла. Возьмемъ поэтому ad libitum нѣсколько экскурсовъ г. Захарченка въ спеціальныя области тяжкой его задачи.

Хотите ли узнать что либо о ранней исторіи нашей духовной академіи? Раскрываемъ книгу на стр. 245—249. Гальшкѣ Гулевичъ, задавшей такую работу г. Голубеву (Ист. кіев. дух. акад. вып. I стр. 119 сл.), г. Захарченко упорно отказываетъ въ настоящемъ имени и продолжаетъ величать непринадлежащимъ ей именемъ Анны. Если вѣрить нашему историку, свой грунтъ эта Анна Гулевичъ пожертвовала спеціально подъ училище и «даже сама подыскала для школы хорошихъ учителей.» Легко представить конфузъ г. Голубева при такомъ неожиданномъ открытіи, но этого мало. Оказывается, что ставропигія (что́ такое эта фатальная ставропигія?) даруется братству для защиты отъ латинства. Между 1620 — 22 гг. Захарченко изыскалъ небывалое гоненіе отъ латинянъ въ Кіевѣ, онъ же открылъ, что могилянская коллегія и монастырь пришли въ упадокъ отъ борьбы съ поляками. Г. Захарченко не хочетъ также разстаться съ басней о посѣщеніи Кіева патріархомъ Іереміею. Въ чемъ состояли особенности внутренняго склада школы, сокрыто отъ читателя.

А вотъ исторія Выдубицкой обители (стр. 270 сл.). Основанъ монастырь якобы въ 1070 г., хотя Ипатская и Лаврентьевская лѣтописи ясно гласятъ, что въ 1070 г. монастырь Всеволожь на Выдобичи уже существовалъ. По мнѣнію нашего историка, по смерти Всеволода Ярославича «обитель сія пользовалась особенною славою и постояннымъ покровительствомъ княжескихъ родовъ: вслѣдствіе этого» и пр. Но тутъ грознымъ обличителемъ новѣйшаго историка выступаетъ Ипатская лѣтопись, гдѣ подъ 1199 г., по поводу закладки каменной стѣны подъ церковью св. Михаила кн. Рюрикомъ Ростиславичемъ, читается такое яркое démenti, очевидно по адресу г. Захарченка: «100 бо и 11 лѣтъ имать отнелѣже создана бысть церкви, и в толико лѣтъ мнози же самодержици придоша, держащеи столъ княжения Кіевскаго, отъ того же боголюбиваго Всеволода, иже созда церковь ту, родовъ четыри, и ни единъ же вослѣдова любви его къ мѣсту тому». Кромѣ того, если, какъ говоритъ г. Захарченко, дальнѣйшія извѣстія о монастырѣ появляются лишь съ конца XV вѣка, то откуда же почерпнуто свѣдѣніе о покровительствѣ княжескихъ родовъ? Нельзя же въ самомъ дѣлѣ полагаться до такой степени на извѣстія гг. В—нова и Антонова, писавшихъ въ 1882 году, когда можно располагать яснымъ лѣтописнымъ текстомъ. Г. Захарченко ни-

чего не сообщаетъ намъ и объ архитекторѣ Милонѣгѣ изъ Новгорода и объ игуменѣ Сильвестрѣ, которому приписываютъ Несторову лѣтопись. Нѣтъ извѣстій о Выдобичахъ до конца XV в.—а умилительная картина посѣщенія монастыря Даніиломъ Галицкимъ, такъ мастерски описанная въ Ипатской лѣтописи подъ 1250 г., когда князь отправлялся къ Батыю, «видя бѣду страшьну и грозну», и просилъ мниховъ молиться за его душу? Авторъ нашъ упрекаетъ уніатовъ за расхищеніе монастырскаго имущества, но, для равновѣсія, безпристрастный историкъ долженъ былъ бы упомянуть также и объ убіеніи козаками выдубицкаго уніатскаго игумена Антонія Грековича. Непростительно также пренебрегать до такой степени изслѣдованіями покойнаго Максимовича (соч., т. II) по исторіи обители, какъ это дѣлаетъ г. Захарченко, слѣпо ввѣрившись гг. В—нову и Антонову.

Но перейдемъ въ Межигорье, на противоположную «окраину нагорнаго Кіева», по терминологіи нашего историка (стр. 272—274). На двухъ страницахъ казалось бы нелегкимъ дѣломъ соединить столько ошибокъ, извращенія фактовъ и незнанія, какъ это умудрился сдѣлать г. Захарченко. Въ этомъ случаѣ авторъ не дѣлаетъ никакой ссылки, и потому рискнемъ предположить, что все это—плоды его личныхъ изслѣдованій.

Если вѣрить автору, съ конца 12 по 15 в. объ обители нѣтъ свѣдѣній, а съ 1523 г. начинается ея процвѣтаніе, благодаря передачѣ монастыря Сигизмундомъ I игумену Михаилу Щербинѣ. Авторъ не потрудился даже взглянуть на подлинную грамоту, напечатанную въ отд. III, стр. 22 бывшаго у него подъ руками «Сборника» 1874 г., откуда могъ бы узнать, что игуменъ именовался Мисаиломъ (Мисайло въ грамотѣ). Это пустякъ, конечно. Но о передачѣ обители Сигизмундомъ-Августомъ сперва на кіевскій замокъ, а затѣмъ коронному писарю Высоцкому нашъ авторъ ничего не сообщаетъ,—должно думать, что эти факты укладываются въ терминѣ «процвѣтаніе». «Полное благоустройство» монастыря приписано московскому патріарху Іоакиму, который въ 1687 г. утвердилъ за монастыремъ ставропигію (что̀ такое ставропигія, вправѣ снова вопросить читатель) и собственнымъ иждивеніемъ соорудилъ здѣсь великолѣпный Преображенскій храмъ. На самомъ же дѣлѣ, ставропигія была дана монастырю еще въ 1610 г. архіеп. мирликійскимъ Матѳеемъ, въ 1617 и 1620 г.г. архіеп. манемвасійскимъ Іоасафомъ и патріархомъ іерус. Ѳеофаномъ и подвержденіе 1687 г. было лишь результатомъ перехода кіевской митрополіи къ патріаршеству московскому. Преображенскій храмъ со-

оруженъ въ 1611 г. игуменомъ Аѳанасіемъ, отстроенъ вновь игуменомъ Ѳеодосіемъ Васковскимъ, а патріархъ Іоакимъ оказывалъ монастырю помощь деньгами и рухлядью, о чемъ г. Захарченко могъ бы справиться въ изслѣдованіяхъ пок. Максимовича и Закревскаго.—Далѣе: процвѣтаніемъ своимъ монастырь обязанъ Хмельницкому и другимъ малороссійскимъ гетманамъ, «которые, какъ всѣ запорожскіе казаки, считались его ктиторами» и пр. Такъ было до 1781 года, если вѣрить г. Захарченку. Тутъ что ни слово, то грубая ошибка. Монастырь сталъ считаться войсковымъ только съ 1683 или пожалуй 1672 года, когда Богдана уже не было въ живыхъ; ктиторомъ считался кошевой атаманъ; Выговскій и Тетеря отнюдь не покровительствовали монастырю; между 1709—1734 г. запорожское войско отнюдь не могло считать Межигорье своимъ религіознымъ центромъ: припомнимъ эпизодъ съ Анатоліемъ Мелесемъ, епископомъ запорожскимъ; не могло войско считать Межигорье своимъ центромъ до 1781 г., ибо еще раньше войско было уничтожено. Если вѣрить нашему автору, въ 1781 г. по случаю преобразованія малороссійскихъ епархій, Межигорье назначено къ переводу въ Тавриду. Но епархіи въ 1781 г. не преобразовывались вовсе и Межигорье не могло быть переведено въ Тавриду въ этомъ году по легко понятной причинѣ: Крымъ присоединенъ въ 1783 г. Кому же неизвѣстно, что указъ имп. Екатерины II по этому предмету послѣдовалъ 10 апрѣля 1786 года? Автору слѣдовало бы взглянуть на стр. 159 отд. III бывшаго у него «Сборника» 1874 г. Но распоряженію не суждено было осуществиться, повѣствуетъ авторъ: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ изданнаго указа монастырь сгорѣлъ. На самомъ же дѣлѣ, монастырь сгорѣлъ какъ разъ въ день, назначенный для посѣщенія его имп. Екатериною, слѣдовательно, въ 1787 году. Фаянсовая фабрика учреждена здѣсь не въ 1788 г., какъ утверждаетъ авторъ, а десять лѣтъ спустя. Новая каменная фабрика отстроена не въ 1811, а въ 1812 году. Объ учрежденіи въ монастырѣ архимандріи, о переименованіи его ставропигіею Синода, о борьбѣ съ Варлаамомъ Ясинскимъ ничего не узнаемъ. Наконецъ, какъ понять слова автора, что достопримѣчательность Преображенскаго храма, воздвигнутаго въ концѣ 17 в., составляютъ священныя облаченія, сохранившіяся здѣсь отъ 16 вѣка? Любопытно, что г. Захарченко, располагая обширнымъ изслѣдованіемъ Закревскаго о Межигорьѣ (т. II, стр. 455—501), изложилъ его столь непозволительнымъ образомъ, даже не сославшись на свой источникъ. Если сопоставить повѣствованіе г. Захарченка даже съ старой брошюрой: «Историчес-

кое свѣденіе о бывшемъ ставропиг. Кіево-Межигорскомъ монастырѣ» (Кіевъ, тип. Лавры, 1830), то окажется, что писатели 1830 года обладали огромнымъ запасомъ точныхъ свѣдѣній, недостижимымъ для историковъ 1888 года.

Не будемъ касаться Спаса на Берестовѣ, Софійскаго собора, Михайловскаго монастыря и Печерской лавры, такъ какъ въ этомъ случаѣ г. Захарченко ограничивается перепечаткой in extenso брошюръ г. П. Л., безъ достаточныхъ, впрочемъ, ссылокъ на источникъ и съ искаженіями немилосердными. Замѣтимъ въ заключеніе, что для г. Захарченка нѣтъ ничего легче, какъ отнести дѣятеля къ эпохѣ, когда его вовсе не было, какъ это онъ дѣлаетъ съ Гизелемъ, Тунталомъ и даже Юстиніаномъ Великимъ; что большинство сообщаемыхъ имъ свѣдѣній представляютъ простой внѣшній перечень, лишенный всякаго значенія; что сочиненіе написано отвратительнымъ языкомъ и грѣшитъ противъ орѳографіи, словосочетанія и обязательныхъ въ русской грамматикѣ правилъ пунктуаціи. Вообще, объ этомъ трудѣ по исторіи нашего города можно сказать словами Свифта: что въ книгѣ ново, то не вѣрно; что вѣрно, то не ново.—Жаль только, что новшества эти встрѣчаются въ чрезмѣрномъ изобиліи, и должно пожелать, чтобы въ слѣдующемъ изданіи, если таковое будетъ, были сдѣланы необходимыя исправленія, уничтожены всѣ ссылки на авторовъ и прибавлено объяснительное предисловіе, дабы не вводить читателя въ напрасное заблужденіе.

Книга въ художественномъ отношеніи издана такъ хорошо и изящно, что, не будь убійственнаго текста, ей можно бы пожелать самаго широкаго распространенія. **Н. М.**

В. К. Гульдманъ. Подольская губернія Опытъ географическо-статистическаго описанія. Изданіе подольс. губ. стат. комитета. Каменецъ-Подольскъ 1889 г. 414+63+26 стр. IX табл. Ц. 2 руб.

Передъ нами послѣдняя работа г. Гульдмана по описанію подольской губерніи. Авторъ состоитъ чиновникомъ особыхъ порученій при подольскомъ губернаторѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывающимъ дѣлами подольскаго статистическаго комитета. Съ этой послѣдней должностью и вяжутся печатныя работы г. Гульдмана. Работъ этихъ мы знаемъ три, а именно: Отчетъ подольс. стат. комитета за 1885 г., Справочная книжка подольской губерніи 1888 г. и наконецъ книга,

указанная въ заголовкѣ. Первыя двѣ работы болѣе или менѣе отвѣчали своимъ заглавіямъ и, хотя вклеенныя въ Справочную книжку нѣкоторыя историческія замѣтки оказались далекими отъ исторической истины, тѣмъ не менѣе, онѣ не уменьшили практическаго значенія настольной книги. — эта работа автора по исторіи края носила черты такой умѣренности, что ошибки ея не обращали даже на себя вниманія, а потому ошибокъ автору ставить въ строку не было нужды. Настоящее же изданіе, какъ по заглавію, такъ и по содержанію и объему, претендуетъ на научность и самостоятельность, а потому считаемъ не лишнимъ дать о немъ читателямъ краткій отчетъ.

Наше отечествовѣдѣніе столь убого, что каждая попытка къ описанію нашего края встрѣчаетъ сочувственный пріемъ. Съ грустію однако сознаться должно, что всѣ подобныя попытки до сихъ поръ оказывались далеко не подъ силу авторамъ и въ большинствѣ случаевъ оказывались неудачными. Если исключить устарѣлыя, хотя и капитальныя, работы кс. Марчинскаго по подольской губ., а Похилевича по кіевской, то въ цѣломъ ряду этихъ попытокъ мы не найдемъ ни одной серьезной. — Къ сожалѣнію, и трудъ г. Гульдмана приходится причислить къ той же категоріи неудачныхъ попытокъ, вносящихъ въ область точныхъ свѣдѣній путаницу и невѣрность.

Не зная совершенно края, автору поневолѣ пришлось ограничиться только тѣмъ матеріаломъ, который имѣлся подъ рукой и который можно было собрать путемъ справокъ черезъ мѣстные уѣздные органы. — Статистическій отдѣлъ основанъ на данныхъ статистическаго комитета, а географическій на матеріалѣ картографическомъ и работахъ прежнихъ изслѣдователей. — Все это авторъ скомпилировалъ въ XXXIII главахъ, составившихъ объемистую книгу. — Общій, слѣдовательно, характеръ работы г. Гульдмана чисто компилятивный, безъ всякихъ признаковъ самостоятельнаго изслѣдованія и изученія края. — И компиляціи имѣютъ несомнѣнное значеніе, поскольку онѣ составляютъ систематическіе своды добытыхъ, но разбросанныхъ данныхъ. Но при составленіи такихъ компилятивныхъ работъ на долю автора, кромѣ собиранія матеріала, выпадаетъ трудная задача, а именно: критическая его обработка и оцѣнка. Свести въ одну кучу разнородныя свѣдѣнія и преподнести ихъ читателю, какъ нѣчто непреложное, и при этомъ лишить читателя возможности оцѣнить достоинство добытыхъ свѣдѣній, не указавъ на источники,

изъ которыхъ добывался матеріалъ—этого достаточно, чтобы работа оказалась безплодной. Такая работа вноситъ въ науку массу недоразумѣній, служитъ въ ней тяжелымъ балластомъ, не принося отечествовѣдѣнію ни одного новаго извѣстія, для автора же можетъ послужить лишь поводомъ къ самообману, что онъ составилъ описаніе края.—Все это прямо можетъ относиться и къ работѣ г. Гульдмана.—Полное безучастное отношеніе къ собранному разнородному матеріалу, возведеніе всѣхъ данныхъ на одну общую ступень непреложной достовѣрности, смѣсь вѣрнаго съ невѣрнымъ, дѣйствительнаго съ гадательнымъ безъ всякихъ критическихъ указаній для читателя—вотъ главный и крупный недостатокъ книги.—Недостатокъ этотъ усугубляется еще по слѣдующимъ двумъ поводамъ. Вопервыхъ, самый предметъ изслѣдованія такого свойства, что читатель не въ состояніи лично провѣрить сообщаемыхъ свѣдѣній. Масса цифровыхъ общихъ данныхъ, безчисленное множество мелкихъ мѣстныхъ свѣдѣній могутъ быть провѣрены только путемъ другой подобной работы. Какъ напр. провѣрить вѣрность цифръ, относящихся къ цѣлой губерніи, не имѣя подъ руками матеріаловъ? Въ дѣлѣ фактовъ приходится все принимать на вѣру, полагаясь на автора.—Во вторыхъ, настоящая книга носитъ характеръ оффиціальнаго изданія губернскаго статистическаго комитета, а потому болѣе всякаго другаго изданія подкупаетъ довѣріе читателя, привыкшаго принимать оффиціальныя данныя за непреложныя.

Указавъ то общее впечатлѣніе, которое производитъ книга г. Гульдмана, и не желая быть голословнымъ, я перейду къ подробностямъ. Мнѣ при этомъ приходится оговориться. Я повторяю, что провѣрить все содержаніе книги для рецензента нѣтъ никакой возможности. Я долженъ ограничиться только тѣми замѣчаніями, которыя я могу сдѣлать въ силу случайнаго моего знакомства съ небольшимъ уголкомъ подольской губерніи и на основаніи общихъ соображеній.

Первыя VIII главъ посвящены исключительно географіи губерніи. Кромѣ географической карты (вѣроятно, военно-топографической), авторъ знакомился съ губерніей только по разнымъ прежнимъ работамъ.—Къ болѣе обширнымъ статьямъ принадлежатъ геологическія данныя о губерніи—извлечены изъ отчета о поѣздкѣ въ Галицію, Волынь и Подолію проф. Барботъ-де Марни (1865 г.) и друг., и описаніе Днѣстра, главнымъ образомъ, по Аѳанасьеву-Чужбинскому. Кромѣ того, авторъ ссылается на статьи д-ра Ролле, кс. Марчин-

скаго, Балинскаго, Семенова и Симашкевича. Есть еще масса ссылокъ на польскихъ хронистовъ и историковъ, Геродота, Страбона, Константина Порфирогенета и т. д. Всѣ эти ссылки проставлены для вящшаго убѣжденія въ авторитетности, но ничему не учатъ и не объясняютъ текста, такъ какъ заимствованы изъ тѣхъ статей, которыя послужили для компиляціи.—До какой степени безучастно относится къ компилируемымъ свѣдѣніямъ авторъ, видно, напр., изъ слѣдующаго. Говоря о Медоборскихъ (а не Міодоборскихъ) горахъ, авторъ сообщаетъ, безъ всякой оговорки, что въ окрестностяхъ села Увси замѣчаются слѣды *ревнихъ вулкановъ*. Извѣстіе это взято у Марчинскаго, который говоритъ (Statystyka Podola, I, 210): «въ окрестностяхъ Увся есть много каменистыхъ довольно высокихъ горъ, есть и слѣды давнихъ вулкановъ». Хотя почтенный отецъ Марчинскій принадлежитъ къ числу серьезныхъ авторовъ, но принимая во вниманіе, что онъ составлялъ свою статистику въ 1819 г., когда понятія о вулканахъ и геологіи стояли на очень низкой ступени, что самъ онъ упоминаетъ о слѣдахъ вулкановъ вскользь безъ всякихъ подробностей, слѣдовало бы автору, повторяя это извѣстіе 70 лѣтъ спустя, провѣрить его на мѣстѣ. Вѣдь это крупный фактъ для науки.

Гидрографія составлена, главнымъ образомъ, по Семенову, очень небрежно и съ массой ошибокъ. Для примѣра возьмемъ часть системы р. Буга въ винницкомъ уѣздѣ. Перечисляя притоки р. Буга, г. Гульдманъ дѣлаетъ рядъ ошибокъ. У него правый притокъ «Бобка протекаетъ въ винницкомъ уѣздѣ и впадаетъ въ Бугъ въ с. Клѣтищахъ литинскаго уѣз.». Между тѣмъ с. Клѣтище лежитъ на лѣвомъ, а не на правомъ берегу Буга и никакой рѣчки тамъ нѣтъ. На военно-топографической картѣ указана рѣчка Бобка, вытекающая изъ с. Майданъ Бобрка и впадаетъ въ Бугъ ниже с. Гущинецъ винницкаго уѣз. Дѣйствительное (очень старое) названіе рѣчки *Бобрка*, а не Бобка.—Рѣчка Вишня у автора носитъ названіе еще *Винничка;* истоки ея указаны въ окрестностяхъ м. Юзвина и лѣвый ея притокъ названъ *Корчматъ*. Въ дѣйствительности же Вишня никогда Винничкой не называлась, беретъ начало выше с. Лукашевки литинскаго уѣзда и одинъ изъ ея притоковъ называется *Корчманъ*. Есть самостоятельная рѣчка Винница или Винничка, вовсе пропущенная авторомъ. Это лѣвый, а не правый притокъ Буга, беретъ начало восточнѣе с. Писаревки и впадаетъ въ Бугъ съ самомъ г. Винницѣ.—Авторъ увѣряетъ, что при самомъ устьѣ въ Бугъ рѣчки Барана въ эту послѣднюю впадаетъ рѣчка Кудашевка, въ дѣйствительности же

Кудашевка составляетъ самостоятельный притокъ Буга и впадаетъ въ него въ с. Шершняхъ.—Изъ лѣвыхъ притоковъ указана Вербижевка или Стрижовка, впадающая въ Бугъ при м. Стрижовкѣ.—На дѣлѣ Вербижевка Стрижовкой не называется и впадаетъ въ Бугъ ниже мѣст. Стрижовки въ 3-хъ верстахъ. Но есть самостоятельный притокъ Буга Стрижовка, не лѣвый, а правый; беретъ онъ начало западнѣе с. Переорокъ и впадаетъ въ Бугъ въ самомъ м. Стрижовкѣ.—Въ винницкомъ уѣздѣ кромѣ этого пропущены еще рѣчки, какъ Черемошна, Тяжиловка, Чапля, Суныця — притоки Буга, притокъ Десны Кобыльна съ Хомутной и Нетягами.—Все это ошибки на пространствѣ одного только уѣзда, и всѣ онѣ могли быть избѣгнуты путемъ простой провѣрки по военно-топографической картѣ.

Съ IX главы начинается статистика губерніи, основанная на данныхъ статистическаго комитета. Трудно дать правильную оцѣнку этому разностороннему матеріалу. Достоинство его зависитъ отъ вѣрности собранныхъ цифръ. Система собиранія статистическихъ данныхъ, практикующаяся въ нашихъ статистическихъ комитетахъ, давно отстала отъ требованій науки. Она можетъ дать удовлетворительные результаты только по нѣкоторымъ вопросамъ, и то если дѣло ведется добросовѣстно. Можно примириться съ этой системой въ статистикѣ населенія, землевладѣнія, учебнаго дѣла, повинностей и налоговъ, судебной и т. п., словомъ, гдѣ явленія жизни оставляютъ за собой письменный слѣдъ и могутъ подлежать контролю, какъ исповѣдныя и метрическія книги и разные отчеты правительственныхъ органовъ. — Здѣсь комитетъ имѣетъ готовый матеріалъ, который остается подвергнуть переработкѣ и сведенію. Но во всѣхъ случаяхъ, гдѣ статистика лишена этого матеріала и когда приходится оставить канцеляріи и обратиться за статистическими данными къ самой жизни, комитетъ уже безсиленъ, и долженъ обращаться къ помощи мѣстныхъ органовъ власти, обремененныхъ и безъ того отвѣтственнымъ дѣломъ. Въ концѣ концовъ статистиками повсемѣстно являются, horribile dictu, господа урядники и волостные писаря. Каждый живущій въ провинціи хорошо знаетъ цѣну такой статистики. — Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Гульдмана не указанъ источникъ и способъ собиранія добытаго матеріала. Можно ли, напр., серьезно говорить о статистикѣ сельскаго хозяйства, торговли, фабричной, заводской и кустарной промышленности, если данныя основаны на донесеніяхъ урядниковъ и писарей! Я согласенъ, что при опытности и большой энергіи комитета можно всѣ погрѣшности подобной статистики до-

вести до минимума, но для этого необходимы не такія средства и силы, какими можетъ располагать комитетъ. Въ виду этого многія главы книги г. Гульдмана не могутъ имѣть никакого научнаго значенія. Остальныя, основанныя на болѣе точныхъ данныхъ, могутъ имѣть значеніе настолько, насколько правильны и точны работы канцеляріи комитета. Провѣрить это невозможно и поэтому приходится помириться съ необходимостью и вѣрить имъ.—Моя личная вѣра однако и въ эту точную часть труда г. Гульдмана отчасти подорвана по слѣдующимъ поводамъ. Авторъ исчислилъ все населеніе губерніи въ 2.470.142 д. об. п. (стр. 80), при чемъ число католиковъ «достигаетъ до 206 т. (или=9% всего населенія)» (ст. 90). Во первыхъ 206 т. по отношенію къ общей цифрѣ населенія составитъ всего 8,34%,—для статистики это крупная разница. Во вторыхъ число католиковъ—206 т. показалось мнѣ сомнительнымъ. И дѣйствительно, по отчетамъ луцко-житомирской епархіи за 1887 годъ по исповѣднымъ книгамъ значится прихожанъ католиковъ въ подольской губерніи 240.921 д. об. п., т. е. на 35.000 больше. Но и цифра епархіальнаго отчета не обнимаетъ всего числа католиковъ; въ ней указаны только прихожане, а вѣдь въ губерніи найдется еще много католиковъ подвижнаго люда, о которомъ приходской причтъ можетъ и не знать. Если теперь принять цифру г. Гульдмана всего населенія за точную, то католики составятъ почти 10%.—Почему явилась такая крупная разница, я объяснять не берусь, но по неволѣ приходится скорѣе повѣрить исповѣднымъ книгамъ, чѣмъ автору.

Еще болѣе подрываетъ довѣріе къ сообщеннымъ г. Гульдманомъ даннымъ слѣдующее. Обширная XXXIII глава посвящена описанію уѣздовъ. Просматривая описаніе винницкаго уѣзда, я совершенно случайно обратилъ вниманіе на слѣдующую фразу: «всѣхъ населенныхъ мѣстъ въ винницкомъ уѣздѣ насчитывается 516, въ томъ числѣ одинъ городъ и десять мѣстечекъ» (стр. 350). Работая лично надъ описаніемъ винницкаго уѣзда и зная каждое въ немъ поселеніе, я былъ пораженъ цифрой 516.—По тщательно составленному мною и лично провѣренному списку оказывается, что въ 10 волостяхъ уѣзда имѣется 11 мѣстечекъ (изъ нихъ одно еще не утверждено и носитъ названіе поселка Жмеринки), 113 селъ, 32 деревни и 32 приселка и хуторовъ, а всего 188 поселеній, если же не считать приселковъ, то всѣхъ поселеній самостоятельныхъ окажется только 156. Сравнивая цифру г. Гульдмана 516 съ моей 156; я сначала готовъ былъ эту громадную разницу объяснить простой типографской опе-

чаткой. Но каково было мое удивленіе, когда я, заглянувъ въ описанія другихъ уѣздовъ, встрѣтилъ и тамъ громадныя и несообразныя съ очевидностью цифры. Самое меньшее число поселеній показано въ литинскомъ уѣздѣ—502, самое большее въ балтскомъ—829. По этимъ цифрамъ во всей губерніи г. Гульдманъ насчиталъ 7,207 поселеній, среднимъ числомъ по 600 поселеній въ уѣздѣ. Сравнивая эту цифру съ пространствомъ губерніи, выйдетъ, что на каждые 5 кв. верстъ или 534 десятины приходится одно поселеніе. Чѣмъ объяснить подобную несообразность? Статистическій комитетъ не можетъ не имѣть самыхъ точныхъ данныхъ о числѣ поселеній. Источниковъ для этого масса въ казенной палатѣ, въ крестьянскомъ присутствіи, въ губернскомъ правленіи и т. д. Положимъ, что авторъ не пожелалъ рыться лично въ сыромъ матеріалѣ и потребовалъ отъ мѣстныхъ органовъ донесеній о числѣ поселеній. Но и это допустить трудно,—какъ трудно допустить, чтобы всѣ 12 полицейскихъ управленій сговорились дать невѣрныя цифры, увеличивъ ихъ противъ дѣйствительности больше, чѣмъ втрое. Приходится допустить одно, что авторъ просто ставилъ цифры наугадъ, сообразуясь съ пространствомъ уѣздовъ. Вѣдь списокъ поселеній самая существенная часть описанія географическаго, а его нѣтъ и помину въ книгѣ. Человѣческое поселеніе это такая важная единица, что на ней то главнымъ образомъ и должно основываться всякое толковое описаніе края. Безъ опредѣленія количества, характера, развитія и размѣра поселеній невозможно дать яснаго представленія о краѣ, о его жизни и физіономіи. Вѣдь г. Гульдманъ имѣлъ передъ собою весьма цѣнный образецъ—Статистику кс. Марчинскаго, который 70 лѣтъ тому, при самыхъ неблагопріятныхъ для такихъ работъ условіяхъ, отмѣтилъ каждое село, указалъ, сколько въ немъ жителей, назвалъ владѣльцевъ и сообщилъ о каждомъ поселеніи все, что только могъ узнать.

Если авторъ не захотѣлъ сосчитать такого важнаго явленія въ губерніи, какъ число поселеній, а вставилъ до несообразности неудачно цифры, то можно ли довѣрять той массѣ цифръ, которыми испещрена его книга?

Перелистывая книгу, я случайно остановился на статьѣ о садоводствѣ. Надо сказать, что винницкій уѣздъ издавна слыветъ, какъ самый богатый садами и фруктами. Огромные винницкіе хутора и многія деревни, какъ Лука, Порпуровцы, Соловіевка, Кошаровъ и многія другія—это сплошные сады отборныхъ фруктовъ. Слава винницкихъ садовъ еще въ прошломъ вѣкѣ доходила до Москвы, откуда

и по сіе время являются сюда купцы ежегодно. Г. Гульдманъ самымъ серьезнымъ тономъ ставитъ винницкій уѣздъ по богатству садовъ девятымъ въ числѣ другихъ уѣздовъ, насчитываетъ въ немъ подъ садами только 2,102 дес. 1,141 кв. с. (какая, скажешь, точность!), а садовъ владѣльческихъ, имѣющихъ свыше 5 дес. каждый, только пять. Я лично не считалъ и не мѣрилъ всѣхъ садовъ, но свѣдѣнія г. Гульдмана до того далеки отъ истины, что каждый обыватель винницкаго уѣзда, прочитавъ ихъ, только улыбнется. Въ одной Винницѣ съ хуторами наберется до 2.000 десятинъ подъ садами.

Каково бы ни было мое личное мнѣніе о книгѣ, можетъ быть я и ошибаюсь во многомъ, умаляя ея достоинство, но я полагаю, что читатель не погрѣшитъ, если отнесется къ работѣ г. Гульдмана съ величайшей осторожностью. **Ц. Нейманъ.**

В. В. Докучаевъ. Методы изслѣдованія вопроса: были ли лѣса въ южной степной Россіи (Докладъ въ торж. собр. И. В. Э. О. 31 окт. 1888 г.). Спб. 1889 г.

Разбирая различные методы для рѣшенія вопроса о существованіи лѣсовъ въ южной степной Россіи въ прежнее время, авторъ приходитъ къ заключенію, что наиболѣе надежнымъ нужно считать *почвенный* методъ. На основаніи многочисленныхъ изслѣдованій предшественниковъ и своихъ собственныхъ, авторъ устанавливаетъ то положеніе, что рѣшительно во всѣхъ уголкахъ *черноземной* Россіи есть не мало лѣсныхъ площадей, подъ которыми черноземъ отсутствуетъ, будучи замѣненъ *лѣсными почвами*. Такія почвы, по мнѣнію автора, настолько характерны, что не утрачиваютъ своихъ признаковъ и послѣ культурной обработки ихъ. Примѣняя этотъ принципъ къ полтавскому уѣзду, авторъ находитъ, что въ прежнее, вѣроятно до-историческое время, на степномъ правомъ побережьи Ворсклы лѣса занимали пространство въ 60—70 тыс. десятинъ, тогда какъ въ настоящее время ихъ здѣсь находится maximum 12—14 тыс. Подтвержденіемъ такому выводу служитъ и то обстоятельство, что въ области древнихъ лѣсовъ полтавскаго уѣзда не встрѣчается кургановъ и древнихъ могилъ, а въ подпочвѣ не наблюдается *кротовинъ*.

Въ заключеніе авторъ указываетъ, что для рѣшенія вопроса: *были ли* лѣса въ южной степной Россіи и какую *площадь* они зани-

мали, безусловно необходимо произвести возможно точное и возможно детальное изслѣдованіе русскихъ почвъ вообще и южно-русскихъ въ особенности.

М. Едлинскій. Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій, и его литературные труды. Съ портретомъ высокопреосвященнаго и художественными приложеніями (Кіевъ, 1889 г.). Стр. 291+VI. Ц. 2 р.

Въ «Кіев. Стар.» 1882—1884 гг. напечатаны были замѣтки К. Березы и д-ра Пирожкова о покойномъ арх. могилевскомъ Анатоліи и его переписка. Этотъ матеріалъ, въ связи съ рукописными данными, находящимися въ архивѣ мѣстной духовной академіи, сочиненіями покойнаго, нѣкоторыми личными свѣдѣніями и случайными литературными указаніями, послужилъ главной основой для добросовѣстной и обстоятельной монографіи г. Едлинскаго.

Покойный пр. Анатолій, по своимъ литературнымъ заслугамъ, былъ однимъ изъ выдающихся іерарховъ русской церкви. Многолѣтняя его дѣятельность въ качествѣ сперва сельскаго священника подольской губерніи, учителя уѣзднаго училища въ Каменцѣ и намѣстника каменецкаго монастыря, преподавателя кіевской духовной академіи (по окончаніи курса послѣдней въ 1827 г.), затѣмъ ректора курской и новгородской духовныхъ семинарій и настоятеля новгор. Антонія Римлянина монастыря, далѣе—епископа екатеринбургскаго, викарія пермской епархіи (съ 1840 г.), епископа острожскаго, викарія волынской епархіи (съ 1841 г.), наконецъ, архіепископа могилевскаго (1844—1860 г.), жизнь преосвященнаго на покоѣ въ бессарабскомъ Гербовецкомъ монастырѣ—обрисованы авторомъ съ рѣдкою добросовѣстностью и знаніемъ дѣла. Отношеніе покойнаго къ католицизму, раскольникамъ, взгляды его на положеніе православной церкви въ юго-западномъ краѣ и въ Россіи вообще разъяснены въ очеркахъ живыхъ и интересныхъ; при этомъ авторъ снабдилъ свой разсказъ достаточно подробными экскурсами по исторіи раскола въ волынской епархіи и положеніи православія въ краѣ. Изложенію этихъ свѣдѣній посвящена первая часть книги г. Едлинскаго (стр. 1—142).

Во второй части находится подробное обозначеніе богословскихъ историко-полемическихъ и публицистическихъ трудовъ покойнаго іерарха, также указаніе на его работы въ области церковной живо-

писи. Особенно тщательному разсмотрѣнію (стр. 179—275) подвергнуто главное сочиненіе пр. Анатолія: «Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду», изданное въ 1857—64 гг. подъ псевдонимомъ Авдія Востокова. Разбору предпосланъ обзоръ историко-полемической церковной литературы въ Россіи до появленія помянутаго труда.

Недостаточность матеріала, къ сожалѣнію, не позволила автору выяснить въ подробностяхъ практическія стороны дѣятельности покойнаго іерарха и заставила его ограничиться въ этомъ отношеніи главнымъ образомъ гаданіями. Сколько можно судить по сочиненію г. Едлинскаго, мѣропріятія пр. Анатолія для поднятія уровня православнаго духовенства въ могилевской и волынской епархіяхъ и усиленія духовнаго авторитета церкви, борьба съ католическими вліяніями и расколомъ—не имѣли прочныхъ и даже сколько нибудь замѣтныхъ результатовъ. Къ заслугѣ автора должно отнести, что онъ съ своей стороны даетъ читателю достаточный матеріалъ для заключенія о возможныхъ причинахъ неудачи; причинахъ, которыя до извѣстной степени крылись и въ особенностяхъ характера покойнаго іерарха: человѣкъ живой, впечатлительный, отзывчивый, онъ въ то же время, повидимому, лишенъ былъ яснаго руководящаго плана въ своей практической дѣятельности, легко подчинялся личнымъ, не всегда благимъ вліяніямъ и легко успоканвался отъ заботъ и огорченій, изливъ ихъ краснорѣчиво въ частной или оффиціальной перепискѣ. Предложенныя пр. Анатоліемъ мѣры къ возвышенію православія въ краѣ лишены творческой мысли и носятъ слѣды явнаго подражанія пріемамъ католической церкви, чего, впрочемъ, не скрываетъ и самъ покойный іерархъ въ своей перепискѣ.

Въ книгѣ приведены трогательныя доказательства любви покойнаго къ мѣсту своей родины—сс. Мясновка и Хрустова ольгопольскаго уѣзда, подольской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Отмѣтимъ здѣсь, что отецъ пр. Анатолія былъ сперва уніатскимъ священникомъ и въ 1793 г. присоединился къ православію, мать—молдаванка.

Трудно согласиться съ заключительнымъ замѣчаніемъ почтеннаго автора, что «печатное слово преосвященнаго шло въ неразрывной связи и полномъ соотвѣтствіи съ его практическою дѣятельностью» (стр. 291). Столь завидная участь никогда еще не была удѣломъ человѣка на землѣ, и сочиненіе г. Едлинскаго даетъ лучшія

тому дозательства: укажемъ на мѣропріятія пр. Анатолія при борьбѣ съ расколомъ въ пермскомъ краѣ и могилевской епархіи (стр. 40, 93 сл.), мѣропріятія, стоявшія въ явномъ противорѣчіи съ теоретическими воззрѣніями покойнаго іерарха. Н. М.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ.

Редакція «Кіевской Старины» въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, какъ извѣстно читателямъ, вела постоянно обозрѣніе журналовъ и газетъ съ цѣлью дать возможность навести справку библіографическаго характера относительно всего, касающагося археологіи, исторіи, литературы и этнографіи юга Россіи. Не отказываясь и впредь вести это дѣло, редакція считаетъ необходимымъ однако нѣсколько измѣнить систему прежняго обозрѣнія—и вотъ по какимъ мотивамъ.

Библіографическій указатель тогда только можетъ представлять интересъ, когда наводящій справку будетъ гарантированъ, что дѣйствительно все касающееся даннаго вопроса не ускользнуло изъ этого указателя, когда, такимъ образомъ, онъ не вынужденъ будетъ наново пересматривать тотъ же матеріалъ, который разъ уже пересматривался,—однимъ словомъ, когда библіографическій указатель отличается полнотою и систематичностью. Между тѣмъ, опытъ двухлѣтняго веденія редакціей библіографическаго обозрѣнія показалъ, что поручиться за эту полноту въ немъ нельзя. Поэтому, для достиженія желаемыхъ результатовъ, редакція нѣсколько сократитъ кругъ обозрѣваемаго матеріала, но за то надѣется представить его безъ всякихъ пропусковъ и недочетовъ, располагая библіографическій указатель въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Ежемѣсячно будетъ печататься обзоръ журналовъ съ указаніемъ въ нихъ тѣхъ статей, которыя касаются юга Россіи, при чемъ въ нѣсколькихъ словахъ будетъ сказано о сущности содержанія каждой такой статьи, не ограничиваясь однимъ заглавіемъ. Въ началѣ такого обозрѣнія каждый разъ будетъ указано, какіе именно журналы и какіе номера были разсмотрѣны въ данный мѣсяцъ; такъ что еслибы какой нибудь журналъ совершенно не далъ ни одной статьи, касающейся юга Россіи, то и тогда онъ будетъ указанъ, чтобы интересующійся библіографической справкой былъ увѣренъ въ просмотрѣ его.

2) Два раза въ годъ—въ іюнѣ и въ декабрѣ—будетъ помѣщенъ обзоръ всѣхъ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостей юга Россіи, при чемъ полугодичное обозрѣніе дастъ возможность представлять матеріалъ этотъ не въ разбросанномъ видѣ, а въ извѣстной системѣ.

3) Перечень вновь выходящихъ книгъ, касающихся юга Россіи, по прежнему будетъ печататься ежемѣсячно; но такъ какъ болѣзнь и смерть прежняго редактора-издателя были причиной перерыва въ правильности этихъ сообщеній въ послѣднее время, то для перваго раза редакція помѣщаетъ этотъ списокъ книгъ въ видѣ пополненія прежнихъ указателей, начиная съ № 11 прошлаго года; въ дальнѣйшемъ же указатель книгъ будетъ составляемъ на основаніи, главнымъ образомъ, сообщеній «Правительственнаго Вѣстника».

Что касается ежедневныхъ мѣстныхъ газетъ по югу Россіи, которыя прежде входили въ обозрѣваемый объемъ, то опытъ указалъ, во 1-хъ, что достигнуть желаемой полноты этого обозрѣнія редакція не можетъ, а во 2-хъ, что къ сожалѣнію мѣстная газетная литература даетъ слишкомъ мало подходящаго матеріала, вслѣдствіе чего трудъ обозрѣванія не окупается результатами. Въ виду этого редакція совершенно не будетъ впредь представлять библіографическаго обзора мѣстныхъ газетъ; но въ то же время болѣе выдающіеся факты, сообщаемые газетами объ исторіи, археологіи, литературѣ и этнографіи края, разсчитываетъ помѣщать въ отдѣлѣ «Извѣстій и замѣтокъ».

1) „Вѣстникъ Европы“ 1889 г., № 9—12; 2) „Журналъ Мин. Нар. Просв.“ 1889 г., № 9—12; 3) „Историческій Вѣстникъ“ 1889 г., № 9—12; 4) „Русскій Архивъ“ 1889 г., № 5—12; 5) „Русская Мысль“ 1889 г., № 8—12; 6) „Русская Старина“ 1889 г., № 9—12; 7) „Русск. Филолог. Вѣстн.“ 1889 г., № 3 и 4; 8) „Филологич. Записки“ 1889 г., вып. III—V.

Вѣстникъ Европы 1889 г. № 9—12. *Русское славяновѣдѣніе въ XIX столѣтіи. А. Пыпина* (окончаніе, № 9, стр. 257—305). Начало этой статьи, появившейся подъ другимъ заглавіемъ «Обзоръ русскихъ изученій славянства (№№ 5 и 6), а также и продолженіе ея подъ даннымъ заглавіемъ (№№ 7 и 8) знакомятъ съ положеніемъ изученія славянства въ Россіи въ 18-мъ и въ 1-ой половинѣ 19-го вѣка до 40-хъ годовъ. Данное окончаніе этой статьи затрогиваетъ наиболѣе живые вопросы славяновѣдѣнія въ Россіи, такъ какъ ведетъ рѣчь о дѣятельности многихъ славистовъ, нашихъ современниковъ. Тутъ встрѣчаемся мы и съ именами дѣятелей нашего юга, изъ каковыхъ назовемъ А. Котляревскаго (стр. 272—275).

Тимошъ. Историческая повѣсть Д. Мордовцева (№ 11, стр. 154—180; № 12, стр. 691—712). Сравнительно въ краткихъ наброскахъ повѣсть эта рисуетъ не столько бытовыя подробности жизни 17-го вѣка, сколько эффектные моменты, касающіеся жизни такихъ дѣятелей, какъ Богданъ Хмельницкій и сынъ его Тимоѳей, или Тимошъ, являющійся героемъ разсказа.

Въ отдѣлѣ «Изъ общественной хроники» помѣщена небольшая замѣтка *о столѣтіи существованія г. Одессы*, при чемъ приводится выдержка

изъ обширной рѣчи преосв. Никанора, посвященной этому событію (№ 10, стр. 871—874).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи: 1) Галицко-русская библіографія XIX ст. *Сост. Иванъ Левицкій* (№ 10, стр. 837—839); 2) Русскія древности въ памятникахъ искусства, издав. *гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ*. Вып. 2-ой. (№ 11, стр. 423—426); 3) *Этнографическое обозрѣніе*. Періодическое изданіе Этнографич. отдѣла Императ. общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Вып. 1 и 2-ой (№ 12, стр. 876—880).

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1889 г., № 9—12. *Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I. П. О. Бобровскаго* (окончаніе: № 9, стр. 85—123; № 10, стр. 214—272; № 11, стр. 66—134; № 12, стр. 305—379). Эта обширная работа автора, начавшаяся печатаніемъ еще съ № 6 текущаго года, въ данныхъ номерахъ излагаетъ ходъ событій въ исторіи греко-уніатской церкви, начиная съ приготовленій къ борьбѣ бѣлаго духовенства противъ замысловъ базиліанъ (№ 9, глава 5-я), продолжая разсмотрѣніемъ поводовъ къ реакціи въ духовномъ и общественномъ образованіи въ Россіи въ то время (20-е годы), при чемъ характеризуются библейскіе комитеты, масонскія ложи и тайныя общества (№ 10, глава 6-я), излагая, затѣмъ, ходъ борьбы брестскаго капитула съ базиліанами по поводу устройства греко-уніатской церкви (№ 11, глава 7), и заканчивая пораженіемъ базиліанъ и его ближайшими послѣдствіями (№ 12, глава 8-я).

О построеніи крѣпости Саркела В. Васильевскаго (№ 10, стр. 273—289). Это—полемическая замѣтка по поводу статьи Ѳ. Успенскаго въ «Кіевской Старинѣ» (1889 г., № 5—6) «Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X в.»; при чемъ авторъ замѣтки становится на защиту извѣстія Константина Багрянороднаго о времени, мѣстѣ и цѣляхъ построенія крѣпости Саркелъ, между тѣмъ какъ г. Успенскій относесся критически къ этому извѣстію. Продолженіе этой полемики находится въ № 12, гдѣ помѣщенъ въ отдѣлѣ критики отвѣтъ г. *Успенскаго «О миражахъ, открытыхъ В. Г. Васильевскимъ»* (стр. 550—555) и тамъ же *«Отвѣтъ на статью Ѳ. Успенскаго» В. Васильевскаго* (стр. 555—557).

Борьба Польши и Литвы. Руси за галицко-владимірское наслѣдіе. И. Филевича (№ 11, стр. 135—187; № 12, стр. 281—304; продолженіе слѣдуетъ). Эта статья преслѣдуетъ задачу распутать вопросъ объ отношеніяхъ Литвы и Польши по поводу выморочнаго съ 1340 года галицко-владимірскаго княжества. Съ этой цѣлью авторъ въ 1-ой главѣ въ общихъ очеркахъ указываетъ тѣ стороны внутренней жизни Польши и Литвы (при

чемъ нельзя было миновать и татаръ), отъ которыхъ зависѣло ихъ дальнѣйшее столкновеніе (№ 11), а во 2-ой главѣ переходитъ уже къ очерку военныхъ дѣйствій 1340—1387 годовъ, обозрѣвъ пока событія 1340 года (№ 12).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *K. Gorzycki.* Połączenie Rusi Czerwonej z Polską przez Kazimierza W. Реценз. *И. Филевича* (№ 9, стр. 131—138); 2) Памятники древняго православія во Владимірѣ-Волынскомъ. *Е. Дверницкаго* (№ 10, стр. 356); 3) Русскія древности въ памятникахъ искусства. Издан. гр. *И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ.* Реценз. *К. Бестужева-Рюмина.* Вып. 2-й (№ 11, стр. 249—251); 4) Къ исторіи заселенія Хаджибея 1789—1795 г. *Яковлева В.* (№ 11, стр. 259—260); 5) Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. *Д. Багалѣя* (№ 12, стр. 559—560; 6) Замѣтка о загадочной фигурѣ на монетахъ великаго княжества кіевскаго (№ 12, стр. 562—563).

Историческій Вѣстникъ 1889 г., № 9—12. *Секретное дѣло объ одной газетной авизіи 1732 г. И. Лучицкаго* (№ 9, стр. 577—587). Это—преинтересная страничка изъ временъ тяжелыхъ допросовъ «Слова и дѣла»; тутъ разсказано, какой переполохъ произошелъ въ Кіевѣ по поводу доноса газетной авизіи, переданной подполковницей Вишневской полковницѣ Веревкиной.

Гдѣ дѣвались запорожскіе войсковые клейноды. Д. Эварницкаго (№ 11, стр. 394—403). Установивъ, какіе именно предметы именовались клейнодами, авторъ описываетъ нѣкоторые изъ нихъ, находящіеся теперь въ Преображенскомъ соборѣ и Императорскомъ Эрмитажѣ.

Въ отдѣлѣ «Изъ прошлаго» помѣщена *В. Бучневичемъ* маленькая замѣтка «*Пребываніе шведскаго короля въ г. Ромнахъ*» (№ 10, стр. 230—231).

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» помѣщены слѣдующія замѣтки: 1) Археологическія раскопки въ Херсонесѣ» (№ 10, стр. 235—236); 2) Находки въ екатеринославской губ. (ibid., стр. 236); 3) Древнія типографіи на Волыни (ibid., стр. 236); 4) Столѣтній юбилей г. Одессы (№ 11, стр. 450—451); 5) «Древній замокъ и городище»—сообщеніе г. Гошкевича о замкѣ кн. Спиридона Одельковича (№ 12, стр. 679); 6) Еще объ отношеніяхъ Гоголя къ матери. *Шенрока* (ibid., стр. 683—688).

Въ приложеніи къ № 12 находится «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей» *Д. Языкова*, вып. 6-й, гдѣ находимъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ нашихъ южанахъ: 1) Думитрашковъ Конст. Дан. (стр. 50—51), 2) Раевскій Петръ (стр. 106—107); 3) Ухачъ-Охоровичъ Конст. Франц. (стр. 119).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій и его литературные труды. *М. Едлинскаго*. Рецензія *Н. П.* (№ 10, стр. 201—202); 2) *Вержбицкій*. Краткое описаніе города Житомира. Т. I, изд. 2-ое. Рецензія *Вл. Б—скаго* (№ 10, стр. 215 — 216); 3) *Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ*. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. 1 и 2. Реценз. *П. Полеваго* (№ 11, стр. 404—407); 4) *В. Мякотинъ*. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. Реценз. *Б. Г—скаго* (№ 11, стр. 410—413); 5) *Н. Карѣевъ*. Паденіе Польши въ исторической литературѣ—реценз. *Н. С. К.* (№ 11, стр. 416—419); 6) *В. Яковлевъ*. Къ исторіи заселенія Хаджибея 1789 — 1795 г.—реценз. *Н. П—ова* (№ 11, стр. 426—428).

Русскій Архивъ 1889 г., № 5—12. *Письма митрополита кіевскаго Евгенія Болховитинова къ В. Г. Анастасевичу* (№ 5, стр. 21 — 84; № 6, стр. 161—236; № 7, стр. 321—388). Въ этихъ письмахъ встрѣчается масса мелкихъ замѣтокъ о языкѣ, исторіи, археологіи и пр. юга Россіи; особенно интересны замѣчанія Евгенія о Ходаковскомъ въ письмахъ 1819—20 гг.

Въ статьѣ «Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій» А. Зиссермана въ главѣ X-й говорится объ упраздненіи особаго черноморскаго казачьяго войска (№ 6, стр. 268—284), въ главѣ XI-й—о польскомъ возстаніи и о проектѣ Барятинскаго перенесенія столицы Россіи въ Кіевъ (№ 7, стр. 431—434).

Сотникъ Горбатко и его сподвижники 1862 г. Сообщилъ *И. Палимпсестовъ* (№ 11, стр. 353—375). Это страничка изъ славныхъ подвиговъ черноморскихъ козаковъ, разсказанная войсковымъ старшиною кубанскаго козачьяго войска Н. И. Вишневецкимъ.

Разсказы изъ недавней старины. И. Листовскаго (№ 12, стр. 491—498). Нѣсколько случаевъ изъ жизни митрополита кіевскаго Филофея и бывшаго кіевск. генералъ губернатора А. Р. Дрентельна.

Русская Мысль 1889 г., № 8—12. Въ статьѣ *«Были ли у насъ газеты для народа?» Е. Некрасовой*. Говорится о газетѣ «Другъ Народа», издававшейся въ Кіевѣ (№ 12, стр. 76—79).

Въ отдѣлѣ *«Внутреннее обозрѣніе»* посвящено нѣсколько строкъ памяти покойнаго редактора «Кіевской Старины» *А. С. Лашкевича* (№ 11, стр. 223; см. также въ отдѣлѣ библіографіи, стр. 508).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Энеида, перелицованная на малороссійскій языкъ *И. Котляревскимъ* (№ 9, стр. 379—380); 2) Pokucie. Obraz etnograficzny. Oskar'a Kolberg'a. Т. 3-й (№ 10, стр. 430); 3) Сборникъ

по хозяйственной статистикѣ полтавской губ. Т. 7-й. Кременчугскій уѣздъ. Т. 8-ой. Хорольскій уѣздъ. Вып. 1-й (№ 10, стр. 435—436); 4) Календарь сѣверо-западнаго края на 1890 годъ, издав. подъ редакціей *М. Запольскаго* (№ 11, стр. 500); 5) «Кіевская Старина», май—октябрь (№ 11, стр. 507—508); 6) Монетные клады въ кіевской губ. *Н. Бѣляшевскаго* (№ 12, стр. 524—525); 7) Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. *Е. Дверницкаго* (№ 12, 525).

Русская Старина 1889 г., № 9—12. *Дневникъ А. В. Никитенка.* Сообщ. *С. Никитенко* (продолженіе; № 9—12). Въ этомъ интереснѣйшемъ дневникѣ, начатомъ печататься давно уже (еще съ 1888 г.), помѣщены свѣдѣнія о нѣкоторыхъ лицахъ, имѣющихъ отношеніе къ наукѣ или литературѣ нашего юга; въ данныхъ номерахъ находимъ извѣстія о Гоголѣ (№ 9, стр. 527—529).

Записки архимандрита Владиміра Терлецкаго, бывшаго грекоуніатскаго миссіонера. Сообщ. Лопатинскій (№ 9, стр. 559—578; продолженіе будетъ). Это—продолженіе записокъ, начатыхъ печатаніемъ еще въ № 6; въ данныхъ главахъ (12—17) идетъ рѣчь о Товянскомъ и его сектѣ, объ игуменьѣ Макринѣ, разыгравшей заграницей роль страдалицы за католичество, о папѣ Піѣ IX и о проектѣ возсоединенія церквей, о княгинѣ Зинаидѣ Волконской и объ учрежденіи Восточнаго общества.

Въ «Воспоминаніяхъ Теобальда» (продолженіе) 2 я глава посвящена замѣткамъ изъ послѣдней польской смуты (1862 г.) въ Царствѣ Польскомъ (№ 10, стр. 77—87), а 3-ья—замѣткамъ изъ одесской жизни (№ 10, стр. 87—94).

Осипъ Максимовичъ Бодянскій въ его дневникѣ 1849—1852 г. Сообщилъ И. Павловскій. (№ 10, стр. 123—141). Хотя дневникъ этотъ, начавшійся печатаніемъ еще въ 1888 г., по содержанію не представляетъ особеннаго интереса, но имя О. М. Бодянскаго вполнѣ оправдываетъ занесеніе дневника на страницы библіографическаго указателя.

Рѣчной и морской военный походъ в. кн. Владиміра отъ Кіева до Херсонеса и обратно въ 988 году. Кн. Н. С. Голицына (№ 10, стр. 185—190). Въ этой замѣткѣ опровергается мнѣніе проф. А. Соболевскаго о томъ, что въ лѣтописи Нестора неправильно походъ отнесенъ къ 988 году.

Къ исторіи русскаго общества 1807—1849 гг. (№ 11, стр. 361—371). Это—сжатая выдержка изъ обширной записки неизвѣстнаго лица, которое записывало всякія правительственныя распоряженія. Здѣсь находимъ извѣстіе о томъ, что въ 1846 г. іюня 19 циркулярами министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго приказано запретить и изъять изъ продажи сочиненія: *Шевченка*—Кобзарь, *Кулеша*—Повѣсть объ украинскомъ народѣ, Украйна,

Михайло Чарнышенко; *Костомарова*—Украинскія баллады, Вѣтка (стр. 367), а также о томъ, что въ 1847 г. марта 24 состоялось особое повелѣніе, при возвращеніи изъ заграницы командированнаго туда *Пант. Кулеша*, задержать его на границѣ, опечатать всѣ бумаги и вещи и отправить въ Ш-е отдѣленіе (стр. 368).

Русскій Филологическій Вѣстникъ 1889 г., № 3 и 4. *Купало. А. Соболевскаго* (№ 4, стр. 184—189). Здѣсь основательно отрицается древность Купала въ смыслѣ древне-русскихъ божествъ и указывается на то, что на югѣ Россіи не упоминается нигдѣ Купало, какъ языческій богъ, ранѣе 17 вѣка, а на сѣверѣ Руси даже имени этого нѣтъ въ памятникахъ. Выводъ тотъ, что существовало народное названіе праздника «Купалы» (множественное число), ставшее потомъ эпитетомъ къ имени Ивана Предтечи.

Еще къ вопросу о положеніи русской женщины по бытовымъ пѣснямъ народа. Е Будде (№ 4, стр. 195—244). Статья эта представляетъ отвѣтъ на давній разборъ г. Брайловскаго (Филолог. Записки 1886 г. № 1) статьи упомянутаго автора, посвященной вопросу о положеніи женщины. Сущность воззрѣнія г. Брайловскаго такая: не во всѣ періоды и моменты жизни русская женщина находится въ безотрадномъ положеніи, но есть и «отрадная сторона». Сущность возраженія г. Будде сводится къ доказательству этой безотрадности, при чемъ авторъ касается также вопроса о положеніи малорусской (чаще галицко-угорской) дѣвушки. Кажется, было бы правильнѣе рѣшать этотъ вопросъ, не смѣшивая народностей.

Отношеніе чудовскаго инока Евѳимія къ Симеону Полоцкому и Сильвестру Медвѣдеву. С. Брайловскаго. (№ 4, стр. 262—290). Статья представляетъ разработку одного изъ моментовъ той упорной борьбы, какая велась московскими книжниками 17 в. съ юго-западно-русскими учеными изъ-за охраненія первыми яко-бы чистоты православной вѣры отъ привнесенія вторыми въ нее латинской ереси.

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщенъ краткій разборъ книги г. *Науменка «Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи»* (№ 3, стр. 167—168).

Филологическія Записки 1889 г., вып. III—V. *Какое значеніе имѣютъ слова Нестора: «собравше кости вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творятъ Вятичи и ныне». И. Четыркина* (вып. V, стр. 1—19). Самое заглавіе достаточно выясняетъ содержаніе статьи; рѣшается вопросъ на основаніи признанія особаго божества *Чура* (образъ умершаго предка), оформившагося потомъ въ видѣ обрубка дерева, что и есть, по объясненію автора, *столпъ*.

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Изслѣдованіе *Евгенія Пѣтухова* (вып. III—IV, стр. 1—7); 2) *А. Пыпинъ*. Для любителей книжной старины. Библіографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей и пр. (тамъ же, стр. 7—9); 3) *Е. Шмурло*. Митрополитъ Евгеній, какъ ученый (тамъ же, стр. 10—18). Всѣ три рецензіи написаны *Сергѣемъ Ольгинымъ*

Книги, вышедшія въ концѣ 1889 и въ началѣ 1890 г., касающіяся ю. Россіи.

Веневитиновъ М. Хожденіе Даніила игумена въ изданіяхъ И. П. Сахарова. (Изъ XIII т. «Древностей»). М. 4 д., 103 стр.

Захарченко М. Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ. К. 8 д. 163 стр.

Историческій очеркъ Одессы. Къ столѣтнему юбилею со дня завоеванія. Одесса. 8 д. 52 стр.+8 рис.

Кіевскій календарь на 1890-й годъ. Съ адресъ-календаремъ г. Кіева и съ планами городскихъ театровъ. Редакторъ *В. Фабриціусъ* Кіевъ 1890 г., 8 д., 16 ненум. + 221 + ненум. 35 стр.

Леонидъ, архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: «Откуда родомъ была св. великая кн. Ольга?». (Оттискъ изъ «Кіевской Старины»). Кіевъ 1889 г. 8 д. 8 стр.

Лисенко С. Первые шаги шелководства въ черниговской губ. Черниговъ. 1889. 8 д. 53 стр.

Луцкевичъ А. Памятная книжка кіевскаго учебнаго округа. Ч. III. Волынская губернія. К. 8 д. 171 стр.

— Памятная книжка кіевскаго учебнаго округа. Часть IV. Черниговская губ. Съ приложеніемъ карты учебныхъ заведеній Мин. Нар. Просв. черниговской губ. Кіевъ 1889 г., 8 д, 180+XXIII стр.+1 карта.

Малышевскій И. Происхожденіе русской вел. княгини Ольги. К. 8 д. 71 стр.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія уложенія. Изд. «Кіевской Старины». К. 8 д. 292+XX стр. п. 2 р.

Панаженко И. Историческая записка о новгородсѣверской гимназіи. К. 8 д. 172+II стр.

Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленная при этнографическомъ отдѣлѣ Императ. общ. любителей естествознанія, антрополо-

гіи и этнографіи подъ редакц. *Н. Янчука*. (Оттискъ изъ XIII й кн. Трудовъ этнограф. отдѣла). М. 1889 г., 12 д., VII+147 стр.

Ронталеръ Э. Отчетъ о состояніи новгородсѣверской гимназіи за 1888-й годъ. Вып. 5-й. Кіевъ 1889 г., 8 д., 96 стр.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. II. Древности скиѳо-сарматскія. Съ 147 рис. 4 д. 160 стр. ц. 1 р.

Святославскій В. Фабричный рабочій. Санитарное положенів фабричнаго рабочаго въ Привислянскомъ краѣ и въ Малороссіи. Варшава. 8 д. 288 стр. +1 табл.

Скальковскій А. Адмиралъ де-Рибасъ и завоеваніе Хаджибея 1764—1787. Изд. городское. Одесса. 8 д. 38 стр.+1портр.+1 карта+1 планъ.

Талько-Грынцевичъ. Народное акушерство въ южн. Руси. Изд. журнала «Земскій Врачъ». Черниговъ. 8 д. 54 стр.

Franzos K. E. Aus. Halb-Asien. Culturbilder aus Galizien, der Bukowina, Südrussland und Rumänien. 2 B-de. 3 Aufl. Stuttgart. LXII+419 s.

— Aus der grossen Ebene. Neue Culturbilder aus Halb-Asien. 2 B-de.

Харузинъ М. Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ. (Оттискъ изъ VIII-го т. Трудовъ отдѣла этнографіи). Москва 1889 г., 12 д., IV+XXVII+335 стр.

Харьковскій сборникъ. Подъ ред. В. Касперова. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому календарю» на 1889 г. Вып. 3-й. Харьковъ. 8 д. 248 стр.

Chlebowski B. i Walewski W. Słownik geograficzny królewstwa polskiego i innych krajów słowiańskich. Zeszyt 117 и 118. Tom X. Warszawa 1889 г., 4 д., 641—800 стр.

Ч—въ П. Алупка. Краткій практическій указатель для пріѣзжающихъ. Од. 16 д. 55 стр.

Шевченко Т. Катерына. Изд. 2-е В. Уточкина. Од. 8 д. 32 стр.

Шейковскій К. Толкованіе слова «Русь» и его разновидность. Юбилейное изд. Мензелинскъ. 8 д. 14 стр.

Этнографическое обозрѣніе. Періодическое изданіе этнографическаго отдѣла Императорскаго общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Кн. 2-я. Подъ редакц. *Н. Янчука*. Москва. 1889 г., 8 д., 1 + 239 + неном. 1 стр.+1 портр.

Яковлевъ В. Къ исторіи заселенія Хаджибея (1789—1795). Къ столѣтію завоеванія Хаджибея. Изд. город. Од. 8 д. 57 стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ“

на 1890 годъ.

„Судебная Газета“ будетъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, давать на своихъ страницахъ критическое обсужденіе законовъ какъ дѣйствующихъ уже, такъ и вновь публикуемыхъ, при чёмъ для болѣе яркаго освѣщенія достоинствъ и недостатковъ отечественнаго права — матеріальнаго и процессуальнаго—будетъ держаться сравнительнаго метода изложенія, приводя постановленія передовыхъ иностранныхъ законодательствъ. Памятуя ближайшія задачи спеціальнаго органа, газета наша будетъ охотно отводить у себя мѣсто разнымъ юридическимъ замѣткамъ и вопросамъ, имѣющимъ цѣлью выясненіе темныхъ сторонъ права, чѣмъ значительно облегчится положеніе провинціальныхъ практиковъ, которые, какъ можно судить изъ поступающихъ къ намъ заявленій, особенно часто нуждаются въ совѣтѣ и обмѣнѣ мыслей.

(Просимъ обратить особенное вниманіе на слѣдующее):

Въ каждомъ № „Судебной Газеты“ подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всѣмъ Департаментамъ Правительствующаго Сената и Общаго Собранія и, тотчасъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными, то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который, въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія „Судебной Газеты“

СООБЩЕНІЕ СПРАВОКЪ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ и другихъ Департаментовъ Сената производится въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, при томъ не болѣе 3—4 въ годъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ ВЪ РАЗСРОЧКУ И НА СРОКИ справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЖЕЛАЮЩІЕ получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода № газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ „Отвѣты редакціи“ или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЦѢНА: на годъ 7 руб.; на 6 мѣсяцевъ 4 руб. 50 коп.; на 3 мѣсяца 3 руб. и на 1 мѣсяцъ 1 руб. Заграницу 10 руб. въ годъ.

ПОДПИСКА принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

ЗАГРАНИЦУ подписка въ разсрочку не принимается.

РАЗСРОЧКА въ платежѣ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 4 рубля и остальные 3 рубля не позже 20-го іюня.

ПРИ ПРОСРОЧКѢ втораго взноса высылка газеты съ 1-го іюля прекращается.

ДЛЯ ПОЛЬЗОВАНІЯ РАЗСРОЧКОЮ необходимо при присылкѣ перваго взноса заявлять о своемъ желаніи пользоваться разсрочкою; одна же простая присылка 4 рублей или присылка ихъ съ объясненіемъ, что они высылаются за первую половину года, повлечетъ за собою зачисленіе такого подписчика въ разрядъ четырехмѣсячныхъ.

Иногородные адресуются *исключительно* въ главную контору редакціи: С.-Петербургъ, Моховая улица, № 38; городскіе—въ отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, въ книжномъ магазинѣ юридической литературы Д. В. Чичинадзе, Невскій проспектъ, д. № 57.

За подписку въ другихъ мѣстахъ редакція не отвѣчаетъ.

№ 1. 3—3. Редакторъ-Издатель *Ф. В. Де Векъ.*

Объ изданіи журнала „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“.

Съ 1-го января 1890 года будетъ издаваться, подъ редакціей ординарнаго профессора с.-петербургскаго университета **Н. Д. Сергѣевскаго** и при ближайшемъ, постоянномъ сотрудничествѣ **Н. Ѳ. Дерюжинскаго, А. А. Исаева** и **Н. М. Коркунова**, ежемѣсячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“. Задачею журнала поставляется, вопервыхъ, научная разработка и историческое освѣщеніе правовыхъ и экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для нашей современной общественной жизни; вовторыхъ, ознакомленіе читателей съ важнѣйшими явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и науки права. Сообразно этому, „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ будетъ заключать въ себѣ:

I. Самостоятельныя (иногда переводныя) научныя статьи по вопросамъ право- и государствовѣдѣнія;

II. Хроники: законодательную, судебную и научную;

III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ“ выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждыя шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: Анисимова, Большая Садовая, № 12; Цинзерлинга, Невскій проспектъ, № 46; Мартынова, Большая Морская, № 30.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ", С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, по 3 линіи, д. № 26.

№ 2. 3 - 3.

ОБЪ ИЗДАНІИ въ **1890 году** ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО и УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ ДЕСЯТИ книгъ въ годъ, до ДВАДЦАТИ листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С-Петербургѣ безъ доставки 8 р.	съ пересылкою въ другіе города . 9 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ. 8 р. 50 к.	за-границей . . . . . 12 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА**, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города **13 р. 50 к.**

Рѣш. касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 р. съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны, сумма. **Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества** пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ кас. рѣш 9 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на суд. долж., удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права», С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова рядомъ съ Публичною Библіотекою, Мартынова, Б. Морская, 30 и Чичинадзе М. Морская, 9; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи. Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887 и 1889 гг. по 9 руб., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала по 2 р. съ пересылкою.

№ 3. 3—3 Редакторъ: *В. М. Володимировъ.*

Съ 1-го ноября 1889 г. будетъ выходить безъ предварительной цензуры

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ:

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ,

при участіи Московскаго Психологическаго Общества,

Подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. Изданіе А. А. Абрикосова.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ,—опытная и физіологическая психологія, психопатологія: 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ; 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи, и библіографія; 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія; 5) Переводы на русскій языкъ классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Въ журналѣ, между прочимъ, предполагаютъ принять участіе слѣдующія лица: 1) изъ числа спеціалистовъ по философіи: проф А. А. Козловъ, проф. М. М. Троицкій, проф. М. И. Владиславлевъ, проф. Г. Е. Струве, проф. М. И. Каринскій, проф. Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ, Влад. С. Соловьевъ, кн. С. Н. Трубецкой, П. Е. Астафьевъ, іеромонахъ Антоній, А. И. Введенскій, А. Н. Гиляровъ, А. П. Казанскій, Н. Н. Ланге, В. В. Лесевичъ, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, кн. Д. Н. Цертелевъ, Е. И. Челпановъ, В. Ф. Лютославскій (магистръ герм. ун.), Ѳ. О. Масарикъ (проф. пражскаго унив.) и др. лица,—2) слѣдующіе члены психологическаго общества: графъ Л. Н. Толстой, Н. П. Аксаковъ, проф. Д. П. Анучинъ, проф. А. П. Богдановъ, проф. Н. В. Бугаевъ, проф А. Н. Веселовскій, проф. П. Г. Виноградовъ, О. П. Герасимовъ, В. А. Гольцевъ, В. А. Гримгмутъ, Д. А. Дриль, проф Г. А. Звѣревъ, Н. А. Иванцовъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. И. Ф. Огневъ, Л. Е. Оболенскій, д ръ А. А. Токарскій, Н. Н. Страховъ, проф. Ѳ. П. Шереметевскій, Н. П. Шишкинъ, В. И. Штейнъ, 3) проф. В. И. Даниленскій, проф. П. И. Ковалевскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками по 12—15 печатныхъ листовъ. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:** въ годъ 6 р., и 6 р. 50 к. съ доставкою и пересылкою въ другіе города Россіи; для членовъ Психологическаго Общества, для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и воспитанниковъ духовныхъ семинарій—4 р., съ дост. и перес. 4 р 50 к.—Подписка принимается съ 1 сентября нын. г въ помѣщеніи редакціи (Новинскій бульваръ, д. Котлярева, кв. Николая Як. Грота), въ редакціяхъ: журнала „Русская Мысль“ и „Газеты А. Гатцука“, и въ магазинахъ „Новаго Времени“, (А. С. Суворина) въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ; В. И. Карбасникова въ Москвѣ, Петербургѣ, Варшавѣ, и Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ.

Въ 1-й номеръ журнала войдутъ статьи Владиміра Соловьева (Красота въ природѣ), проф. А. А. Козлова (Размышленія по поводу неожиданнаго голоса изъ области естествовѣдѣнія), кн. С. Н. Трубецкого (О природѣ сознанія), Н. Н. Ланге (О дѣйствіи гашиша: психологическая замѣтка), Н. Я. Грота (Отчетъ о съѣздѣ физіологической психологіи въ Парижѣ) и другія. № 4. 3—3

ГОДЪ VII. БОЛЬШОЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ „КОЛОСЬЯ“ ГОДЪ 1890.

въ 1890 г. будетъ издаваться по той-же программѣ, какъ и въ предыдущіе шесть лѣтъ Цѣль редакціи—за недорогую цѣну дать такой богатый, разнообразный, живой и интересный матеріалъ для чтенія, какой могутъ представлять лучшіе большіе журналы.

Въ каждой книжкѣ „КОЛОСЬЕВЪ“ помѣщаются романы и повѣсти, стихотвореніе, драмы и комедія, популярныя научныя статьи, историческіе очерки или воспоминанія, путешествія, критика и внутреннее обозрѣніе. Въ программу журнала входятъ и художественные рисунки (фототипіи и фотогравюры).

Подписная цѣна въ **въ 1890 году** остается прежняя:

8 РУБЛЕЙ. **Подписка принимается:** въ СПБ., въ конторѣ журнала „КОЛОСЬЯ“, Пушкинская, домъ № 10-й. На годъ . . . . **8 р.** На полгода . . . **4 р.**

№ 5. 2—2. Редакторъ-издатель *И. А. Баталинъ.*

1890 ГОДЪ. ОБЪ ИЗДАНІИ 1890 ГОДЪ.

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1) Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2) Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3) Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонніхъ слушателей.

4) Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5) Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6) Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.

7) Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8) Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

9) Годичные отчеты по Университету.

10) Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11) Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи, иныя

12) Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13) Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14) Ученые труды преподавателей и учащихся.

15) Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ: Часть I—оффиціальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—неоффиціальная: отдѣлъ I—историко-филологическій; отдѣлъ II—юридическій; отдѣлъ III—физико-математическій; отдѣлъ IV—медицинскій, отдѣлъ V—критико-библіографическій—посвящается критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), отдѣлъ VI—научная хроника заключаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣденія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы переводы сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1890 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ. Цѣна за **12 книжекъ** ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки **6 руб. 50 коп.**, а съ пересылкою **7 рублей**. Въ случаѣ выхода ПРИЛОЖЕНІЙ (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **ИЗВѢСТІЙ**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 р. сер., а студенты прочихъ университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

№ 6. 2—2. Главный редакторъ *В. Иконниковъ*.

ВЪ **1890** ГОДУ

При Кіевской Духовной Академіи

БУДУТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННОЙ ПРОГРАММѢ:

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ и ХАРАКТЕРА.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и блаженнаго Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церквей западныхъ".

Указомъ Св. Синода отъ $^{3}/_{15}$ февраля 1884 г. подписка какъ на журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи", такъ и на „Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ" рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи" будутъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи"—7 р.

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписаться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ,—2) Иги. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе" за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), V (1841—42), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIV (1860—61, XXV (1861—62), XXVII (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII, (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 3 руб. за годъ съ пересылкою. Воскресное Чтеніе за 1879—1883 гг. по 4 руб. за за экземпляръ съ пересылкою.

Епархіальныя Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 гг. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп., а за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 руб. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи" продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—1866, 1868 гг. по 3 р.; за 1869—1873 гг. по 4 руб.; за 1874—1878 гг. по 5 р съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р, за 1883—1889 гг. по 7 р. съ пересылкою. Экземпляры „Трудовъ" за 1884 г. всѣ распроданы.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ" 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 к. съ пересылкою 80 коп; 1874—1889 гг. по 1 руб. № 7. 1—3.

Открыта подписка на 1890 г. на политич., литер. и художественную

„ГАЗЕТУ А. ГАТЦУКА".

„ГАЗЕТА" выходитъ въ объемѣ 2—3 листовъ въ недѣлю; въ важныхъ случаяхъ—два раза въ недѣлю.

Въ 1890 г. «Газета» будетъ значительно расширена и улучшена. Редакція ея обновлена новыми силами и уже заручилась содѣйствіемъ многихъ извѣстныхъ литераторовъ и художниковъ.

Въ учено-литературномъ отдѣлѣ „ГАЗЕТЫ" примутъ участіе: профес. В. Б. Антоновичъ, Ѳ. И. Буслаевъ, Л. П. Бѣлоѣй, А. П. Веселовскій, Н. Я. Гротъ, И. П. Ивановъ, М. К. Іогель, профес. Ѳ. Е. Коршъ, И. А. Линниченко,

Н. С. Лѣсковъ, Д. Л. Мордовцевъ, Н. И. Стороженко, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и друг.

Въ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ "Газета" сообщаетъ всѣ политическія и общественныя новости, распоряж. правительства, провинціальн. извѣстія, новости торговыя, биржевыя и техническія, свѣдѣнія о новыхъ открытіяхъ въ области наукъ, искусствъ, ремеслъ и проч.

Въ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТДѢЛѢ „Газеты" печатаются романы, повѣсти разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія. популярныя историческія и естественноисторическія статьи, путешествія и проч. Многія статьи иллюстрируются рисунками. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ „ГАЗЕТЫ" посвящается, главнымъ образомъ, текущимъ замѣчательнымъ СОБЫТІЯМЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. Каждое выдающееся событіе немедленно иллюстрируется на страницахъ „ГАЗЕТЫ". Кромѣ того, въ „ГАЗЕТѢ" помѣщаются ПОРТРЕТЫ всѣхъ выдающихся политическихъ и общественныхъ дѣятелей, государственныхъ людей писателей и пр., а также КОПІИ КАРТИНЪ извѣстныхъ художниковъ.

Въ теченіи года „Газета" дастъ слѣдующія безплатныя приложенія и преміи:

1) ШЕСТЬ КНИГЪ избранныхъ романовъ и повѣстей, оригинальныхъ и переводныхъ. Каждая книга заключаетъ въ себѣ отъ 6 до 10 печатн. листовъ.

2) МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ, выходящій шесть разъ въ годъ отдѣльными выпусками со множествомъ рисунковъ и политипажей, съ образцами работъ, выкройками и проч. Кромѣ послѣднихъ модъ, дается множество свѣдѣній по домашнему хозяйству.

3) ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ДРАМЫ ШЕКСПИРА. Большой томъ съ изящными англійскими иллюстраціями.

4) КРЕСТНЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1890 годъ (при № 1 „Газеты") со множеств. иллюстрацій и при немъ стѣнной календарь.

Кромѣ перечисленныхъ приложеній и премій, редакція, въ виду увеличившагося распространенія „Газеты", дастъ своимъ подписчикамъ ГЛАВНУЮ ПРЕМІЮ:

БОЛЬШУЮ ОЛЕОГРАФИЧЕСКУЮ КАРТИНУ.

Главная премія **„ГАЗЕТЫ А. ГАТЦУКА"** представляетъ собою дѣйствительно превосходное художественное произведеніе. Она рѣзко отличается отъ премій другихъ газетъ и журналовъ и можетъ занять мѣсто въ каждой гостиной, какъ прекрасное украшеніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на „Газету" со всѣми приложеніями, преміями и главной преміей, съ пересылкой и доставкой:

На годъ . . . . **5** р. На полгода . . **3** р. На ¼ г. **1** р. **75** к.

ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ выдается годовымъ подписчикамъ. Подписчики, желающіе получить эту премію, прилагаютъ за пересылку и доставку ея 1 рубль. Разсылка преміи начнется немедленно, по порядку полученія подписныхъ денегъ, такъ что лица, подписавшіяся заблаговременно, могутъ получить ее въ текущемъ 1889 году. Требованія адресуются: въ Редакцію „Газеты А. Гатцука". Москва, Никитскій бульваръ, собств. домъ. № 8. 2—3.

БИБЛІОГРАФЪ

1890. **ВѢСТНИКЪ** Годъ VI.

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ и ИСКУССТВА.

Журналъ библіографическій, критическій и историческій.

Выходитъ ежемѣсячно.

Ученымъ Комитет. М-ства Народн. Просв. РЕКОМЕНДОВАНЪ для основныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ ОДОБРЕНЪ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ. — По распоряженію Военно-Ученаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжно-торговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отд. 2-й (справочный). Полная библіографическая лѣтопись: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) Rossica; 4) правительственныя распоряженія; 5) объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

И. Ѳ Анненскій, А. И. Барбашевъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, П. В. Быковъ, Е. А. Бѣловъ, проф. П. В. Владиміровъ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, проф. Е. Е. Замысловскій, проф В. С. Иконниковъ, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, Л. Н. Майковъ, В. И. Межовъ, А. Е. Молчановъ, П. Н. Оглоблинъ, С. Ѳ. Платоновъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, С. М. Середонинъ, С. Л. Степановъ. Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи **5** *р., за границу* **6** *р.*

отдѣльно нумеръ 50 к., съ перес. 60 к.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: страница—8 р.; 3/4 стран.—6 р. 50 к., 1/2 стран.—4 р. 50 к. 1/4 стран.—2 р. 50 к.; 1/8 стран,—1. р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени"—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.- Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Забалканскій (Обуховскій) просп., домъ № 7, кв. 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полные комплекты „Библіографа“ за 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 гг. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1, 2 и 3. Ц. по 60 коп. 2) Библіографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 коп. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библіографич. указатель произведеній А. Н. Сѣрова. II. Библіографич. указатель литературы о А. Н. Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 руб. за вып. 4) Библіограф. списокъ литерат. трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина. Сост. И. А. Козеко. Ц. 75 коп.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

№ 8 2—2. Редакторъ Н. М. Лисовскій.

Объ изданіи въ **1890 году** ежемѣсячнаго журнала

„СЕМЕЙНАЯ БИБЛІОТЕКА.“

НА ГОДЪ 2 р., 1/2 ГОДА 1 р.

Редакціей „Пантеона Литературы“ предпринято, съ 1 января 1890 г., **изданіе новаго общедоступнаго какъ по цѣнѣ, такъ и по содержанію** ежемѣсячнаго журнала.

„Семейная Библіотека“ будетъ заключать въ себѣ: избранные романы, повѣсти, разсказы, собранія стихотвореній извѣстныхъ писателей, драматическія произведенія, путешествія и пр.

Въ каждомъ томикѣ будетъ помѣщено цѣлое произведеніе; болѣе обширныя произведенія займутъ нѣсколько послѣдовательныхъ томиковъ.

Назначеніе **„Семейной Библіотеки“**—доставить самой небогатой семьѣ возможность, за ничтожную плату, имѣть библіотеку избранныхъ авторовъ, чтеніе которыхъ по содержанію своему было бы для всѣхъ доступно и интересно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	на годъ	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ дост. и перес.	2 р.	1 р.	25 к.

Подписка принимается: въ редакціи „Семейной Библіотеки“ въ С.-Петербургѣ, Захарьевская ул., д. № 19. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 5%.

№ 9 1—3 Редакторъ-издатель *А. Чудиновъ.*

ОТРКЫТА ПОДПИСКА на **1890** ГОДЪ.

(Третій годъ изданія).

„ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ".

ежемѣсячный историко литературный журналъ.

Въ предстоящемъ году „Пантеонъ Литературы" будетъ издаваться по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ.

Въ числѣ произведеній, предназначенныхъ къ помѣщенію въ первыхъ книжкахъ журнала, назовемъ слѣд.: 1) **Полное собраніе сочиненій Василія Петровича Боткина,** автора „Писемъ объ Испаніи" и пр., 2) **Поэмы Оссіана,** перев. съ примѣч. и предисловіемъ Е. В. Баласбановой, 3) **Письма темныхъ людей,** перев. А. И. Кирпичникова, 4) **Чосеръ, Контерберійскіе разсказы,** перев. М. И. Кудряшева, 5) **Аріосто, Неистовый Роландъ,** поэма, перев. С. Ф. Уварова, 6) **Л. Н. Майкова,** Матеріалы для біографіи Вал. Н. Майкова, 7) **М. Гюйо,** Современная эстетика, и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	на годъ.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ дост. и перес.	8 р.	5 р.	1 р.
Съ перес. за границу	10 р.	—	—

Выписывающіе „Пантеонъ Литературы" за 1888 и 1889 гг. уплачиваютъ: за всѣ три года—20 р., за два года—15 р. Разсрочка платежа—по соглашенію.

Подписка принимается: въ редакціи журнала „Пантеонъ Литературы" въ Спб., Захарьевская, д. 19, а также въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени"—въ С.-Петербургѣ, Москвѣ. Харьковѣ и Одессѣ. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 5% о

№ 10 1—3. Редакторъ-издатель *А. Чудиновъ.*

ОТРЫТА ПОДПИСКА

НА

новый журналъ для акушерокъ, фельдшериць и фельдшеровъ.

АКУШЕРКА

На годъ **3** рубля
На 6 мѣс. **2** рубля.
На 3 мѣс. **1** рубль.

Изданіе посвящается акушерству, женскимъ, дѣтскимъ и общимъ болѣзнямъ и вообще всѣмъ отраслямъ медицины, входящимъ въ кругъ дѣятельности **АКУШЕРОКЪ, ФЕЛЬДШЕРИЦЪ и ФЕЛЬДШЕРОВЪ.** Журналъ будетъ выходить съ 1-го Января 1890 года, дважды въ мѣсяцъ.

Редакція заручилась сотрудничествомъ: гг. преподавателей и врачей С.-Петербургскаго (надеждинскаго) и московскаго родовспомогательныхъ заведеній и повивальнаго института въ С.-Петербургѣ, а также другихъ врачей спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ медицины.

Подписка принимается:

Въ Брянскѣ (орловской губ.) въ Редакціи журнала „Акушерка".
Въ Спб. въ книжномъ магазинѣ К. Риккеръ Невскій просп. № 14.
Въ Москвѣ въ книжн. магазинѣ А. Лангъ, Кузнецкій мостъ.

№ 11 1—3. Редакторъ-издатель *Амброжевичъ*

№ I.

"Аптека домовая средная

Часть 2 [1]) домашнихъ лѣкарствъ, на поратования чл҃вческаго и бидлячого здоровя господарамъ и всякой кондиціи "особамъ служащая.

Лѣкарства, котория всегда заживати подобаеть, разсмотряючися, и що по троху или по мѣри заживать принадлежить, противное противному старатися, подобное подобному принадлежить.

Терпливость есть лѣкарство на всякие хороби; заживати его, на аптеку кому не стало би.

Апетитъ зопсований напрѣвують вишнѣ чорние свѣжие и сухіе, вареніе або сирие, когда хто уживаеть; також алекс(и)р пропріетатисъ [2]) по колко кроплей.

---

[1]) Быть можетъ, 1-ю часть этой аптеки составляетъ стараніе избѣгать грѣховъ, перечисленныхъ, какъ бы въ видѣ эпиграфа, на внутренней сторонѣ обложки, тѣмъ же почеркомъ:

Седмь грѣховъ смертныхъ: 1, гордость; 2, лакомство; 3, блудъ; 4, зависть; 5, обжирство; 6, гнѣвъ; 7, лѣнивство.

4 грѣха вопіющихъ до Бога: 1, волное чл҃вкоубойство; 2, блудъ содомскій; 3, озлобленіе убогих вдовъ и сиротъ, обиди или утѣсненіе; 4, удержаніе или несовершеное мзди отдаляя дѣлателемъ и наемникомъ.

Противъ Духа Святого шесть: 1, отчаяніе, еже ненадѣятися на милость 2, излишнее упованіе на милость Божию; 3, сопротивленіе истинѣ познани... писанием сти҃х догматов о вѣри, апостоли и с҃вти(и) отци утвержденихъ; 4, зависть ко духовним бг҃а(мъ), яж(е) пріймуют(ь) ближняя (?) отъ Бг҃а; 5, вгрѣсѣ пребиване и состарѣние в злобѣ; 6, нерадѣние о покаяніи до отшествия жизни своея.

[2]) Флоринскій, Русс. простонар. травн. и пр. 220.

До якой-колвекъ рани: свинячого пузиревого свежого сала, живицѣ, воску молодих пчол, 'оливи, бѣлку з яйца курячого, и всего того по равнимъ частямъ сложивъ на пановку или на щоколвекъ, присмажить в легкомъ огнѣ и с того учиня пластеръ, прик'ладать до рани.

Утроба устане, коли хто козлового лою роспустивши шматъ, змѣшавши з пшенною мукою, и зробит(и) якъ кашу и зисты.

Також врацати при утробѣ здорово есть, при лѣкарствѣ:

взяти воску гишпан'ского червоного и крейди белой, печини з печи по шматку мѣрному, стерти то все в мозчиру мякъко и на тилецъ ножа взявши в тепломъ пивѣ алъбо винѣ на-дще на и ноч пит(ь); поможетъ.

також: взять муки житнои сколко ложокъ. вбити до ней два жов't'ки от яйца, двѣ мушкатние галки и толко ж бобчаного насѣня, стерши всіо то вкупу, змѣшат(ь) на неперу упек'ти и дат(ь) хорому зисти.

Також порохъ курячого калу бобки албо кров сушеная всякаго звѣра випит(ь), и усмирит утробу.

Також и камень червоний в молоцѣ стерти, пить.

Також очеретъ, что по озерахъ ростет(ь) спалит(ь) на порох, а пересѣявши хороше, дать пит(ь) хорому; на тотъ часъ овощей анѣ трунковъ гарячих незаживать, печистие толко потрави уживать, а пиво пить--аби толко посилился.

Також взят(ь) молока свѣжого з шевлѣею переварит(ь), нѣчого болшъ непридаючи; учинит(ь) великую помощъ.

Илляне насѣня товченее, албо зерно розинковое, албо насѣня бобчанее пит(и), або исти бобъ вареній, або заживать конфектъ пин(?)олній.

Боки болящіе такъ лѣчат(ь): часнику головокъ з-колко у винѣ уварит(ь), тепло на ночь пит(ь), укритися и спочит(и);

Салату с чорнобилнимъ цвѣтомъ при потравахъ уживать;

алексѣръ проприетатисъ в винѣ албо в пивѣ заживат(ь).

На бородки: листомъ вербовимъ оние ок'ласти з оцтомъ; або з гною телячого попелъ упаливши, змѣшать з оцтомъ аби тепло. и на бородавки прикладать от години до години.

Кармазиновим албо тежъ червоним шовкомъ бородавки занявши, добре стиснуть. и такъ нехай будеть долго, поки не усхнеть и зъ того мѣстца з коренемъ випадетъ.

Медъ з галуномъ змѣшат(ь) и тымъ шмароват(ь) оние; або цибулею, або жолоткомъ (sic) яецъ змѣшаним з шафраномъ. або олѣйкомъ сосонковимъ (?) мазати, поможеть.

На удуше незастарѣлое: кмѣну з оцтомъ уварити и тепло под подошви прик'ладать;

албо чверть фунта терпентини, масла свѣжого несолоного змѣшати, исти на-дще поча(ст)цѣ орѣха.

На фебру: конского калу с пивом или з вином напитис(ь), процѣдивши чисто, сточит(ь);

албо взять ложку пива, вина, оцту, оливи, солы шматокъ. змѣшат(ь) в купѣ и пере(д) бранемъ оное випить;

або взять кореня бобки зѣлля, оскромадит(ь) и добре покришит(ь). на-дще и на ночъ исти всегда;

або орлового каменя [1]) наскромадивши, в винѣ албо горѣлцѣ випит(ь).

На горла бол(ѣ)ние: кашу ячную уваривши добре рѣден'ко, потом лѣтепла оцту приливши, полоскат(ь) губу часто и горло, ковтаючи по троху.

Ремезовое гнѣздо або пилиховое или ластовиное на порох збити, пересѣяти, с цибулею печеною стовк'ши и з медомъ прѣснимъ змѣшавши и плястръ зробивши, горло ок'ладати;

Или ячмѣнь в колосахъ на попелъ спалить, з медомъ и калом собачимъ змѣшавши, ок'ладать;

Или переступень корень в молоцѣ парить и пить;

Або шкарпетки з ног знявши на ночъ на шію обвертит, что от слиногора заховуеть;

---

[1]) Флоринскій, Р. простонар. травн. 159—60.

Або пить в молоцѣ албумъ грекумъ [1]).

На болячки въ горлѣ: дать чого пити или исти, даби вомѣтовалъ;

Ужева голова висушеная, на шіи голо(й) ношенная боронит(ь) от слиногора [2]);

Сова со всѣм спаленная, попелъ оній пивши или ластовиній вареній в водѣ или в винѣ з фигами—поможет(ь).

На глисти или робаки: Горѣлки доброй (пропускъ?) змѣшать и тимъ жолудокъ и ноздри шмаровать(ь);

Или часнику зтовкши нашмаровать грѣнку хлѣба и на самій пупъ приложити, неоднимаючи, хоча и прикло будеть;

Такожъ и крейду в молоцѣ или в винѣ пит(ь).

На голову болящую и горячку: Воду кропкову прикладать до пулсовъ;

Или хлѣбъ горячій мякушку вмочити в оцетъ моцній и прикладат(ь) до голови;

Или салати навари(ть), теплою прикладать;

Или рожовои водки [3]), оцту крепкого по чарцѣ, бѣлокъ отъ яйца стовкши в купѣ, въ хусту (s) в оное вмочат(ь) и прикладиват(ь) тепло; ю гори(я)чцѣ то помогаеть;

Или ушуши(ть) грѣнку з хлѣба з оцтом з киѣном полить и тепло до голови привинути,

а бросквинное зерно з пивомъ вистилимъ (s)увертѣти и на чоло приложит(и), боль умирае и сон подаеть;

или женское молоко з оливою змѣшат(и) и з оцтомъ добримъ. на чоло прикладат(и).

На голову бользненую от слнця или от чаду: кровъ пустит(и), но толкож на другій день хороби;

Гречаные крупи сирие, або ячные з бѣлком розтерти, рожовой водки прилить и змишавши на пулси до рукъ и ногъ приkладать отмѣняючи часто.

---

[1]) Album graecum и просто *album*, бѣлый собачій калъ.

[2]) *Slinogorz*, angina.

[3]) *Водка* всякая перегнанная вода, сокъ, отваръ, въ отличіе отъ *горѣлки*, ниже *водки* изъ брун. вм. горѣлка.

На болячкы: болячки твердіе от мила теплого, з медом теплим же ростерши, отмячают. . . . . (?) болящіе ок'ладат(и) цибулею печеною, з масломъ свѣжимъ несолонимъ тепло змѣшавшы.

R. Ежели кого врачъ (s. *в*, а не *с*) *нападетъ:* цвѣтъ липовій або. . . . на порох стовкши, въ криничной водѣ, пити;

подушку з рути здѣлат(и) ярой и на ней всегда спати и оною куритись рано и вечер;

сокомъ так'же з рути в носѣ шмаровать;

горчичное насѣня з сокомъ угорковимъ пити;

олѣйку цегляного [1]) в носъ впускать и голову мазать, от чего память прирастает;

или ментугу—рибу варит(и) в горшку новом поливяном, щобъ кости отпали, которіе кости спалит на порох и в чомъ колвекъ пити перед нападениемъ.

На камень: порохъ, бобу на порох спалит(ь) и пить;

или кров лисичую з виномъ пить;

или клей от дерева вишневого исти;

или прошокъ з бруштину и з ракових рожновокъ (s) пит(и);

постернакъ уживати часто;

часнокъ з горѣлкою пит(и);

кров козловую порох з виномъ;

непришки (?) з масломъ свѣжимъ варит(и), на ноч и на—дще исти;

ванну зогрѣвши и вложивши свинячую вошъ, купатись;

сокъ лимоновій з олѣйком мидалевим змѣшат(ь) и пит(и);

сокъ з редки витиснут(и) и з медом змѣшат(и) и пит(и);

или пит(и) пулверумъ дидретикумъ.

На кашель збитний сухий: Кору з дерева грушового стовк'ти и пит(и) з вином на ночъ;

или сѣрки стовк'ши, яйце вареное мякко уложивши а бузини придавши, змишать и пить надще и на ночъ в чомъ колвекъ,

---

[1]) Флоринскій, Р. простонар. травн. и лѣч. 142—3.

или часнику стовк'ши з саломъ и яйцемъ сирымъ присмажит(и) на огню и мазать подошви и хребетъ на ночъ;

или рожу смажит(и) з водкою рожовою зогрѣвши, по лозце на ночъ и рано заживать;

или гнусу доброго кварту отмѣрити и влить води полгарца и зсипат(ь) обое в горщикъ и затушковат(ь) добре, на жару варит(ь) поки упрѣе до половини, потомъ висипавш и процѣдити чисто, до него же приложити фунтъ сахару лодяного, знову смажит(и), которое заживат(и) на день и на ноч разъ;

також цибулѣ великой спекти, дробно покришивши, цукру ложку, оливи пол ложки придать и присмажит(ь) и исти теплое или по...умъ (?) заживать.

Паки от кашлю: Печеніе яблока с сахаромъ утоляют(ь) кашель и очищають грудь;

албо нѣсколко смок'вей положит(ь) в к'репкое судно и до них насипати сахару и, дополня крепкою водкою [1]) жажечь, и до тѣх местъ горѣла бъ, пока самая стухнет(ь), и того оставшогось соку рано и в вечер по ложки принимат(ь);

или илляное масло употреблять.

О болячках в роту и опуху во горли. Вареной з шовковичних ягод сокъ оние болѣзни лѣчить.

На колку: Зубъ вепровій великій на порох стерши пить в винѣ или в пивѣ;

албо щоку щучую или язикъ гусиний стерти, пить.

О грудной болъзни и одишки: Взят(ь) нѣсколко смок'вей и в анисной албо в простой чистой водѣ настоят(ь) и по вся ранки по двѣ смоквѣ исти.

От болячокъ и пухлинъ: Взять сирую, или испек'ти смокву и столко жъ до нея приложит(и) печеноѣ цибулѣ и оное столочь, прикладати на болячки, пухлину и всякие вреди.

На ковтуны: Видровіе (?) внутренности зсушит(и), на порох стерти, в пивѣ пит(и);

---

[1]) т. е. горѣлкою.

или достат(и) озика (=ожика) живого, зваривши его зисти;

или спалит(и) в вершку (?[1]) цѣлкомъ на попелъ, уробити лугъ з оного попелу, которимъ всегда миется (митися?);

или саломъ ботилковимъ (?)—птици голову шмарокать;

или ожиковимъ такожъ;

или заживати тхори, яко ся...

На кровъ з носа текущую: Взять от точила от коваля гущи з коритця з горсть, змѣшат(ь) з оцтомъ, випить и на зад шіи посипат(ь), или до оной приложит(ь);

да в ноздри соку цибулного впустит(ь) и тимъ кровъ перестане.

На крижъ болящій: Рожовою водкою шмаруй.

На судурги: В рѣчной водѣ варить нагашенную вапну, потомъ соли всипать и оливи, змѣшавши мазать судоргу;

Слиною на-дще или лосиннимъ конитомъ тое мѣ(ст)це натирать.

Отъ квартания фебри: Взять рослого павука, вложить его в школерущу (?) орѣха волоского, залѣпит(ь) добре воскомъ и в немъ провертѣвши дѣрку, шнуркомъ проволок ши на шіи то носит(и) над самим жолудкомъ;

или полинь з соллю вкупѣ ввертѣти в що и з онихъ сокъ витиснувши напитися пред трасениемъ хороби.

На лишаи и подлите[2]): тѣло натѣрать олѣйкомъ наперовимъ (напѣр в трубку згорнувши, налити на ложцѣ цѣнованой, олѣекъ буде).

На ломане в составахъ: Рахитис от всяких хороб волним чинит(ь).

На обложенную хоробу: (и в моровомъ повѣтрѣ сие жъ потребно):

достат(ь) голуба живого и под криломъ правим кровъ випустит(ь) и оною всѣмъ в дому мазатся и пить по мѣрѣ с пивомъ албо з вином. Найпервому в той хоробѣ дать зернятъ бузинових,=стовчених в тепломъ пивѣ, ложку или пол ложки випит(ь);

---

[1]) въ горшку?

[2]) *Підлиття* (як кого підлито). Ср. Чубин. I, 137.

или цеглу новую роспалити, якъ огонь, опгомъ моцнимъ полить, даби пара по хатѣ розійшлась;

или давать всѣмъ пить прошокъ сердечній бѣлій албо червоній.

На золотникъ: Боброви струй в чемъ колвекъ пит(ь);

Чортово лайно нюхать.

На мелянхолію. З людьми веселими перестават(ь) или прохлаживатис(ь) (s) по зелених мѣстцахъ;

горѣлку перепаляную з половой (s.) рути прошкомъ пити;

алкермес, хина хине заживат(и)

Мишы и щури чимъ вигоняют(ь) Взять проху з пилования желѣза у слюсара, з кислим тѣстом то умѣшат(и) и в дѣрки мишачие понакладат(и).

На боле.. (от) разних причин в ногахъ. Горѣлки моцной з соллю змѣшавши, хусту умочит(и) и на самое привязать болящее мѣстце;

или водкою дивиновою тепло обвинут(и);

или пиво с масломъ согрѣвши, купат(и) ноги;

или рожовою водкою натирать; а на пухлину в ногахъ слимаки товкти з шкоролюпами и окладат(и).

Когда кому пухнуть ноги и струпьют(ь): Мезкою липовою или листом окладат(и);

или оние в водѣ варит(и) иполоскати тепло и окладат(и).

От перечосу: достати от пчолъ молодих з улля шуму бѣлого ярчаго (s.), розмягчити оній, чисто на плястер намазавши, прикладат(и), щоденно перемѣняючи.

На очи хто хоруе: Очи чирвоніе и болящие хто имѣетъ, а при томъ и на голову болѣетъ, когда утробная недуга на тот часъ припадеть, оздоровѣеть на очи;

руту ярую з бобками, в усътах держачи, гризти и якъ найчастѣй хухать на очи; отпужееть (?) тимъ билмо;

или водкою з сенчкового зѣлля очи промивать з виномъ венгерскимъ;

или яйце убивши, пачесы умочивши в оное, на потилицю прикладат(и);

или руту свѣжую в меду варит(и) и тимъ коло вѣкъ мазати.

Такожъ, хто би билъ звгляду (s.) слабого, под-час дня теплого лѣтного нехай бо(со)ю ногою часто зраня по росѣ ходить; знову ж аби всегда в чоботѣ сухо било и ноги сухіе; руки на ночъ и на день мить;

хлѣба пшеничного середину намочит(ь) в рожовой водцѣ чрезъ ночъ, перецѣдивши чрезъ чистую фусту, очи промивать

На перемерзліи животъ: Рути натовк'ши, ок'ладати;

или сокомъ яблек;

или воску, оливи, сала роспустивши вкупѣ, присмажить и прикладат(ь) на животъ.

На припадане тѣла: шмаровать олѣемъ иллянимъ или олѣйкомъ з жолткомъ.

На воспу: шафраномъ в молоцѣ моченом (s) да коло очей обвертѣт(ь); в хатѣ теплой бити всегда; грубихъ потравъ незаживать; пулверем пан'нонѣкумъ употреблять.

На паральжъ: оцту доброго кислого змѣшавши з соллю по половинѣ, якъ устоится соль, изливши оцтъ, пить;

или горѣлки леванц(д?)овои, левлѣевой, шпиginаревой и галгановой по равной части змѣшавши, пить потроха и члонки заражение мазать;

горѣлкою горчичною такъ же,

или прошокъ шевлѣевой з пивомъ пить;

или ак'вамъ паралѣтикамъ заживать.

На блохи: Полин з кмѣномъ уваривши, з жолчу якою колвекъ змѣшать и тимъ хату часто кропит(ь);

или чорнушку вимочивши, лужко покропит(ь) и хату;

или вапну негашенн(у)ю потовк'ши, посипат(ь) землю.

На огонь пекелній, то е(сть) канцеръ: Капусти кислой, борщу сирового или тѣста кислого бѣлкомъ самимъ, з яецъ випустивши, розбить вкупѣ, галуну мало придавши на пачасы (s) намазат(ь) и прик'ладать на мѣстце хорое;

или сметани з бѣлком розбивши либо жолтку, з соллю змѣшавши добре, прикладать;

шкурку бузиновую промиваючи прик'ладат(ь).

На перси болячие: Пива з прошкомъ фиялковимъ кореня зогрѣвши, шафрану з цукромъ рано заживат(ь);

або прик'ладать смиляструмъ..... (?);

или (унг)вентум (s.) пек'торале.

Живо щобъ некисло било: нехай неперебераетъ и добре уваруетъ и положитъ в него кариофиматемъ (? caryophyllatum?).

На блощицъ: Полинь или полиновимъ олѣйкомъ натират(ь) лужко;

или пявокъ висушити и стерши курити ложко ними и хату; такожъ взявши жолчи, оцту, полиню, сѣрки, живого срѣбла з саломъ кабанячимъ разстерши (s.) змѣшат и щилини натирать.

На подагру и *гиргру:* урину пить;

попелу насипать и на ногахъ носити;

взять масла свѣжого, горѣлки доброй, оливи, цукру, всего мѣрою, присмаживши на огню, тепло прик'ладать на день сколко разей;

или дубовую на ночъ то(ж?) водку а курачого зелия в оцту намочивши, прикладат(ь);

или сокъ с шевлѣи в чаю и в чомъ теплимъ почасту, а паче по утрамъ пить;

или пшеничние отруби с ук'сусомъ смѣшавъ, прик'ладат(ь) к'ногамъ;

албо свѣжею пшеницею до коленъ ноги всипат(ь).

Даби спотълъ: Нехай, на постелѣ лежачи в хатѣ, душно добре ук'рится, а фляшу цѣнованую, горячою водою наливши, в ноги ставить до подошовъ, а двѣ по бокамъ;

или зогрѣти каменє, обязавши хустою, такожде.

На повѣтре моровое: На каждій день хату курить сѣркою, також постелю, кошулѣ, одежду рано и на ночъ; всякие напитки тим же курить и сосуди, в оние напитки вливаючи;

такожъ сѣрку товкти з мукою и з виномъ моцним змѣшавши, кмароват(ь) недужихъ;

или сѣрчанимъ прошкомъ в нихъ (s.) посипать;

или сѣрку утерши, з водою розпустивши, оних обмиват(ь), а потомъ, усушивши зернят бузинових 24, им беру з виномъ ростерши и въсоливши, оное пить.

О чиряхъ и повреждения: Пшеничная мука с медомъ умягчает(ь) вреди и прориваеть чиря.

На бол(ь)ние моровое (s.): Листя копитнику прик ладат(ь) на долонѣ в руках, на ступнѣ у ногахъ и на очах, а приложивши в годину толко на-дще отнят(ь) и в землю для смраду закопат(ь).

Когда укусить пчола, оса или шершень и про": натерти зараз мухою, поймавши, мѣстце укушеное, или олѣйкомъ св(я)тоянским.

На пухлину: шевлѣи горсть, полиню горсть зварит(ь) в полгарцу вина, ажъ поки до половини википит(ь) и пить рано и на ночь;

риби неисти и напитковъ якихъ колвекъ пить якъ наимнѣй;

или матор дук шу (матери душку?) зѣлля варити и пити;

или сокъ з зѣлля три булке (tribulus?) пить;

руту з оливою и сол лю утерти, тим натират(ь) пухлину;

суменокъ (?) зо всѣмъ коренемъ в винѣ мочит(ь) и пить;

или майран заживат(ь) прошок, пулgансу (пургансу?).

Ежели хто ораненій: человѣкъ имѣючи рану в головѣ, ежели неможеть дивится на свѣтло или на свѣчку запаленную, умреть.

Собачую голову спаливши, попеломъ оной всякие рани людямъ и бидлу засипат(ь) рано, а на ночъ чистою водою перемиват(ь); поки загоится;

или корень з кропиви з солю зстерши, на рани прикладать.

На робаки в пашнѣ: Часнокъ в росолѣ зваривши, засѣки или судна кропить

и мишей мочить такожъ, чтобъ нешкодили в стодолах;

когда женцѣ в поле идуть жать, дай кождому по шматку ситой полтини или старой солонини, даби серпи шмаровали.

На рожу: Свѣжій папер лазуровій от цукру натерти густо крейдою и прик ладати на мѣстце жол челивое;

или шафранъ терти розмочит(ь) в водѣ и тимъ хусти добре помочит(ь), которие потим хороше вису(ши)вши, на мѣстце болячое прикладат(ь) що раза отминяючи.

На руптуру: Воскъ, живицю роспустивши на огню и присипавши до того ведлугъ потреби прошку живокосту, курячого зѣлля, змѣшат(ь) на масть, которою шмаровать тое мѣстце, з которого починается руптура.

На ръзачку, или когда урина запрется: Сокъ з бузинових ягод змѣшавши з виномъ, пить;

или хебтовое однолѣтка молодого листніе [1]), зтовчен'ное з бѣлим вином; заживать олѣкъ святоянский.

Ежли кто неможетъ спать: шмаровати чоло и виски молокомъ женским;жовткомъ свѣжого яйца; тлустию чорной, от вертака млинового албо колеса взявши; олѣйкомъ маковимъ или мушкатовимъ, и купатся в теплой водѣ з маковками чрезъ колко вечоровъ по пол години;

или заживат(ь) реквіемъ...

От боленя сердца: руту ярую в руках стерши, вином старим вен(герскимъ) покропит(ь) и на сердце приложит(ь);

або вино доброе старое зогрѣвши и хусту вмочивши, к сердцу привязуват(ь);

или рано и вечеръ з гвоздика (s.) и яйца курячие свѣжие з имберомъ исти;

или шкарлатомъ натерши хусту, или теплимъ виномъ или алкермесомъ или дрияквою [2]), или водкою сердечною, и до сердца привязать, або ворокъ червоних золотих.

На слезіону: Боль окладать теплими хустами;

или воду з овсомъ и всякими землями змѣшавши и зогрѣвши тое, купатись добрую годину;

або полинъ, ячную муку, насѣня иллянее варивши з оцтомъ, тепло до боку прикладат(ь);

---

[1]) n. *cheba*., sambucus ebulus.

[2]) n. *dryiakiew*, theriaca, знаменитое до XVIII в. замѣчат. сложное лѣкарство, приготовлявшееся преимущ. въ Венеціи. Ср. Флоринск. 1. с. 223.

Ма.... (? маслянку) свѣжую пить и прикладать емпляструм сп(л)енетикум.

На струпе или шолудь: Сляжъ-зѣлля [1]) вареное пить или оним окладат(ь) на день по два рази,

да и к'томуж конопляного насѣня свѣжого сколко пригорсть з горѣлкою доброю змѣшавши добре, в горщикъ новій висипать, а другій горщикъ, такъ же новій, поставивши на огнѣ порожній, накрити пок'ришкою з дѣркою на версѣ пок'ришки, которій горщикъ з материею наложить на той горщикъ, которій с пок'ришкою, и все обмазать кругом або... глиною или тѣстомъ, и такъ ок'ладать или жаромъ осинать, даби з верхняго в сподній олѣекъ вийшолъ, которим олѣйкомъ струпе мазать; и скотомъ слежъ росчесавши наперед мазат(ь).

На сухоти: Зѣлле подбѣлъ и(ли?) фарфиру-зѣлля [2]) по мѣри змѣшавши, з солониною и яйцами усмажит(ь), якъ яечню и исти оное чрезъ 9 день надще, храняся потравъ грубихъ и гарячихъ трунковъ;

такожъ пропокъ вперинусъ (viperinus?) помагаетъ;

или ноги бараніи свежіи или шкуру барана нехолощаного попорубавши дробно, варит(ь) и купатис(ь) в томъ годину или полтори, а вийшовши з ван'ни ничимъ невтиратися, але, увинувши(сь) скатертею, заснути;

такожъ козиное молоко пит(и) з цук'ромъ рано и вечер;

или оливи полкварти мѣшат(ь) поки збѣлѣетъ и тою мастю шмаровать хребетъ и иние члонки рано и на ночь.

На свербъ: Корости или лишай лѣчи(ть) ванна (v. ван'на?) водяная з дубовимъ листьіемъ;

такожъ лугъ з ванною учиненій, конская пѣна, насѣння лляное з прѣсним медомъ змѣшанное, сѣрка или уневентум (s.) делѣта...

От шаленства: Голову оголивши, окладать хрѣном на хусцѣ розтертой;

або курку живо разрѣзаную на половину, тепло прикладать;

---

[1]) n. *ślaz*—malva.

[2]) *Пидбилъ*, fussilago farfara.

або хлѣбъ теплій, свѣжо упеченій, з масломъ, рутою и кмѣномъ змѣшаній;

такожъ макъ бѣлій змѣша(й) з виномъ, водкою рожовою и оцтомъ и межи двома хустами до голови прикладай.

От икавки: знжъ грѣнку имберомъ посипаную.

Оттрута щурей и мишей: Взять ван'ни негашенной з горсть, мѣлко утерти, муки горсть змѣшавши вкупу, осолодит(ь) зверху цукромъ, и поставить при томъ мису води.

На утружденіе: непить нилкого трунку моцного запалюющого и з свек'ли сокъ з селѣтрою змѣшавши, охолодивши, тим ся шмароватись.

Когда угри на лицу есть: Бобъ бѣлій мочить в оцтѣ моцномъ, а коли вимок'неть, облупит(ь) и добре висушивши, на муку стовк'ти, потомъ з водою рѣчною розмѣшавши, на ночъ умиватись.

На трутизну: Молока козиного, скоро только почуеть трутизну, свѣжого випить по зможности, а в недостатку оного, зажива(ь) и коровячого.

Когда укусить що ядовитое: Вк'ругъ той рани пущадломъ натявши, рожок поставит(ь), даби ядъ витягъ;

или тожъ самое, что вкусить, поймавши, ростерти, приложит(ь).

Когда паукъ укусить или опаскудит(ь), найскорѣй взят(ь) цибулѣ или часнику, ростерши, и приложит(ь) на тое мѣсце; велми (?) же вкушеніе ядовитое шмарова(ь) недвиядковим олѣйком.

У кого з губи смердить: Розмаринъ варить з виномъ, до того цѣнамону, губу полоскат(ь) или пить на-дще, и гвоздики исти.

Коли кто струсится или ворветься или упадетъ с чего: Якъ найскорѣй вимочитися и кров пустит(и);

вина или оцту, а в недостатку води з яйцем змѣшавши напитис(ь);

раковою мастю [1]) мазатис(ь),

или сало конское з каменемъ утертым червонимъ рано и на ночъ пить;

---

[1]) Флорин. 1. с. 223.

или з росъходнику уробит(и) ма(сть) и мазатис(ь) где болит(ь);

или горѣлки сколко ложокъ, оцту ложку, меду прѣсного ложку, яйце свѣжое сирес, соли шмат убити добре оное и дати на дще алъ бо на ночъ випить, и укритис(ь) щобъ испотѣл.

(На уста пощепаніе) [1]).

На ръзачку или бѣгунку: Маслянку свѣжую пит(ь) или прикладат(ь).

Коли кто назбит врацает: з яйца свѣжого бѣлокъ випустит(ь), а на тое мѣсце влить горѣлки, уварит(ь) оное, зисти или заживат(ь).

На затвердѣніе жолудка: Кто терпить велми вол... (?) и затвердѣніе жолудка, пиво пит(ь) теплое з олѣйком мигдалевим:

яйца в смятку варенїе исти;

розинки малїе исти;

маслянку пит(и)

намочит(ь) в винѣ или в горѣлцѣ през цѣлій мцъ срѣбла живого, потомъ сколко ложокъ зливши (v. змивши) з оного щолоку для пургансу заживат(ь) подлугъ мѣри;

или воловою жолъчею доколо пупа шмароват(ь);

по землѣ велготной босими ногами ходит(ь), а потом в теплой водѣ перемивать.

На зубовъ болен'не: Корень з кропиви мочит(ь) чрезъ двинадцять день в горѣлцѣ и в пивѣ, на слонцѣ сушит(ь), прикладать на зубъ болящій;

или ладанъ з часникомъ стовк'ши прик'ладат(ь);

или оцту згрѣвши, взят(ь) в уста тепло и держать якъ наиболше, такъ чинячи по три рази;

или молоко свѣжое, мало пригрѣтое, з мякушкою пшеничного хлеба в устах держат(ь) якъ найболше;

или селѣтру перполерован'ную змѣшавши з криничною водою, тепло тимъ зуби полоскать, поки перестанеть болѣти;

имбѣръ, полний кмѣнъ, сол(ь) по части стовк'ши мяко в оцтѣ приваривши, прикладат(ь);

[1]) Зачеркнуто.

такожъ варен*о*й з шовковичних ягодъ сокъ употреблят(ь);

к тому жъ половину сирой или печеной смок'ви на болное место положит(ь);

албо жадного ран'ка зуби натират(ь) шевлѣею и оной сокъ въ чаю албо в другом трунку (пить);

албо з бумаги клопчатой здѣлать маленкой якой (s.) в табачном соку намоча, на зубъ болній положить.

На згагу: Мушкатовую галку ск'ришивши и соллю потрусивши, и гризти;

или квасное яблоко зисти;

или к'рейди настругавши суптелно, з вином опгомъ роспустивши, якъ тѣсто учинит(ь) и мерою заживат(ь) того тѣста якъ зерно бобовое или гороховое;

или заживат(ь) конфекту пѣвонѣевою.

На животъ болящій: мяту и руту равную часть пригрѣвши, витиснути сокъ, тепло в трунку пит(ь);

или горѣлки ганусковой пол чарки доброй, присипавши печени (s.) и трома палцами вколотивши, випить;

или и(з) дрияквою горѣлки згрѣвши, якъ пластиръ на животъ прик'ладать, а потомъ теплою серветою ок'ладать;

или аркушъ паперу, умочивши в горѣлку з товченимъ перцемъ, на живот прик'ладать;

или имберу, хїй... (?) полинкового вина, дрияк'ви, олѣйку кмѣнкового в цукрѣ або в водѣ заживат(ь);

волового и коровячого калу з опгомъ змѣшавши, процедить и випить;

или дрияк'ви римской зисти.

На жолтую хоробу: Лина живого росплатавши, под подошви привязать;

сокъ с цибулѣ печен'ной витиснути, з шафраномъ пить;

з судна золотого албо позлацаного напитокъ заживать;

вялую кропиву, нагодки, календулю уваривши з масломъ (?) часто уживать и дрияквy пить.

Паки от каменной болѣзни: По вся утра по три смок'ви, перцемъ посипавши исти, такожъ и жженою соллю. Хто потолкожъ смоквей по вся утра употребляетъ, тотъ худого воздуха и каменной болѣзни небоится, то к'то после того два или три ножевих вострей той же зженой соли особливо с есть.

О скоромъ рожденіи младенца. В родинахъ женамъ печоние смокви исти, и чтобъ в той избѣ, где таковіе жени суть, яблокъ ни под каким видомъ небило, того прилежно смотреть, яко яблочной духъ родѣлницам такъ тяжолъ, что она чрез то не скоро свободится.

От водяной болѣзни: Петрушку часто употреблять албо по груди свѣжою пшеницею осипатся, или по нѣсколко часовъ стоять или сидѣть.

О кровавомъ поносѣ. В молоцѣ намочить ижъ, потом роспалить камень оноку и в томъ молоцѣ охолодить, и тотъ камень мѣлко настругать и з водкою пить.

На болячку. Цибулѣ, оливи, муки пшеничной, меду прѣсного, смок'вину великую, соли, тое все стовкти и намазать плястру и прикладать к болячки.

Масть на рани ножние. Взять пива доброго, козиной кровѣ по лозцѣ, олѣи илляной такоже, воску бѣлого з улля нечищенного, то есть вощинъ бѣлих, оливи, живицѣ, блейвасу, каждого по ложцѣ, до того яйце куряче з жолткомъ убить, измѣшать в купу, а змѣшавши на волном жару присмажить в ринцѣ, от чего масть станеть, которую прохолодивши, на плястеръ накладать и привязовать к ранамъ на ночъ и надень свѣжою. К тому жъ нешить горѣлки, меду, вина много, по мѣрою пиво бѣло(е) и вистоялое; по холоду неходить и ногами непрацовать.

Бидлячое лькарство. Коли бидло кровю мочить, свин'цю нового (?) наскромадить немало и, на конець ножа взявши, в хлѣби давать до трох день, албо грѣн'ку спек'ти и дати с воском исти, а потому мочу человѣчого (?) дати напится.

Якъ вбодмется скотина, оцту с перцемъ и з имбером ис соллю по части змѣшавши, влити в горло;

такожъ часнику накришити или зтовкти з оцтомъ и мукою дать випить.

На лишаи бидлячи. Сала ростопить з горѣлкою змѣшавши помазовать.

На ноги коли бидло впадетъ: часнокъ з собачим калом змѣшавши, обвертовать ноги; албо горчицѣ бѣлой, часнику, бидлячого калу змѣшавши до купи, стовкти и з оцтом розвѣвши бидляти влить в горло;

також росол з мяса вепрового то есть (?) . . . . . бидлячим давать.

Овци даби нездихали. Вапни часть а двѣ части соли змѣшавши дати на тарчицяхъ исти;

или баранній жолудокъ в винѣ зварить и примешавши води теплои давать пить;

или з вапни негашенной зробить лугъ и в ономъ жито ярчое (s)вваривши, з соллю давать исти;

или сѣмяное (?) корѣння уваривши з соллю давать на-дще.

Разнимъ скотамъ лькарства. Конь доброй такъ познается: малій в собѣ есть головою; уши коротъкие, которие стоят просто; кругліе и веселіе очи, ротъ размѣрной, ноздеръ широких и просторихъ, такой же и морди, язикъ неочень товстъ и тонокъ, шіи винесенной и крутой, гриви густой, персей и крижа широкого; стан плотной и поджаристой; ногъ сухихъ, чистих и пространих; копиты малие, круглие; жилу маеть у заднѣх ногах тонкую; доставать до ушей недается; хвостъ крутой, широкая и короткая рѣпица; между остатнимъ ребромъ от останого (s.) ребра невеликое мѣсце до костей крижових. Пробують старого и молодого такъ: ущипнуть на щоцѣ; когда вскорѣ шкура тая розійдется, то молодій, а слы нескоро, то старій.

Волъ доброй познается такъ: Долгого стану, вигнутой спини, полних пахов, широкихъ грудей, широкого крижа, долгой шіи, болшого подбородка, веселого взору, на ушах и на лбу много волосовъ, короткихъ и толстихъ ногъ.

Баранъ добрій такъ познается. Долгого и високого стану, толстого хвоста, широкого лоба, болшихъ глазовъ, мягкой и короткой шерсти, долгихъ ушъ, просторной грудѣ, витихъ рогъ и поджаристого бруха.

NB. *Когда задавится коневъ бѣлмо.* взять соли о...ватой (?) и гусиныхъ яецъ шкоролупинъ, висушивши стовкти добре змѣшавши до купи, засипать;

или перепеличимъ жиромъ око шмаровать.

Когда конь на оку лѣ(вомъ), имѣет дефектъ, въсипать соли в правое ухо, до трохъ день завязать; или когда в правомъ, в лѣвое всипать, такожде до трохъ дней.

Когда черви в рань якого коня. Оцту з соллю змѣшавши, поваливши коня, черви вибрать и тимъ засипать;

или дегтомъ теплимъ заливать;

или аргестемъ [1]) зѣллямъ звареним вимивать.

На дихавицу коневъ. Мясо вовчее змѣшавши з овсом, давать;

или муравe в моцномъ оцту варить, перецѣдивши, коневѣ влити в горло кварть 3, потомъ недай оному пить целій день и сѣна на ночъ.

На камень конскій. Рогъ еленя зпалить и зтерши оній в пивѣ давать пить, или влить ложку добрую.

На кашель конскій. Редки в овесъ накришивши дробно, давать исти; води зимной недавать криничной или болотяной, но воду рѣчную, всипавши мало муки пшеничной албо ячной, селѣтри трохи до тогожъ пристроживши (s.) давать пить.

Копито конское даби отростало. Руту варить з вепровимъ саломъ и чоботъ коневѣ здѣлавши и матеріи в оній наливши, обути коня, даби стоялъ недель двѣ, перемѣняючи оную материю, и чтоби всегда тепла била;

или свежихъ натовкти раковъ змѣшат з илляним насѣнем и с прѣсним медомъ так же в чобот оную материю наклавши, обути коня.

Конь даби мѣлъ до подкованя и ходу доброє копито,

[1]) Польск. *rdest*, polygonum persicaria.

гною волового самого з оцтомъ росправивши, тепло на ночъ прикладать що години.

Когда конь посатій: курячое зѣлле з коренем и з листом и бѣлой (?) бузини вкупѣ изварити, а уваривши добре, когда пристигнеть, дати пити коневѣ, а зѣле тожъ покришивши, давати в оброку цѣлій тиждень;

или чемерицу чорную чрезъ ночъ мочить во горолцѣ (s.) и тамъ наприскиват коневѣ ноздри.

На охватъ води коневи. Ростопити цыбул сколко и присипат оцту, добре росколотивши влит в горло, даби проковтнул усе, потомъ в поле проводит годинъ 6, недаючи исти.

На охватъ з вѣтру. Мила устругат и дат з чимъ пит; кровѣ оному недават пустит между ушима.

На пархи конские. Дрожчи пивные зогрѣвши, перемиват, а обмивши, коли осхне(ть), сѣрки, галуну, купервасу з старимъ саломъ змѣшавши, рано и на ночъ шмаровать.

На пискудникъ конскій. Хлѣба житного, соли, бавелни, пороху змѣшавши, уробит(ь) з того галку и вложит(ь) в око, а потом порох з солію змѣшавши в подвѣйко всипат(ь).

Когда ноги опухнуть конские. Мякини конопляние и пачеси змѣшат(ь) з пивом а варит(ь) такъ долго, поки загусне; тим пухлину окладать до трохъ дней.

Коня пурговат(ь) такъ есть. Яйце цѣлком в горло коневѣ впустит(ь), потом змѣшати оливи, горѣлки, часнику, соли, товченой горчицѣ и улит(ь) в горло;

или мила табличку з оцтом варивши, тепло влит(ь) в горло.

такожъ козиного молока тепло улить.

На черви конскіе з носа: Шкарупикъ з яець сухих на порох з цѣноброю желѣзною змѣшавши, стерти и перцю з оцтом и горѣлкою тепло примѣшавши вливать оному.

Садно конское свѣжое, посипат(ь) порохом курячого зѣлля, шо разу оцтом перемиваючи.

На огонь в садно — достат(ь) макуху лляную, з бѣлком яечним и оцтом збить добре и умѣшат(ь), прикладать привинувши од годины до години.

Конь змордований когда неисть, натерти оному зуби, язикъ и губи соллю, и теплимъ пивом вишмаровати, потомъ дать оному сѣна и оброку свѣжого.

Селезому такъ лѣчить коневъ: Взяти посторонкомъ под пуздро и ис(?) тяхти какъ найлутше. Килка разей. Такъ учинит(ь), потом оного проезди(ть).

На сухоти конские. Овесъ, ячмень вису(ши)вши добре, випалавши его добре и бобъ товченій змѣшат(ь), по горсти в оброку дават(ь).

На тилчакъ конскій. Желѣзомъ запаленим обчертит(ь) тое мѣсце, а потомъ самое палить.

От коросты конской: Чмиромъ [1]) горѣлчанim вимиват(ь), а змивши, свѣжимъ маслом албо сметаною шмаровать;

пургаи'съ дать; кров в таком разѣ ненадобно пускат(ь).

От гадини, когда коня вкусить или от чего ободмется:

Перцю зернят 30 стовкти, з вином старим змѣшавши, влить коневѣ до горла;

албо ластовокъ молодих з гнѣзда взявши пороздират(ь) оние, приложить до мѣсця вкушенного;

или взяти землѣ от мурашокъ и замѣшавши в водѣ, дать коневѣ пити;

так же учинивши з гною (?) землѣ мѣсто помазоват(ь) пухлину.

На волос собачій в коня. З оселедца молоко в пивѣ добре переполоскат(ь), да небудет(ь) солоно, стерти на маст(ь) и тия мѣсця, идѣ же сут власи собачіе, намазиват(ь);

такожъ хлѣбъ упеченій з ячной муки и з гарячою мякушкою, волоси тіе натират(ь) и обложит(ь), от чего когда пропадуть, мѣсце тое шмароват(ь) оливою;

---

[1]) Мр. *чмирь* (нѣм. Schmiere), густой послѣдъ, между прочимъ табачный сокъ въ чубукѣ и трубкѣ.

тако жъ гной свѣжой члвѣчий размазати на хусту и на тое мѣсце привинуть от години до години.

На затрамане (s.) *мочи конской*: До кошари оного запровадить и там подержат(ь) з годину, и такожъ взять товченого имберу и бобков, змѣшати з пивомъ, а добре уваривши, дати випить.

На тоежъ: Зогрѣти води и дать оному якъ найскорѣй напитися;

такожъ гной человѣчій свѣжій з пивом или з вином змѣшавши, дати выпити.

На вивихнение ноги конской: Пиво з медомъ зогрѣвши, или з оцтомъ, парит(ь).

От заиздения конского: Сосенковимъ олѣйкомъ горлчимъ напустит(ь) рану терпентиновимъ, зверху заскварити козловимъ лосмъ албо масломъ несолоним.

От запаленія з бѣгу коневъ: селѣтру з водкою розмочить и напоить оного повагомъ, перериваючи; пиво такожъ холодить, соли (коли?) имъ напоить.

От ювътру конского: Медвежее мясо порубавши дробно, в оброцѣ дават(ь);

или назбѣрат(ь) кори ясиновой, которую намочивши водою рѣчною, в коритѣ, з оного уставичне нахай (s) пют(ь) конѣ и всякая товарина.

На задратованіе конское: Копито перемит(ь) отцом теплимъ, потом засипат(ь) gришпаномъ, а салом перетоплюваним намазиват(ь) часто и сциклинами свѣжими заливать.

На залози конские: Взят(ь) сала старого на чотирѣ пальцѣ величиною, росходнику стовкши оній вкупѣ усмажити з макухи (?) сукон(к)ой ростерши, якъ най теплѣй прикладать на залози чрезъ колко день, поки помягчиют, а якъ помягчиют, натовкти з старимъ саломъ часнику, пущадломъ насѣкти залози, тепло прикладать поти, поки витечет тот гной; потом же gозири жита ярого варити и охолодити в головки (?) и на самой землѣ давать коневѣ в тих же ночвахъ пити; такожъ розбить чотири бѣлки от яець, всипать до того товчени(я?) надила (?), змѣшавши влить в горло.

На овечое бидло и конское: каменемъ синѣмъ око натирать незотикаючи ве... самій или инберъ з солю змѣшат и тимъ засипать.

Лѣкарство свинямъ: В коритахъ, в которихъ ядять и піють, да будеть всегда лѣсяя або псяя голова, заржавое желѣзо, или перо гусячое спалить...

(продолженія недостаетъ).

(Тѣмъ же почеркомъ, на обложкѣ той же тетради):

Зелие от зубов у лѣсѣ рѣзати, его корѣня чорное.

Бедринецъ кров чистить. Деревѣй от ут роби его кореня.

Жовчъ товаряча потрѣбна, когда запоръ, то намазать платочокъ и приложить до пупа.

№ II.

Лѣкарства зраку темному и затмѣлому. Взяти пригорщъ пшеници, товкти в мужчиру, и галки в тоиъ же мущиру мосяжному, луку бѣлого, вына доброго, и дать тому, накрывши, немалій часъ вымокнуть; потомъ, чрезъ чистую хустку процѣдивши, по двѣ краплѣ каждаго дня въ очи пускать.

Помогает же коростѣ и вреди внутренные лѣчить рута. Заживаютъ ея в потравы и въ напою сухой, зеленои. Можеть иты (?) взрокъ улѣчуетъ, истерши мягко съ віномъ пыты, помагаетъ.

Рутяній сокъ с бѣлимъ медомъ, придавши болшіе соку з кропу волоского, а найпаче молоко женское, дитя годуючое хлопця, въ очи пускати зракъ чинить ясній.

Отъ курячои слѣпоты: Вареной руты въ водѣ впаръ добре, въ очи пущай.

Руту въ устахъ жовать [1]) часто, тимъ очи помазовати.

Руту свѣжо зелену съ ячною мукою утерши мягко, на очи пластиромъ прикладати.

Цибуля печена сь ячною мукою; прикладати на чоло на слабие очи.

---

[1]) Отсюда—другой, болѣе ранній почеркъ.

Взявши дриакви венецкой зъ орѣхъ лѣсковій, вложить до кварти вина и тимъ очи промивати.

Естли уха болять: Хлѣбъ житній, свѣжо печеній, на двое розрѣзавши, тепло прикладать до ушей; усмиряетъ боль.

Когда что въ ухо впадетъ: Учини чмиханья перцемъ, имберомъ;

или чемерицѣ стерши, и затули ноздри, чмихай, и отъ чмиханья випадетъ;

альбо конецъ шпички зъ дерева лоемъ албо покостомъ намажъ и вложи въ ухо, аби пригнуло (?);

Сухо баньку надъ ухо поставити.

На больные скронѣ, т. е. віска: часнокъ горенiй растерши прикладать.

На больные зубовъ: Глисти земные въ оливѣ варити и в кв'ропивѣ въ ухо пускати.

Чорнушку варити и зуби полоскати. Зогрѣти вина и галки, на зубовѣ держати.

Взяти часнику головку, истопивши, приложiти, гдѣ локоть починается; випустить злую материю.

Вари изопъ зѣлья и полоскать зуби,

Бѣлую горчицю въ оцтѣ варити и держать въ зубахъ.

Лайно оробячое съ оливою стерши, въ очи пущай; гризти будетъ, але поможетъ.

На кашель лькарство: Цибулю смажену съ масломъ исти, сухимъ кашлемъ помагаетъ.

Горчицю бѣлу зелену въ водѣ варить и дѣтямъ малимъ давать от кашлю съ часникомъ уварившi, пити.

Корень фиалковій гризти велми ползуетъ;

Глисти заморивать: Бѣлую лободу, посоливши, съ медомъ пить, хочъ и съ водою.

Смажити руту въ оливѣ и, процѣдивши, пити.

Часникъ въ оцтѣ варити и пити зъ мѣдной судини.

Свѣжую цибулю чрезъ ночъ въ водѣ мочити и тую воду на-тще пити.

Ганусу часто уживати от глистовъ и робацтва.

Буз-дерево въ водѣ варити и пити оную юху.

Горчицю въ горѣлцѣ албо въ оцтѣ пити.

Юзифъ варити въ водѣ альбо в пивѣ пити.

Горохвини въ оцтѣ варить и трохи крейди примѣшать и дать пить.

Отъ бѣгунки: Иллянное насѣнья пити, ганусъ часто зажи-вати, бѣгунку заставляетъ.

Ядерця виноградовихъ ягодъ и родзинковъ великихъ стерши, упекти и давать пить.

Учинити коржъ зъ ячной муки и съ оцтомъ исти.

Бобъ исти.

Василки стерши, пити.

Подорожникъ варити и пити.

Насѣнья бедринцевое тую жъ моцъ маетъ, что и корень съ виномъ всякую бѣгунку усмиряетъ.

Шалвѣю съ полинемъ варить, червону бѣгунку лѣчить.

Бобичное листья уваривши, съ оцтомъ уживати.

Цвѣтъ ожинній на порохъ спалить и пить.

Мочить немогущимъ: Ванну учинити: наварити в водѣ ліону, хотя зеленого, альбо сухого.

В полинѣ пареномъ мится и окладатся.

Прикладати корѣнья фиалковое.

Слюзъ варить и животъ окладать.

Бедринцю взять добрую ложку и висипать в віно и пить тепло.

Болячки въ горлѣ лѣчить: Гнѣздо ластовиное въ оцтѣ растерши, до горла прикладать.

Павиное лайно стерши, у винѣ варить и, присоливши, якъ найтеплѣй дати пити.

Слину плинущу. Цибулю стовкши съ гнѣздомъ ластови-нымъ и с медомъ, учинити плясторъ и зъ верху приложити.

Псее лайно съ медомъ, шафраномъ и с водкою росчинити и пити давати; випадетъ з горла въредъ.

Сокъ журавлинъ кислихъ и листья ихъ исти—добрій способъ

на рани, которие бываютъ въ устахъ альбо далѣй в горлѣ, также на слину и на задавленья, которое бываетъ въ горлѣ.

Матереній (? [1]) теплой лотъ въ оцтѣ випити.

Попелъ з ластовокъ паленихъ з медомъ смѣшавши, и тимъ горло окладать,—вшелякие болячки в горлѣ лѣчить.

Также изопъ въ оцтѣ пареній, гди его заживаетъ, то той, что слинитъ, латво позбудетъ.

Еще жъ чрезъ стебло любистковое трунки уживать, — слину гамуетъ.

Персей тяжкость. Шалвѣю, а увертѣть съ перцемъ, и потомъ варити въ винѣ или въ пивѣ и пити на-тще, и на ночь помазовать перси мигдалевимъ олѣйкомъ, и пить мигдалевій олѣекъ.

Взять сала каплунового и масла молодого, олѣйку мигдалевого заровно, роспустити и помѣшати, и тѣмъ перси мазать.

Часникъ вареній альбо печеній съ цукромъ смѣшавши, камень отгонить и тяжкость персей.

Кашлямъ: уставичне кашляючимъ есть знаменитимъ лѣкарствомъ корень подбѣлу великого и омановаго; по два лоти обоихъ, взявши, проторнику. изопа, лободи по полгарця, лѣкрицѣ якъ полъ лота, ганусу полъ лота, фигъ сухихъ мясистихъ осмъ, то все в ситѣ медовой варити и пити часто на ночъ и рано по кубку.

Клей вишневий розвѣвши, пити.

Сьлюзъ класти в молоко и пити, прудко кашель усмиряетъ.

Варити листя и головки маку зеленаго в водѣ, ажъ до половини варити, потомъ, винявши, стовкти и варити въ мѣди, и поживати.

Подбѣлъ варити и пити; зеление шишки сѣновие (сосновие?) варити и пити съ родзинками, давній кашель отълучаетъ и сухоти.

Бобъ исти—кашель застарѣлій зъ студеной причини лѣчить.

Мяту въ оцтѣ намочену на ночь пити.

Часнику съ саломъ вепровимъ утопити, тимъ подошви на ночь у теплѣ предъ огнемъ часто натирати.

---

[1]) Материнки?

Прошокъ з листя буквичнаго и цвѣтъ зъ кислимъ пити отъ кашлю, альбо съ прѣснимъ медомъ уживати, для зазяблихъ персей.

Отъ кашлю—овсяныхъ круповъ въ водѣ варити, исьполоскавши ськилко разовъ каждого (?), потомъ вь дойницѣ увертѣвши добре, чрезъ сито процѣдити, масла вложити и соли в мѣру, уживати юху. Иншие цукоръ альбо медъ вмѣсто масла кладутъ а тепло пьютъ

Ламанью в члонкахъ альбо составахъ. Полиню чвертку лота по килко дней уживати въ трунку дважди на день.

Натовчи раковъ, а сокъ з нихъ витисни; такожъ утовчи листя дубоваго и тисни (s.) сокъ зъ него; той сокъ змѣшавши, помазуй состави, гдѣ болятъ.

Сухотамъ. Въ сухотахъ часнокъ ужитечній съ половиною бобковою ростерши пити.

Взяти корѣнья бедринцоваго мягко утертаго четире лота, меду изшумованнаго лотовъ 12, смѣшать добре, на-тще уживать того по полъ лота, и водку того корѣнья диктиліованнаго (=дистилёваного) по 6 лотовъ випивати.

Тожъ чинить позинковое (позичковое?) листья изь свеклянами, (?) а потомъ изьсѣкти дробно, якъ капусту, варити съ родзинками дробними и поживать.

Подьбѣлу зеленаго листя стерши, любъ корень на иголку низать и чрезъ легкій димъ пить,—сухимъ кашлямъ и тяжкому дыханию помогаетъ.

Урокамъ: Корень дягловій при себѣ носить, альбо чернобѣль. уроки и чари отгоняетъ.

На рожу: Руту усушивши, курить ноги, и заячій щавей утопивши, прикладать—витягаетъ огонь.

Укушенью пчель: Насѣнья слюзу высокаго, съ оливою смѣшаннаго, приложить на вкушенное мѣсто. Также—и жуковъ вкушенья.

Жолтой немочи: Щавей въ бѣломъ винѣ варить, а то вино пить, лѣчитъ жолту немочъ зъ зѣмной причини.

Сокъ буряковій, альбо само листья з листямъ лободяннимъ варить и оную поливку исть.

Водку, витисненую в (= зъ) редки съ виномъ дати пити.

Шалвѣю варить в винѣ и давать пить.

Бруштинъ зьтопити съ виномъ, пить.

На сверблячку лѣкарство: Горѣлки, пороху, дегтю, масла испустить и пустить на воду воску, и всего того по ровной части положить и усмажити, и тѣмъ мазатись.

На коросту коньску и товарячу: деготь добрій, сѣрка, порохъ, сало и молоко. Что чимъ заправлять: деготь варить, чтобъ закипѣлъ, а сѣрку, стерши, вепцать въ деготь, а сало скваривши и тое въ деготь, и такъ все варить и теплимъ мазать всего.

Масть на сверблячку человѣку: Сребра живаго четверть золотника, мила барскаго два золотника. мишаку три золотника, оливи малую часть и тое все смѣшать и здѣлать з того мило и, спарившись в лазнѣ, тѣмъ митись въ духу, а потомъ, посидѣвши немало в духу, ополоскатись теплою водою и убратись в лазнѣ, и тое чинить до трехъ разъ.

Аппетитъ чинить: Листья полиню свѣжаго наслать под голими подошвами, то до ядзенья взбуждаетъ; и потреба каждаго дня свѣжо поповлять.

Щербцю уживати, шалвѣю съ потравами уживати, альбо потрави нимъ посипати охоту до ядзенья побуждаетъ.

Сечь запертую кто в себѣ имѣетъ и неможетъ удержати: Рутянаго насѣнья припряженнаго взять четверть лота, чрезъ седмъ дней пить.

Кораль червоній на порохъ стерти, съ водкою бабичною на ночъ пить.

Лѣкарство, когда кто сухій бываетъ: Грѣнки поливши виномъ некислимъ, альбо свѣжимъ, зъ житнаго свѣжаго хлѣба даби они били усушени, и посипавши цукромъ исти натще, хотя на ночъ.

Пива съ цукромъ нагрѣвши пить, вельми в нутрѣ отъ того

ситость дѣлается, печунки засхлые уздравляются и кровъ во всемъ тѣлѣ родится.

Постернакъ в козиномъ молоцѣ свѣжомъ затушковавши, смажить, и исти на тще,—полза велика.

У кого сухоти били и есть: Надобно берегтися, чтобъ неисти риби вялой солоной, оселедцовъ, олѣи, оливи старой, всякихъ напитковъ непити, кромѣ пива; сала свиннаго весма берегтись; масло когда случится съ чимъ исти, даби перетопленное било; и кислаго и солонаго весма неисти; сира солонаго и горкаго ничего невживати; яецъ печенихъ, свинини (понеже от свинини—тяжесть персамъ), щуки-риби (бо от нея флягма велика родится, и кашель возбуждаетъ) и от солонини—такожде. И лини сухотамъ неочень в ползу: хотяй би его и неисти. Окуня, карася, плотицю, леща, судака свѣжаго, осетра—хорошо исти: сіи риби найздоровѣйшие всякому человѣку, нетолко имущему сухоти.

У кого вгри на лицѣ: Чешночной попель зженой смѣшать съ медомъ прѣснимъ, и будетъ аки масть житная, и тѣмъ помазовать тѣло и лице, коросту с тѣла и угри с лица съгонить.

Аще кто глухъ: Возми молока женскаго, коя отрока кормитъ послѣ роду десяти дней, и к тому прибавивши трави чесноку дикаго по разсуждению, и то болящій пускай каплей по двѣ или по три въ ухо, утро и вечеръ, тако слухъ явится.

О диняхъ: Сѣмя динное варить в водѣ и тою водою лице и руки умивать, тогда тѣло чисто и бѣло станетъ.

У кого зуби болятъ: Сѣмя чорной горчицѣ в ротѣ жовать съ уксусомъ вельми пристоить отъ всякой немощи зубной.

У кого бѣльмо на окѣ: Сокъ горчичной пущенъ въ око бѣлмо сгонитъ.

У кого голова болитъ: Стерши раки съ деревянимъ масломъ, да намазати на платъ и привей къ головѣ гороздъ (s.), какъ можно терпѣть, и оной поможетъ вельми.

Аще жена родитъ дитя, и у нея мѣсто останется и она ходитъ при смерти: Возми сорочаго мозгу да растворі его въ водѣ и дай пити, и оной отъ того исцѣляетъ.

О совѣ птицѣ: Аще кто сову съисть, ино у того человѣка очи будутъ зрячѣ и тѣмъ очамъ никакой болѣзни небудетъ.

У кого будетъ трясавица: Возми совину ногу правую, и она отъ того скоро покинетъ.

О чистотѣ личной: Овесъ без луспинъ, варенъ в водѣ и потомъ толченъ смѣшанъ, да противъ того всего положить муки овсяной сѣяной и все вмѣсто поварить в водѣ, и тѣмъ аще лице умивать, и станетъ бѣло и свѣтло [1]).

У кого бородавици: Цибуля товчена съ сольлю, прикладиваемъ (s.) к бородавицамъ, и тако они погибаютъ и язви заживаютъ.

У кого насморкъ: Сокъ из луку вижать и в ноздри пущать— насморкъ и иныя нечистоти изъ глави виведетъ сморканиемъ и чханиемъ.

У кого в головѣ вши: Сокомъ часниковимъ помазуй главу, вши и гниди умираютъ и власи на главѣ укрѣпляются.

У кого облива на лицѣ: Мука пшенична съ уксусомъ подсиченимъ, и тѣмъ помазуетъ обливу на лицѣ, и лице чисто станетъ [2]).

У кого на тѣлѣ короста: Лукъ толченъ и разваренъ уксусомъ, и тѣмъ помазуетъ свербежъ и коросту тѣлесную, и тако тѣло гладко станетъ.

Ногамъ рукамъ албо опухлимъ: Руту съ оливою и солью утерти и т(ѣмъ) шатировать (s. вм. шмаровать); бождерево утерти съ оливою и тѣмъ жили в рукахъ и ногахъ съ солію плистировать.

У кого очи играютъ: Смородиннаго листу съ дождевою водою сварить и процѣдить сквозь платъ чистій, и тое на ночъ поставити, заспунтовавъши въ пѣчъ, в духъ легкий, и тоею жъ водкою очи помазать.

Листъ буквичній сваривши, и взявши зъ окропу, приложить на очи на цѣлую ночъ, и на взнакъ лежать.

---

[1]) Hortus amoenus. Флоринск. Рус. простонар. травн. 23.

[2]) *Облива*, ἐκζέμα; См. Флоринск. I. с. 21, 25.

№ III и IV.

Записки о лѣкарствахъ на разные болѣзны.

1) *От кашлю*: ляное насѣня впражити, потомъ стерти и питнимъ медомъ розвести, процѣдивши пить тепло; весма ползуеть.

2) *От катару*: пива доброго некислого пол кварти, цукру и шафрану по малой части пригреть гораздо, какъ можно стерпѣть, и випить, лягши на постелѣ, и вкритись и(з) головою; будет потъ пресилний, свободится отъ катару, болю в костяхъ.

3) *От кольки*: рути зварить в новомъ горшку, насипать пшеничних висѣвокъ, пригрѣть, какъ можна стерпѣть, скрозь платъ прикладать на болное мѣсто.

4) *От болѣзни зубной*: хлѣба житного осередокъ вмочить в горѣлку простую, посипать солю и приложить до щоки, где больной зубъ.

5) *На болѣзнь голови*: муки житнои несѣянои упрягши в новомъ горшчку, и смѣшать з оцтомъ крѣпкимъ и приложьть до голови; заразъ болѣзнь перестанет(ь).

6) *От вонѣновъ частихъ*: взять мяти, истерти, измѣшать з ладаном и з оцтом, мазать платок и приложить на персахъ под ложечку; ползу великую приносит(ь).

7) *От проносу кривавого*: взять двѣ чарки водки, неболшую часть селѣтри, столко ж и сѣрки, всипать у водку, запалить чтобъ вигорѣло половинную часть и теплое випити.

8) *На тож*: натерти каменя червоного густо, положить часть дриякви, розвести вином или водкою и випить.

9) — Назбирать листковъ подорожнику, видавить сокъ и випити.

10) *От поносу не кривавого*: дубовой жолудь стерти, посипать грѣнку, усушеную з разоваго хлѣба, и въ день три рази, ровно в полдень и вечеру изести.

Такожъ *от поносу* галуну часть перепалить, и жорновокъ стерти и з горѣлкою випить, ползуеть.

11) Ежели у кого здѣлается *конступация*, до... (горсть) маку бѣлого стерти и напитися с того маку молока: заразъ пронесе в четверть часа неотмѣно.

12) *От вонптовъ*: хрѣнъ терти и пити в горилки.

13) *От утроби*—молоко солодкое круто с перцем пити, или росаду капустяную стерти, змѣшати з горѣлкою круто и пити.

14) *На лишай:* горчицѣ бѣлои столкти змѣшати з приснимъ медомъ, положити на лишай.

15) *Рану* добре гоить угелля березовое. Стовчи и засипай рану: дивно гоить.

NB 16) *Масть* здѣлать *от рани* весма добрую: олива, живица, козиной лой по равной части спустить и прикладать.

NB 17) *На зубную болѣзнъ:* столчи насѣня кропового, измѣшай з оцтомъ и класти на болние зуби.

NB 18) *На шолутдь* лѣкарство: лугъ з попелу гречаного робити и мити голову, и взять водку сѣмяную и мазати, згоить.

19) *На мерзкое тѣло или рану:* убить кота ситого, винять з него сала, натовчи вербового листя, истерти рути, змѣшать, класти до рани.

20) *Медъ* варить з хмелемъ и придать материнки, будетъ хорошъ и вкусенъ.

21) *От гадини:* ежели гадина вкусить, намазать сѣркою з уха, небудеть пухнуть.

NB 22) Ежели *воспа* у дѣтей, свинячимъ молокомъ мазать и давать пить дитинѣ.

23) *На бѣлмо конское:* ежели у коня бѣлмо, у противное ухо соли всипать.

24) *На рану збитую на ногѣ:* воску ярого, оливи, ладану, все тое на паперѣ над свѣчкою знажъ и на полотнѣ ветхомъ здѣлай пластиръ, прикладай.

25) Ливандовий квѣтъ у винѣ пити вигонить урину.

26) *От жовтяницѣ:* в розинокъ вложить вошъ головную или з кошулѣ, дать потаенно зисти, весма ползуеть.

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Кампинскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Гринцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. Л. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тепинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. и. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Ист. Общ. Н. Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За пер. прилагается 25 к. Кн. 3 ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины".

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и мировоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго, рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1890 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.